

М.И. ГОЛЬМАН

**МОН
ГО
ЛИА
Я**

**ГЛАЗАМИ
МОНГОЛОВЕДА**

(60–70–е ГОДЫ XX ВЕКА)

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

М. И. ГОЛЬМАН

МОНГОЛИЯ ГЛАЗАМИ МОНГОЛОВЕДА

(60–70-е годы XX века)

Москва
ИВ РАН

2019

ББК 63.3 (5Мо) 64
Г 60

К 200-летию
Института востоковедения РАН

Ответственный редактор:
доктор исторических наук, профессор К. В. Орлова

Гольман М. И.

Г 60 Монголия глазами монголоведа (60–70-е годы XX века) / Отв. ред. К. В. Орлова; Институт востоковедения РАН. – М.: ИВ РАН, 2019. – 288 с., ил.

ISBN 978-5-89282-873-4

Книга рассказывает о работе и жизни автора в Монголии во время его командировок в 1966 и 1971–1972 гг. Основой повествования послужили дневниковые записи, путевые заметки и полевые тетради, которые велись М. И. Гольманом в Улан-Баторе и в поездках по всем областям (аймакам) страны. Используются также материалы некоторых центральных и местных архивов, статистические данные и результаты бесед с партийными, государственными и хозяйственными деятелями. Эти записки очевидца в целом дают представление о том, как проходило «построение основ социализма» в Монгольской Народной Республике.

ББК 63.3 (5Мо) 64
ISBN 978-5-89282-873-4

© М. И. Гольман, текст, 2019
© А. С. Яшин, дизайн обложки, 2019
© ФГБУН ИВ РАН, 2019

Содержание

Введение.....	5
ЧАСТЬ I	
Студенческие годы.....	15
Впервые в Монголии.....	21
ЧАСТЬ II	
Монгольская Народная Республика. 1966 год.....	33
Приезд и обустройство	33
Первые встречи, первые впечатления	38
Квартира и ее гости в 1966 г.	45
Надом	53
Поездка в Баянхонгор.....	56
Баянхонгор — культурное наступление.....	72
Снова в Архангае	74
Путешествие по востоку Монголии	78
По Халхин-Голу	81
И музыка и архи	88
В родных местах Чингисхана.....	92
В Чойбалсане	99
Поездка по маршруту город Чойбалсан — город Эрэнцав: взгляд изнутри	105
Четыре дня в Гоби	115
Посещение Промкомбината	118
Посол Л. Н. Соловьев о положении в стране и мои впечатления	119
Встречи с академиком Б. Ринченом и академиком Ц. Дамдинсурэном.....	125
Октябрь.....	128
Миша Гамбург — мой приятель	131
Ш. Сандаг о Д. Тумур-Очире	132
Ширендыб-гуай и А. А. Юнатов	135
Перед отъездом	138

ЧАСТЬ III

Май 1971– февраль 1972 гг.	145
Первый выезд	146
Праздник: 50 лет революции 1921 г.	156
Монголы о Чаушеску	160
Улан-Батор — Мурэн: начало путешествий	162
На рыбозаводе	167
Поездка на озеро Хувсугул	173
К пещере	178
Дорога Мурэн — Улясутай	188
29 августа. Дорога продолжается	192
Улясутай	198
В Гоби-Алтайском аймаке	202
Снова в Баянхонгоре	211
Шаргалжуут аршаан летом 1971 г.	213
Последние дни в Баянхонгорском аймаке	216
Домой в Улан-Батор	223
На юго-востоке Монголии	226
Улан-Батор. Конец осени 1971 г.	233
Улан-Батор. Декабрь 1971 — февраль 1972 гг.	242
Лама Самбуу	243
Китаец	245
Празднование Нового года	
по европейскому и монгольскому календарям	248
15 февраля	252
Последние дни в Улан-Баторе	254
Заключение	262
Приложение	280
Поездка в Сухэ-Батор	280
Summary	285

Введение

Впервые я побывал в Монголии в 1950 г. еще студентом Московского института востоковедения. А с начала 70-х годов я, будучи уже сотрудником академического Института востоковедения, носившего тогда название Института народов Азии и Африки, я часто приезжал в Монголию в трехнедельные и месячные научные командировки и старался при этом вести дневниковые записи. К сожалению, они не сохранились. Но сохранились — правда, далеко не полностью — дневники и полевые тетради от моей впечатляющей шестимесячной стажировки в Монголии в 1966 г. и не менее познавательной девятимесячной командировки в 1971–1972 гг.

Эти записки и легли в основу настоящей рукописи, наряду, конечно, с воспоминаниями, которые в мои годы на исходе восьмого десятка весьма отрывочны.

Следует отметить, что два периода моего сравнительно длительного пребывания в Монголии совпали с исторически значимыми, знаменательными событиями в новейшей истории страны — XV съездом МНРП в 1966 г. и 50-й годовщиной народно-демократической революции в 1971 г., — что придавало моим впечатлениям тех лет особую эмоциональность, приподнятость. Откуда это? Чтобы понять, надо немного рассказать о себе.

Два фактора определили начало моего становления как монголиста — один, можно сказать, мистический, а другой — командно-административный.

В пятом классе средней школы г. Москвы в районе, где я родился, рос и учился, как-то на уроке по истории СССР я, вызванный к доске, довольно складно и живо (естественно, по неплохому учебнику Панкратовой) рассказал о нашествии монголов на Русь (сейчас модно говорить не о нашествии, а о защите монголами русских владений от псов-рыцарей). И тотчас же ко мне приклеилась кличка «монгол» — слепой перст судьбы.

Однако поступал я в 1944 г. в Московский институт востоковедения (привилегированное высшее учебное заведение,

как и Институт международных отношений, находившееся под попечением МИДа) не на монгольское, а на индийское отделение. Имея весьма смутное представление о Востоке вообще, я считал, что изучать Индию с ее слонами и магадждами более интересно, чем Монголию с ее степями и яками.

Тогда вообще среди абитуриентов ходила присказка «курица не птица, Монголия не заграница» (прошло несколько лет, и я узнал — заграница, да еще какая!). А ведь все поступавшие, чего греха таить, мечтали именно о загранице, о работе и сладкой жизни за рубежом, на дипломатическом или ином поприще.

Так вот, сдав на отлично все вступительные экзамены, я с удивлением увидел свою фамилию в списке зачисленных ... на монгольское отделение. Свою роль, видимо, сыграли пресловутая процентная норма и нехороший «пятый пункт» моей биографии. Что делать? При поступлении мне было всего 16 лет, и я решил — ладно, проучусь годик на монгольском отделении, а потом перейду на искомое индийское. В переходе, как я ни бился, дирекция института и чиновники из наркомата народного образования мне отказали — сработал второй, командно-административный, фактор, и годик растянулся на все студенческие годы, а затем и на всю жизнь, о чем я нисколько не жалею, так как Монголия стала для меня страной обетованной, можно сказать — второй родиной.

На старте в 1944 г. на первом курсе монгольского отделения в институте учились не то 7, не то 8 студентов, но до финиша дошли всего 5. Мои учителя — Г. Д. Санжеев, А. Р. Ринчинэ, П. П. Старицына, М. Ф. Козырев, Ф. С. Цаплин, Я. Аюуржанаев, Ц. В. Цыдендамбаев и другие — открыли мне глаза на необычайно удивительный и самобытный монгольский мир, пробудили интерес к его истории и культуре, заложили основы страноведческих и языковых знаний.

А первая поездка в страну на языковую практику летом 1950 г. вместе с моими однокашниками, о чем пойдет речь впереди, убедила, насколько это чудесная земля, на которой живет замечательный, открытый, душевный, гостеприимный народ.

Впоследствии, когда мне посчастливилось неоднократно бывать во всех уголках страны, во всех аймаках (областях — их сейчас 21), эти первые впечатления только обогатились и углубились.

Так сложилось, что красный диплом об окончании института я получил в 1951 г., отработав до этого 1,5 года по комсомольской путевке на строительстве здания МГУ на Ленинских горах, где я обрел рабочую специальность облицовщика 3-го разряда.

Затем пришлось участвовать в составлении картотеки материалов на английском и немецком языках Коминтерна и МОПРа¹ и других международных организаций из архива Музея революции СССР и отправлять в спецхран любые документы, где хотя бы один раз упоминался кто-то из репрессированных «врагов народа». А их было немало.

Работал в 1950 г. на выставке подарков И. В. Сталину, где переводил, сначала выборочно, а потом все подряд, поздравления и благопожелания вождю от благодарного монгольского народа — не умри он, я бы продолжал заниматься этим богоугодным делом до сих пор, поскольку таких «исторических» документов набралось 16 толстых томов.

Некоторое время я выступал в ипостаси личного секретаря члена ВКП (б) с 1898 г. (в годы подполья известного под партийной кличкой Абсолют) — яркой представительницы старой гвардии большевиков — Елены Дмитриевны Стасовой, на квартиру которой в «Доме на набережной» был направлен партбюро Музея революции читать ей от корки до корки газету «Правда».

Таким образом, в храм науки я пришел лишь в мае 1957 г. в качестве научного сотрудника сектора Монголии Института народов Азии и Африки АН СССР, впоследствии — Институт народов Азии, а затем — Институт востоковедения. Там уже сложился и успешно работал коллектив маститых монголоведов во главе с Сандже Данциковичем Дылыковым. Своими исследованиями И. Я. Златкин, Н. П. Шастина, А. Т. Якимов, Н. Т. Варгин, А. М. Печников проложи-

¹ МОПР — Международная организация помощи рабочему движению.

ли основные направления в изучении истории и экономики Монголии.

Проблемами социалистических преобразований в экономике и культуре МНР занималась зрелая талантливая молодежь: С.К. Роцин и Л.М. Гатаулина, а через некоторое время и Г.С. Матвеева.

Нелегко было найти свое место в этом созвездии, тем более что на самом старте меня на все лето 1957 г. послали строить здание аспирантского общежития АН СССР на улице Вавилова, а затем вместе с Л.М. Гатаулиной определили готовить под руководством Г.И. Слесарчук первый том серии архивных материалов по истории русско-монгольских отношений в XVII в.

По совету И.Я. Златкина я начал изучать монголо-ойратские законы 1640 г., и первая моя исследовательская статья о русских списках и переводах этого важнейшего историко-правового памятника XVII в. определила мою узкую специализацию, а именно: историография Монголии и далее — западная историческая наука о Монголии, вообще, западное монголоведение.

По этой проблематике я довольно поздно, в 1968 г., защитил кандидатскую (в 2000 г. — докторскую) диссертацию, опубликовал 4 монографии и большую часть из более чем 100 научных статей.

Моя первая монография «Проблемы новейшей истории Монголии в американской буржуазной историографии» переведена и издана в Монголии и, несмотря на идеологизированные название и содержание, как это ни странно, была опубликована, кажется, и в США. Вторая монография «Изучение истории Монголии на Западе XIII–XX вв.» и третья «Монголоведение на Западе (центры, кадры, общества) 50–80 гг. XX в.» также изданы в Монголии и выдержали по два издания в КНР.

В последние годы я переключился на современную проблематику, опубликовал монографию «Современная Монголия в оценках западных авторов» и несколько статей на эту тему, а также серию заметок о текущих событиях в Монголии для интернет-издания «Новое восточное обозрение». Издал также сборник «Избранные статьи и доклады».

Все монографии положительно оценены у нас в стране и за рубежом.

За время более чем полувековой работы в Институте востоковедения я был и в числе составителей сборников документов по истории отношений России (в XVII в.) и СССР (в XX в.) с Монголией и соавтором ряда крупных обобщающих трудов, например «История Монгольской Народной Республики», «История Монголии XX в.», «Россия и Монголия на пути стратегического партнерства», писал и на такие темы, как транспорт и связь в МНР, развитие исторической науки в Монголии, о монголоведении в Китае, о советско-монгольских отношениях, писал различные справки и доклады, записки, редактировал, а иногда и дописывал чужие работы, готовил к защите аспирантов.

Много моих статей опубликовано в «Большой» и «Малой» советских энциклопедиях, в Российской энциклопедии.

Но главной областью моих научных интересов и изысканий была, конечно, историография. И я с удовольствием сознаю, что мои работы в названной области уже тем себя оправдали, что в этом разделе науки поднимали целину и знакомили читателей с тем, кто, что и как на Западе писал и пишет о Монголии, ее истории и ее современном положении, что из себя представляет эта ветвь мирового монголоведения.

Я был непосредственным участником II–X Международных конгрессов монголоведов в Улан-Баторе, нескольких сессий Постоянной международной конференции алтаистов (ПИАК) в Осло, Вальбурге (Германия), Хельсинки и Москве, Международного форума памяти Кёроши Чома в Будапеште, трехсторонних конференций «Россия — Монголия — Китай» в Улан-Баторе и Москве и многих других международных и всероссийских научных конференций в Москве, Санкт-Петербурге, Улан-Удэ, Элисте. Но тогда, в 1960 г., на заре своей научной деятельности мне довелось лишь присутствовать на монгольской секции XXV Международного конгресса историков, а на всех остальных форумах, указанных выше, я уже отважился выступать с докладами.

Многие годы я преподавал историю и историографию Монголии в Институте стран Азии и Африки при МГУ² и горжусь тем, что среди моих учеников уже есть ставшие кандидатами и докторами наук.

Еще об одной своей ипостаси хочется сказать, ибо она тоже имеет прямое отношение к Монголии, точнее, к ее культуре. С 1962 г. сначала для приработка к зарплате семейного младшего научного сотрудника без степени, а затем и для души я стал переводить современную монгольскую художественную литературу. В издательствах «Художественная литература», «Молодая гвардия», «Детгиз» в моем переводе вышли повести и рассказы ряда монгольских писателей: С. Надмида, Б. Бааста, Д. Гармы, Д. Мягмары, Д. Тарвы, П. Хорлоо и др. Переводил сказки и даже два романа. В 1987 г. удостоился участвовать в первом международном совещании переводчиков монгольской литературы в Улан-Баторе, где был награжден почетной грамотой Министерства культуры МНР.

Вот все главное, что я сделал на ниве монголоведения, много это или мало — не мне судить. Но высокий орден «Полярной звезды» и другие монгольские награды, присвоенный мне титул «почетный доктор института истории АнМонголии», премии и почетные грамоты родного института дают мне право считать, что трудился я не зря, какой-то вклад в науку о Монголии все-таки внес и, можно сказать, что дело моей жизни уже почти сделано. Остается только попробовать написать эту книгу — не монографию, не исследование, а своего рода эссе о том, какой я видел Монголию во время своих долговременных пребываний и как с годами менялся облик этой страны.

В 60–70-х годах, в пору моей работы и путешествий по Монголии, страна завершала процесс строительства социализма, начатого, по существу, в 1921 г., и я смотрел на это, прямо скажем, восторженными глазами советского специалиста, радовавшегося успехам монгольских братьев. Отсюда налет апологетики в моих дневниках и полевых записях. Сейчас многое видится по-другому, тем более что в 1989–1990 гг., работая

² Ныне Институт восточных языков — ИВЯ.

почти целый год в Секретариате Международной ассоциации монголоведения в Улан-Баторе, я был непосредственным свидетелем периода «бури и натиска», периода уничтожающей критики представлений о «достижениях» монгольского социализма, а в свои приезды в Улан-Батор в XXI веке, последний раз в 2011 г. на X МКМ, я видел перед собой уже Монголию рыночную, капиталистическую.

Но как бы там ни было, основной вектор перемен в Монголии, при социализме, свидетелем которых мне довелось быть, состоял, по-моему, в неуклонном процессе модернизации и европеизации, в становлении Монголии как равноправного и активного члена мирового сообщества.

И если моя книга воспоминаний как-то поможет читателям представить динамику и какие-то детали этого процесса, то я сочту себя вполне удовлетворенным.

ЧАСТЬ I

СТУДЕНЧЕСКИЕ ГОДЫ

Специалисты, преподававшие нам монгольский язык, относились к разным национальностям, но среди них, к сожалению, не было ни одного монгола. Чуваш Филипп Семенович Цаплин, тогда аспирант нашего института, познакомил нас с монгольской азбукой и азами монгольской лексики. Он вскоре уехал в Монголию, кажется, от Общества культурных связей с границей, по возвращении защитил кандидатскую диссертацию и в 1964 г. издал ее под названием «Сотрудничество в годы Второй мировой войны», уже состоя в штате (с 1957 г.) сектора Монголии Института народов Азии АН СССР. В отделе, помнится, с ним иногда случались сердечные приступы, что и вынудило его оставить научное поприще.

На смену Ф.С. Цаплину пришел татарин, бывший сотрудник посольства СССР в МНР, Минахмет Фататхович Козырев. Скромный, доброжелательный человек, он учил нас чтению и переводам с монгольского. Мы с завистью смотрели на его шикарный заячий полушубок, явно монгольского происхождения, в котором он неизменно ходил зимой.

На последних курсах практику разговорной речи вел бурят Ямпил Аюуржанаев, бывший многие годы личным переводчиком у Х. Чойбалсана, а техникой переводов с русского на монгольский занимался с нами видный филолог, доктор наук, бурят Ц.Б. Цыдендамбаев.

Но главными преподавателями языка на всех пяти курсах были буряты Александр Ринчинович Ринчинэ и, конечно, декан Дальневосточного факультета, профессор Гарма Данцаранович Санжеев.

Первый занимался с нами все годы главным образом чтением и переводом газетных и немного литературных текстов, второй читал лекции по грамматике и основам монгольского языкознания.

Оба были весьма колоритными личностями. Александр Ринчинович всегда выглядел франтом, он тщательно заботился о своей внешности, подстригался только у классных мастеров в элитной парикмахерской в гостинице «Москва», был постоянно очень модно одетым и благоухал дорогим одеколоном.

А Гарме Данцарановичу было, по-моему, совершенно все равно, как он выглядит, в чем одет. Он мог, например, войти в класс, держа под мышками полы своего потертого демисезонного пальто. Как только раздавался звонок на перерыв, мог на полуслове прервать свою лекцию, а после перерыва продолжить с этого слова. Мог демонстративно притвориться спящим на общих собраниях. Ему были присущи и другие милые странности, что, впрочем, не делало его менее обаятельным.

У каждого из названных уважаемых преподавателей была своя метода, свой стиль преподавания, но единой стройной системы обучения языку, как мне сейчас видится, не существовало. Тем не менее все они в целом сумели пробудить в нас понимание того, каким самобытным языком является монгольский с его богатейшей лексикой и очень сложным грамматическим строем и какого длительного труда требует овладение им.

На первых двух курсах мы знакомились со старой письменностью, а потом перешли на кириллицу, а старую благополучно забыли. Учились по учебнику монгольского языка Гармы Данцарановича Санжеева и по краткому монголо-русскому словарю А. Р. Ринчинэ (М., 1947 — 13 тысяч слов).

Летом 1948 г. мы проходили языковую практику в одном из бурятских совхозов недалеко от пограничной реки Чикой — притока Селенги. Большую часть времени мы проводили на берегу местной речки, впадающей в Чикой, купались и загорали. Руководитель практики отставной майор Сычев, который преподавал в институте военный перевод, был занят не столько занятиями с нами, сколько ухаживанием за Майей Васильевой, на которой он по возвращении в Москву женился. Так что эта практика в окружении бурят мало что дала будущим монголоведам для совершенствования разговорной речи.

Вообще, за все пять лет обучения мы в классе ни разу не слышали настоящей монгольской речи, не общались с под-

линными носителями главного в Монголии халхаского диалекта, если не считать незабываемой встречи всех студентов нашего отделения с первым ректором открытого в 1942 г. Монгольского университета Базарын Ширендыбом. Однако он говорил с нами на безупречном русском языке (ему будут посвящены многие страницы этих воспоминаний).

В итоге мы научились читать и переводить в основном газетные тексты и немного освоили разговорную речь, в чем мне лично отчасти помог опыт общения с двумя монгольскими специалистами, которые два года подряд приезжали в Москву отбирать учебную литературу для монгольских студентов и помочь которым ориентироваться у нас в городе меня послал институт.

Они остановились в гостинице «Метрополь», хорошо говорили по-русски, а мои робкие попытки перейти на монгольский воспринимали с трудом. Однако я прислушивался к их разговорам между собой на родном языке, хотя мало что понимал.

Кроме языка мы изучали, конечно, историю Монголии. Лекции читала доцент Павла Павловна Старицына, читала по бумажке, схематично и скучно.

Один или два семестра со студентами всех курсов монгольского отделения занимался очень крупный ученый, лауреат Сталинской премии Эдуард Макарович Мурзаев. По программе он должен был преподавать физическую географию Монголии, но на деле его лекции сводились к интересным и очень познавательным рассказам о его удивительных путешествиях по этой стране, которую он исколесил вдоль и поперек. Собственно, на нем и закончилось наше страноведческое образование.

Из многих и разных общих курсов мне особенно нравились лекции и семинарские занятия по политэкономии капитализма Э.Я. Брегеля и лекции другого преподавателя по новой и новейшей истории Востока — блестящего оратора, фамилию которого, к сожалению, я не помню.

Учился я в общем легко, без натуги, получал пятерки по всем предметам, старался почти всегда сдать курсовые зачетные экзамены досрочно, дабы осталось больше времени на каникулы, а гулять я любил и даже в учебное время вместо библиотеки зачастую мотался по студенческим вечерам, осо-

бенно охотно в клубе МГУ с самодеятельностью и, конечно, танцульками.

Моим любимым предметом был английский язык. Его отлично, по строгой системе, преподавала красивая, но очень строгая учительница, и я уже к третьему курсу мог сравнительно свободно читать в оригинале Оскара Уайльда и даже Вильяма Шекспира.

С разговорной речью было сложнее, но я старался. Спарринг-партнером был мой одноклассник Виктор Денисов. Он учился на японском отделении и жил по соседству со мной в Марьиной Роще, а я — у театра Красной Армии, в Никоновском переулке, маршрут в институт у нас был один: на 13-м троллейбусе от площади Коммуны до площади Дзержинского, оттуда на метро до Сокольников, а затем на трамвае до Ростокинского проезда, где находилась наша альма-матер. Каждое утро мы встречались на остановке троллейбуса и вместе отправлялись к институту в путь, который занимал больше часа. А по дороге пытались говорить друг с другом только по-английски. Получалось, прямо скажу, неважно, и мы завидовали при встречах студентам китайского отделения Вадиму Солнцеву и его будущей жене Нине, бойко изъяснявшимся на английском — до института они учились некоторое время за рубежом.

С Виктором мы долгое время дружили, это был талантливый парень, непреременный участник студенческой самодеятельности, на сцене он блестяще пародировал известных артистов и воспроизводил отдельные сцены из спектаклей. Ему бы пойти в артисты, но он пошел в МИД, где сделал блестящую карьеру, дослужившись до поста генконсула СССР в г. Осака в Японии. А в постсоветское время стал предпринимателем, учредил свою торгово-строительную фирму.

Вадим и Нина Солнцевы выросли в крупных ученых-лингвистов. Вадим был заместителем директора ИВАН, руководил там Отделом языков, а потом, с 7 апреля 2002 г. вплоть до своей безвременной кончины, в звании члена-корреспондента АН СССР работал директором Института языкознания РАН. Он был генератором многих новых идей в языкознании, под-

нял на высокий уровень теорию и практику изучения симбиоза западных и восточных языков, особенно стран ВА и алтайской группы. Нина — доктор наук, неизменно сопровождала мужа в его исследованиях во Вьетнаме, где они совместно открыли и описали много ранее неизвестных языков.

Мне и другим монголистам — членам научного общества монголоведов РАН — посчастливилось тесно общаться с Вадимом Михайловичем Солнцевым, по совместительству президентом этой организации, и в его заваленном книгами и рукописями рабочем кабинете в Институте языкознания РАН, и на Международных конгрессах монголоведов (МКМ) в Улан-Баторе, и на конференциях Постоянной международной ассоциации алтаистов (ПИАК), где он возглавлял российские делегации, и на их с Ниной Васильевной даче, и в их гостеприимном и хлебосольном доме в Москве. Член-корреспондент РАН Вадим Михайлович по-отечески заботился о своих сотрудниках и сумел договориться о бесплатных обедах для них в китайском ресторане, которому сдал в аренду часть подвальных помещений Института языкознания. И всякий раз после деловых разговоров с нами у себя в кабинете он предлагал спуститься вниз и отобедать. Вадим Солнцев был замечательным рассказчиком, прекрасно разбирался в художественной литературе, знал массу стихов, и общение с ним в любое время доставляло огромное удовольствие.

Нина Васильевна не отставала от мужа по части учености, блестяще владела английским языком, на котором неизменно выступала на международных научных форумах и часто помогала и мне выступать с докладами на английском. К тому же она была замечательная хозяйка, мастерица готовить и угощать гостей изысканными китайскими блюдами. В 2005 г. она вышла на пенсию, страдала тяжелыми недугами и, к глубокому сожалению, нас покинула.

Я отвлекся от темы, но ничего не сказать об этих двух замечательных людях, моих бывших однокашниках, я просто не мог.

Возвращаясь к главной теме, студенческим годам, вспоминаю, что помимо учебы я активно занимался спортом —

волейболом, академической греблей, боксом; на третьем курсе вступил в институтское научное общество и от него дважды — в 1946 и 1947 гг. — ездил в Ленинград, где выступал с докладами перед студентами монгольского отделения ЛГУ.

Один раз в летние каникулы работал физруком в пионерском лагере — детей одного московского хлебозавода. Лагерь располагался в подмосковной деревне в арендованных у колхоза нескольких избах. Запомнились физзарядка и соревнования, которые я проводил со всеми отрядами, а также наезжавшая в лагерь в порядке контроля директор завода — разбитная бабенка со свитой из представителей администрации и родительского комитета. В эти дни детей пораньше укладывали спать, а контролеры с начальником и завхозом лагеря со всеми вожатыми отправлялись на природу, где устраивали гулянки, с выпивкой, песнями и танцами под патефон и баян.

По завершении сезона и закрытии лагеря хлебозавод устраивал у себя банкет для всех причастных к его работе. Помню, что на столах перед каждым участником торжества стояла четвертинка водки. Было весело!

Как бы то ни было, но в первой половине 1949 г. я, как и мои сокурсники, защитил дипломную работу — что-то об истории образования Монгольской народно-революционной партии. Оставалось сдать госэкзамены и получить диплом и распределение. Меня прочили в аспирантуру, что открывало путь в науку. Но, увы, пойти по этому прямому пути мне было не суждено.

В 1949 г. к началу нового учебного года в институте открыли переводческий факультет, учебная программа которого для студентов, окончивших V курс, предусматривала языковую практику в изучаемой стране.

Соблазн побывать за границей, в Монголии, подучиться языку, особенно разговорному, превысил другие соображения, и я вместе с Ю. Березиным, Е. Баврином и Р. Губернаторовой добровольно, даже с большой охотой, перешел на этот факультет. Единственной, кто этого из нашей выпускной группы не сделал, была Майя Васильева: не помню, получила ли она диплом или нет, куда она делась — не знаю. Но практика

заставила себя долго ждать — оформление документов затянулось на целый год, и мы все это время откровенно бездельничали: лекций практически не было, языковых занятий тоже, и каждый из нас развлекался как мог.

Я лично бегал по музеям и театрам. К последним пристрастился еще со школьной скамьи, и было время, когда я не пропускал ни одной премьеры в оперных и драматических театрах. Довольно часто мы с друзьями и приятелями посещали рестораны, благо была повышенная стипендия и ее выплачивали регулярно: 780 рублей по тем временам — большие деньги. Например, мой отец до своей смерти в 1943 г., работая начальником планового отдела в издательстве министерства легкой промышленности, получал около 1000–1200 рублей. А 780 рублей — это была средняя зарплата служащего. Так что я чувствовал себя богатым: 400–500 рублей отдавал маме; она, инвалид с детских лет, всю жизнь была домохозяйкой, не имела трудового стажа и не получала пенсию. Мы с ней жили на то, что маме давали я и главным образом мой старший брат, инвалид войны, который получал пенсию по инвалидности и зарплату научного сотрудника Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

ВПЕРВЫЕ В МОНГОЛИИ

Точнее эту главу следовало бы назвать «Впервые в Улан-Баторе», так как за короткое время пребывания в Монголии летом 1950 г. я практически не выезжал за пределы столицы и ее окрестностей. Я тогда не вел никаких дневников, не собирал никаких материалов, так что все свои впечатления тех лет я буду излагать исключительно по памяти (а она в 90 лет, естественно, дырявая).

Но прежде всего надо сказать, как я очутился в Улан-Баторе. В 1949 г. я вместе с моими однокурсниками —

Юрием Березиным (он потом вплоть до пенсии проработал в системе Интуриста), Евгением Бавриным (он сделал карьеру, работая в ЦК КПСС, стал заместителем торгпреда, а затем и торгпредом СССР в Монголии) и Раей Губернаторовой (она всю жизнь работала на радио, в вещании на Монголию) — защитил дипломную работу и вместе со всей нашей группой перешел на переводческий факультет, в ожидании скорой отправки в страну изучения. Увы, скорой отправки не получилось.

Только весной 1950 г. все необходимые документы были готовы, мы прошли, как положено, собеседование в выездной комиссии ЦК КПСС, и в начале-середине июня наша великолепная четверка во главе с аспирантом нашего института Н. П. Ивченковым — он после защиты кандидатской диссертации по монгольскому языку работал в Министерстве народного образования — выехала на поезде в Улан-Удэ, откуда нас неизвестно каким образом должны были направить в Улан-Батор. Накануне отъезда мы в ресторане «Арабат», что был тогда напротив ЦУМа, сыграли отходную, пригласив наших главных преподавателей Гарму Данцарановича Санжеева и Александра Ринчиновича Ринчинэ.

Поблагодарили своих учителей за науку и получили наказ вести себя за границей достойно, не терять времени даром и совершенствовать свои языковые знания, стажирясь в различных монгольских учреждениях.

В Улан-Удэ пришлось провести пару дней, согласовывая с местными властями способ переброски нас в Улан-Батор.

На гостиницу денег не было, и потому поселили нас в здании военной комендатуры, на окраине города, на берегу Селенги. В доме располагалась также гарнизонная гауптвахта, где содержались солдаты-штрафники. Было смешно видеть, как они передвигались, поддерживая руками штаны, — поясные ремни были изъяты во избежание побега. Впрочем, они содержались без особой строгости и даже, помнится, ходили купаться и свободно общались с нами. Наш же вопрос решился гениально просто: в один прекрасный день рано утром подъехал грузовик-полуторка, мы погрузились в кузов, Ивченков

сел в кабину, и мы отправились в дальний путь к границе и далее в столицу Монголии.

Ей-богу, не помню, как мы проходили паспортный и таможенный контроль и проходили ли вообще. Помню только безбрежную и безлюдную уходящую за горизонт степь, которая открылась нам после пересечения границы, и помню наш грузовик, трясущийся по проселку. Сидеть на чемоданах было не ахти как удобно, особенно когда наш шофер неожиданно тормозил и выбегал в степь по нужде. А делал это он довольно часто. Как бы то ни было, но к вечеру мы добрались до столицы Монголии.

На наше посольство мы свалились как снег на голову, там нас, кажется, никто не ждал. То ли бумаги где-то затерялись, то ли посольским было не до нас, хотя это был первый в истории приезд московских студентов на практику в Монголию. Где и как мы провели первую ночь на монгольской земле — не помню. Кто-то нас, видно, приютил.

На следующий день из посольства нас направили, точнее, «отфутболили» к ректору Монгольского государственного университета Базарын Ширендыбу. Он очень радушно принял всю нашу группу в своем кабинете на втором этаже большого с классической колоннадой по фасаду трехэтажного здания, перед центральным входом в которое стоял монумент — статуя, памятник Х. Чойбалсану. Он и сейчас там.

Здание было полупустым — начались студенческие каникулы. Подробно расспросив о наших планах, *дарга* (начальник) вызвал своего заместителя по хозяйственной части и оперативно решил все бытовые вопросы с жильем, питанием, стипендией и работой.

Поселили нас в центре города в одном из студенческих общежитий — одноэтажном деревянном доме, похожем на большую избу. Он находился позади белокаменного в 4 этажа здания ЦК МНРП и правительства (там и сейчас располагается штаб-квартира партии, ныне МНП). А питаться прикрепили к привилегированной столовой в гостинице «Алтай», которая занимала длинное белое здание, растянувшееся по всей западной стороне центральной площади им. Д. Сухэ-Батора.

Впоследствии это здание поделили на части: в одной из них возник кинотеатр «Элдэв Очир», в других — разместились кафе, продуктовый и книжный магазины.

Дабы попасть в гостиницу из нашего общежития, надо было пересечь огромную площадь Д. Сухэ-Батора — по размерам большую, чем Красная площадь, — двигаясь от новенького здания Театра оперы и балета, находившегося на противоположной от «Алтая» стороне. В глубине площади, в ее северной стороне, шло строительство Дома правительства — он уже был возведен под крышу на 20 колоннах по фасаду, но все еще оставался в лесах, на которых, как муравьи, сновали туда-сюда строители — японские военнопленные.

На площади доминировал памятник Д. Сухэ-Батору: на высоком постаменте из сцементированной гранитной крошки, на поднятом на дыбы коне фигура всадника в остроконечной монгольской шапке, в портупее, с саблей на левом боку, с протянутой вперед правой рукой.

Д. Сухэ-Батор в те времена, да и на протяжении почти всей истории существования МНР, считался вождем революции 1921 г., основателем Монгольской народной партии и нового государства. Поэтому памятник носит сакральный характер, около него фотографировались не только монголы, но и все иностранные гости столицы. Сфотографировались и мы — я, Березин и Баврин, и это единственная фотография, которая осталась у меня с того времени.

А из впечатлений, сохранившихся в памяти, пожалуй, наиболее ярко запечатлелся сам Улан-Батор лета 1950 г. Он был необычайно красив и колоритен. Небольшой, компактный, он сверкал на солнце белизной невысоких каменных домов и строгой архитектурой в центре. Прежде всего, сам город — небольшой, чистый и с массивами белых юрт на его окраинах — казался нам миниатюрным на фоне могучей, лесистой Богдо-Улы и других вершин Хангайского хребта.

Его пересекала широкая магистраль, протянувшаяся от Ленклуба до консульского поселка, где в здании с колоннами располагалось наше посольство.

Помню красочную картину: араты в ярких *дэли*³, некоторые верхом на лошадях, другие с верблюдами на поводу, сгрудившиеся у длинного белого здания — Урт Цагаан, где располагались банк и кооперативные магазины. Всадники и верблюды на улицах города были не редкость, что придавало Улан-Батору тех лет особый восточный шарм.

Помню шеренгу монгольских солдат с винтовками к ноге, выстроенную перед зданием ЦК МНРП и Правительства. Это был почетный караул в честь встречи прибывшего в Монголию первого чрезвычайного и полномочного посла КНР. Должен сказать, что караул выглядел весьма непрезентабельно: строй был неровный, одеты *цирики* (солдаты) были в плохо подогнанные, совсем не парадные помятые гимнастерки, в штаны галифе с пузырями на коленях и не до блеска начищенные сапоги. Огромный контраст с тем, что стало через 16 лет, — тогда я увидел воинов настоящих.

Сохранилось в памяти и торжественное собрание государственного и партийного актива и широкой общественности 10 июля 1950 г., посвященное 29-й годовщине победы революции 1921 г. Собрание проходило, кажется, в зале гостиницы «Алтай».

Доклад делал Хорлогийн Чойбалсан. На нем был военный китель с орденами на груди. Мы сидели далеко от трибуны, но все равно было видно, что маршал здоров, бодр и говорит четко, не по бумажке. Конечно же, речь сопровождалась бурными аплодисментами и здравицами.

Х. Чойбалсан жил и работал за городом, в Райской пади, у подножия Богдо-Улы в скромном двухэтажном доме, к которому из центра проложили асфальтированную дорогу.

А 11–12 июля нас возили за город, на *надом* — вековой национальный праздник, где традиционно проходят три игры мужчин — соревнования по национальной борьбе, стрельбе из лука и скачки.

Память, увы, не сохранила картину этих соревнований лета 1950 г., но зато и сейчас перед глазами стоит красивое зрелище: масса разноцветных шатров и палаток различных

³ Дэли — монгольская национальная одежда типа платья-халата.

городских организаций, раскинутых на зеленом травяном ковре огромного плато, одной стороной примыкавшего к берегу реки Толы (уже много лет через него проходит дорога в международный аэропорт Буянт-Уха, а береговая часть занята юртовскими кварталами и хозяйственными постройками).

Помню, нас пригласили в большой шатер Союза писателей Монголии, где угощали кумысом, *борцоками*, *хушурами* и *бозами*⁴.

Кумыс наливали из большого чана, прикрытого деревянной крышкой. Наши хозяева подвязали крышку и ловко разливали напиток. Это были по-европейски одетые молодые люди, и мы не думали не гадали, что видим перед собой будущий цвет современной монгольской литературы — М. Чимэда, М. Цэдэндоржа, Б. Бааста, Д. Тарву и др.

Помню, как я опозорился на этом празднике — надоме. Мне дали прокатиться на лошади, но, видно, она сразу почуяла, что за седок у нее на спине, и, сделав несколько шагов, вдруг понеслась. Мои жалкие попытки натянуть поводья и остановить ее ни к чему не привели, и я почувствовал, что седло, а оно у монголов узкое, с высокими бортами, начинает сползать, и, еле высвободив ноги из стремян, грохнулся наземь. А лошадь умчалась вдаль, и хозяину доставило немало хлопот ее поймать.

Но праздник праздником, а надо было и работать, стажироваться. Меня с Женей Бавриным направили в Радиокomitee, он располагался, кажется, рядом или за Министерством иностранных дел, в общем, недалеко от нашего общежития, на площади Д. Сухэ-Батора. А куда прикрепили Юру Березина и Раю Губернаторову не помню.

В Комитете нас определили в отдел вещания на Монголию. Туда мы ходили как на работу ежедневно по будням, как правило, на полдня. Наш непосредственный куратор — монгол среднего возраста, в совершенстве владевший русским языком, — давал нам вырезки из советских газет, которые мы должны были переводить на монгольский для передачи

---

⁴ *Борцоки* — вид печенья, приготовленного в кипящем масле; *хушуры* — большие пирожки с мясом; *бозы* (монг. *бууз*) — монгольские пельмени, приготовленные на пару.

в эфир. Но туда они попадали в редчайших случаях, и то после тщательнейшей правки или переделки нашим начальником — *даргой*.

Наш «деревянный» монгольский язык никак не мог устраивать его, и переводы в подавляющем большинстве случаев летели в корзину. А учить нас правильно переводить у дарги не было ни времени, ни желания. Но вот поведать нам как-то в разговоре простенький, но насмешливый анекдот о Советском Союзе время у него нашлось. Я счел анекдот, по глупости, безобидным и, чтобы не обидеть рассказчика, подхихикнул, а Е. П. Баврин, насупившись, жестом призвал меня дальше не раскрывать рот.

Этот первый случай потери бдительности стоил мне потом очень дорого, но об этом позже.

В свободное время и по выходным мы всей группой знакомились с достопримечательностями столицы, побывали в единственном тогда действующем монастыре Гандантэгчинлине — тогда очень скромном, в Зеленом дворце богдо-гэгэна⁵, превращенном в музей, на промкомбинате⁶, в магазине которого в тот день продавали пальто из грубой кожи на фланелевой подкладке, и перед прилавком царила невероятная давка — было похоже, что покупатели не ведали, что такое стоять в очереди и соблюдать порядок. В Москве я подарил его своему родному дяде — зимой он ездил в нем на работу.

Часто бывали в клубе для советских специалистов — Ленклубе — двухэтажном здании с кинозалом, библиотекой, книжной лавкой и буфетом. Кажется, там я познакомился с замечательным человеком — Аюур Жамцараном и с его супругой Майей, русской красавицей, балериной Мариинского театра оперы и балета. Мы подружились, и с годами Аюур до конца своей жизни стал мне самым близким монгольским другом. Красавец, родившийся от смешанного брака монголки и китайца, он тогда был своего рода плейбоем, единственным,

---

⁵ Богдо-гэгэн Джебдзун Дамба хутухта VIII — теократический глава монгольского государства в 1911–1924 гг.

⁶ Промкомбинат — один из первых промышленных предприятий в стране. Построен с помощью СССР в 1934 г.

по-моему, в Улан-Баторе владельцем мотоцикла, на котором гонял по округе.

Помню наши походы в баню, куда мы впервые пошли сразу после приезда смывать дорожную грязь. Но по дороге туда, а она располагалась на окраине города, оказались с ног до головы в пыли — попали в сильную пыльную бурю. Не помню, то ли это была специальная баня для советских специалистов, то ли там был отдельный зал для них, но вот то, что только для них существовала пошивочная мастерская, помню отлично.

Там работали классные советские мастера, и один из них пошил для меня хороший костюм и красивое демисезонное пальто.

В этой мастерской или в Ленклубе, точно не помню, мы познакомились и стали общаться с одной дамой средних лет и приятной наружности. Она, как опытный товаровед, была командирована в одно из предприятий легкой промышленности сроком на год. Как-то в разговоре она призналась, что на работу в Монголию ее подвигла в частности мечта о беличьей шубке. С меркантилизмом наших людей в Монголии я потом сталкивался еще не раз.

И вот однажды наша знакомая дама — годы начисто вычистили из моей памяти ее имя — пригласила всю нашу группу к себе на дачу — в свой домик в дачном поселке для иностранных специалистов. Мы его еле нашли, но, увы, хозяйки в нем почему-то не оказалось. Раздосадованные, прикрепили к дверям записку, которую я написал и считал весьма остроумной, хотя, по сути, она была двусмысленной и обидной. Текст вызвал смех у всей группы, включая нашего руководителя Ивченкова. Но когда мы двинулись в обратную дорогу к рейсовому автобусу, на котором приехали в поселок, он неожиданно повернул назад, добежал до домика и сорвал записку.

Я возмутился — нарушена свобода слова! Мы поссорились. Ссора продолжалась и по возвращении в общежитие. Слово за слово, Ивченков обозвал меня «щенком», а я дал ему пощечину. Но по существу он ведь был прав: записка могла незаслуженно оскорбить женщину. Мог получиться скандал, но тогда по дурусти я этого не понимал.

Слух о нашей ссоре незамедлительно донесли до нашего посольства и через день после нее меня и моего руководителя вызвали на ковер к консулу. Ивченков принял мои извинения, но получил указание строго следить за моим поведением и в случае чего-либо сообщать по инстанции.

Будучи вроде бы прощенным, я не понимал тогда, что очутился под колпаком и что отныне хожу по острию ножа, потому продолжал беспечно стажироваться в Радиокomiteе, общаться с Аюуром, с нашей общей знакомой, ходить в Лен-клуб — жизнь продолжалась.

В августе начались приемные экзамены в университет, и Ширендыб-гуай подрядил нас принимать вступительные экзамены по русскому языку, а с начала учебного года — заниматься нам с первокурсниками, получая зарплату преподавателя.

Запомнился облик Ширендыб-гуая того времени, всегда по-европейски модно одетого, при галстукe, молодого, энергичного, бодро взбегавшего по лестнице в свой кабинет и неизменно с главным органом ЦК КПСС газетой «Правда» в руке.

Его предложение помочь с изучением русского языка студентам университета нами, конечно же, с радостью было принято. Но мне лично довелось принять экзамен только у одной милой девушки (которой я поставил пятерку), так как пришел досрочный конец моему пребыванию в Монголии. После ссоры с Ивченковым это неминуемо должно было рано или поздно случиться: быть начеку весь год я вряд ли бы смог. Так вот, в один прекрасный выходной день Аюур долго катал меня на мотоцикле по городу, свозил даже к городской резиденции Х. Чойбалсана, а затем отвез в тот самый дачный поселок, где я навестил знакомую даму. Засиделся и возвращался обратно уже на автобусе. В общежитие пришел довольно поздно и на вопрос Ивченкова «где ты был?» черт дернул ответить «пьянствовал с монголами». Все, соответствующая докладная записка Ивченкова ушла в консульство, и мне было предписано в кратчайшие сроки, чуть ли не в 24 часа, покинуть Монголию. Трогательного прощания с группой, естественно, не было. Мои товарищи по указанию консула меня осудили.

Возвращался я поездом — трансмонгольская магистраль — Улан-Баторская железная дорога еще была в процессе строительства, но сообщение по линии Улан-Батор — Наушки — Москва было открыто еще в 1949 г. Неожиданно я оказался в одном плацкартном вагоне с Аюуром и его супругой, и недельное совместное путешествие меня с ним сблизило настолько, что по прибытии в Москву, а они должны были на следующий день отбыть в Ленинград, я предложил им не маяться с камерами хранения и гостиницами, а переночевать у меня дома, что и было сделано.

Так что, перед пораженной моим неожиданным возвращением домой мамой я предстал не один, а с монгольскими гостями. И началось. На общем собрании монгольского отделения меня за недостойное комсомольца поведение, да еще за границей, исключили из комсомола и из института, хотя мне оставалось досдать только госэкзамены. Причем утверждали это решение не где-нибудь, а в ЦК комсомола, перед самым вельможным Первым секретарем Михайловым. Докладывал тогда секретарь комитета комсомола моего отделения, впоследствии советник посольства СССР в Монголии А. Н. Катеринич. Припомнили — невесть откуда только узнали — и мое рукоприкладство, и пьянку с монголами, и анекдот, рассказанный, как заявил кто-то из свиты, монгольским белогвардейцем.

Сейчас, сквозь призму долгих лет, мне кажется, что летом 1950 г. я одним глазом увидел кусочек девственной Монголии, еще только-только стоящей на пороге индустриализации и массового кооперирования аратов, жилищного строительства в Улан-Баторе — городе, сохранившем свою неповторимую самобытность и восточный колорит и жившем мирной, размеренной жизнью с редким движением машин и людских потоков на улицах. Он был яркой жемчужиной в окружении живописных горных хребтов.

Через 16 лет я его не узнал.

ЧАСТЬ II

МОНГОЛЬСКАЯ НАРОДНАЯ РЕСПУБЛИКА. 1966 ГОД

Приезд и обустройство

Между моими двумя относительно долгими пребываниями в Монголии: (шесть месяцев в 1966 г. и девять — в 1971 г.) немало общего. Оба раза у меня была одинаковая научная программа и одна цель: сбор материалов о строительстве социализма в монгольской сельской местности *худоне*, а также общее знакомство со страной, с жизнью и бытом ее населения. Оба раза моими кураторами были Институт истории АН МНР и иностранный отдел президиума АН МНР.

В целом одинаков был и мой образ жизни в Монголии в те годы: работа в библиотеках, архивах, Статистическом управлении, занятия языком, знакомство с научными и культурными учреждениями, промышленными предприятиями, достопримечательностями города, общение с монгольскими и советскими коллегами и друзьями, посольскими работниками — это все в Улан-Баторе и разъезды по стране: в 1966 г. — по Центральной и Восточной Монголии, в 1971 г. — по западу и юго-востоку страны. В итоге я побывал во всех тогда 18 аймаках (областях), посетил десятки сомонных (районных) центров и с 70-х годов одновременно центров сельскохозяйственных объединений (СХО — колхозов), ознакомился с фабриками, заводами, со школами, здравницами, больницами, с экспозицией и некоторыми архивами в местных краеведческих музеях и кабинетах, останавливался и несколько раз ночевал в юртах простых ара-тов — кочевников-скотоводов, вел с ними долгие беседы.

Наконец, оба раза меня селили в одну и ту же трехкомнатную квартиру на первом этаже одного из четырехэтажных

зданий типа «хрущевок», окружавших полукольцом проходной двор позади шестиэтажной громады «Их Дэлгуура» (Центрального универмага), построенного китайцами. В этих домах Академия наук арендовала жилье для иностранных специалистов.

Квартира была коммунальной, к моему приезду в 1966 г. там проживали буряты: известный ученый-историк и историограф Бимба Доржиевич Цибилов из Бурятского научного центра СО АН СССР и аспирант Бурятского государственного университета Григорий Григорьевич Банчиков.

Б. Д. Цибилов был замечательным, врожденным восточным интеллигентом, необычайно скромным и в то же время взрывным, энергичным и очень добросердечным. Наше состоявшееся тогда знакомство продолжалось до конца его жизни, мы неоднократно встречались и в Улан-Удэ, и в Улан-Баторе, он возил меня в Агинский монастырь, где показал себя глубоким знатоком бурятской иконографии. И каждая наша встреча доставляла мне огромное удовольствие.

А с Г. Г. Банчиковым — Гошей — мы успели стать близкими друзьями на всю жизнь всего за 10 дней до окончания его стажировки. Он уехал, 13 мая защитил кандидатскую диссертацию о свадебных обрядах монголов, преподавал в университете и часто приезжал в Москву судить соревнования по боксу. Он даже был в числе судей на Олимпийских играх 1980 г. в Москве. И почти всегда останавливался у меня.

Некоторое время у меня жил и его сын при поступлении в МГИМО, а когда я бывал в Улан-Удэ, то неизменно навещал его в доме на улице Бабушкина, 22, квартира 115, и его рано ушедшая из жизни супруга Тамара угощала меня домашними пирогами, рыбными и мясными блюдами. Я заметил, что на кухне было много консервов. «Зачем тебе столько банок?» — спрашивал я Гошу. «Они не портятся, — отвечал он, — мало ли что».

В последние годы его жизни мы не виделись, и о его безвременной кончине я узнал в 2010 г., будучи проездом в Улан-Удэ по дороге на X Международный конгресс монголоведов в Улан-Баторе.

С Бимбой Доржиевичем, «Бимбушей», как его ласково называли московские монголоеды, мы прожили душа в душу до его отъезда 15 августа. Но не одни. В 1966 г. я занимал после Гоши ближнюю к входной двери комнату, примыкающую к кухне. В дальней комнате тогда обитал Б. Д. Цибилов. А вот в третью, самую большую и проходную комнату — зал, к нам периодически на разное время подселяли то венгерского профессора-ихтиолога Кацаба в мае, то чешского кардиолога долговязого мужчину Затопека в июне, то археолога, тоже чеха, веселого и симпатичного парня Радека, который прожил аж до 24 сентября.

После отъезда Б. Д. Цибилова в его комнату поселили аспирантку Института этнографии АН СССР калмычку Валю Амбулаеву — внешне весьма миловидную, но очень вздорную девушку. Когда она 10 октября отбыла на родину, я вздохнул с облегчением, но одному пожить удалось недолго. Уже 23 октября эту комнату занял Анатолий Молчанов, приехавший на годичную стажировку от Всесоюзного радиокомитета. С ним я соседствовал до конца моего пребывания в Монголии в 1966 г.

А в 1971 г. на пороге этой квартиры меня встретила с книксеном худощавая милая женщина — Люся, персональная машинистка президента АН МНР Б. Ширендыб-гуая. Уроженка Харькова, она была замужем за монгольским летчиком, лейтенантом Шагдаром. Они вроде бы развелись, но продолжали общаться, Шагдар периодически появлялся в ее — бывшей моей в 1966 г. — комнате. Осенью они жили как одна семья с 5-летним сыном Арсланом, которого Люся забрала из детдома. Люся стала мне доброй соседкой до моего переезда в новое жилье в конце октября 1971 г.

В день моего приезда я застал в квартире кроме Люси еще трех венгерских геологов, копошившихся с укладкой вещей в большой комнате, назавтра они собирались выехать в поле. Вообще, большая комната редко когда пустовала, особенно в 1966 г., была своеобразным проходным прибежищем для командировочных из соцстран Европы.

Было любопытно наблюдать, как эти иностранцы старались избегать монгольской пищи. Так, венгр Кацаб питался, кажется,

одним земляничным вареньем, а чех Радек кормил себя исключительно китайской свиной тушенкой в банках. Впрочем, наши с Цибиковым угощения, приготовленные из монгольских продуктов, они поглощали с большой охотой. А продукты мы покупали в основном в «Их Дэлгууре», первый этаж которого был отведен под продовольственный магазин, и в так называемой «Двадцатке» — двухэтажном здании тоже на проспекте Мира — магазине для иностранных специалистов. Продукты там продавались на первом этаже, а на втором — промтовары. И было совестно и горько видеть, как рьяные вахтеры отталкивали своих же граждан, пытавшихся проникнуть в магазин без пропуска или униженно просивших нас купить им что-то из вещей или бутылку архи — водки. Таких привилегированных торговых точек — ОРСов и Военторгов — было несколько в столице, во многих сомонных центрах и в каждом аймаке по одной. И монголам туда, увы, доступа не было. Зато в один из кратких приездов в Улан-Батор, примерно в 80-х годах, я застал уже выстроенный для иностранцев целый торговый центр с магазинами разного профиля, включая даже книжный, и конечно, обнесенный железным забором. И это вдобавок к продолжавшей функционировать прежней торговой сети для иноземцев.

Надо сказать, что шопинг отнимал немало времени. Еще больше его уходило, особенно в 1966 г., на встречи-проводы, приемы гостей и ответные визиты, застолья и чаепития. «Сладкая жизнь, черт бы ее побрал, — записал я в дневнике. — Даже письмо написать некогда».

А пока закончу о быте. Мы, стажеры, получали 1000 тугриков на месяц, и этого хватало на питание, почту, покупку книг и шмоток, на посещение музеев, театров и кино, на разъезды. Квартира не требовала расходов, все необходимое для нормальной жизни в ней было: мебель, правда, типа нашей «гей-славяне», электроплита, посуда, кухонные принадлежности, даже щетки для чистки обуви. Ванна была, но такая, что мыться в ней не хотелось. Тем более что летом горячей воды не было.

Постельное белье нам каждые 10–15 дней менял комендант этого и других арендованных помещений — он жил в сосед-

нем подъезде — иногда с задержками, но в целом регулярно. Завтракали и ужинали мы на кухне — самом уютном уголке нашей обители. На обед меня, Гошу и Цибикова, а также проживавших над нами на 2-м этаже коллег из сектора Монголии и института Г.И. Слесарчук, мою незабвенную спутницу во многих путешествиях по просторам Монголии в 1966 и 1971 гг. филолога К.Н. Яцковскую и известного антрополога И.М. Золотареву возил на дряхлом румынском микроавтобусе в посольскую столовую удивительный человек Навандо. Шофер от бога, выходец из первых рядов монгольского рабочего класса, он в 30-х годах был водителем у самого маршала Чойбалсана. Мастер на все руки, он бесконечно чинил и латал эту румынскую «антилопу-гну», которую давно надо было выбросить на помойку, но он как-то ухитрился поддерживать ее на ходу и обслуживать нас, несмотря на частые поломки по дороге. Уже немолодой, он все еще оставался крепким, а по характеру был необычайно добродушным человеком.

А посольство наше по-прежнему, как и в 1950 г., находилось в белом двухэтажном особняке с колоннами, довольно далеко от центра города. Вокруг здания стояли жилые домики российских дипломатов, магазин и столовая.

После обеда все разбредались по своим делам, чтобы вечером, как правило, снова собраться в нашей квартире.

В 1971 г. прежней транспортной услуги уже не было, и я обедал, да и вообще жил и питался самостоятельно. А посольство как раз в дни моего приезда перебралось из особняка в большой посольский комплекс в самом центре города — протяженное двухэтажное служебное здание, с примыкающими к нему 11-этажным жилым корпусом, теннисными кортами, волейбольной площадкой, зоной отдыха, магазинами на первом этаже жилого корпуса, сауной и пр.

Мне всегда казалось, что новое жилище наших дипломатов — единственный высотный дом на проспекте Мира и, вообще, весь комплекс, обнесенный частоколом железной изгороди, мозолил глаза монголам.

Первые встречи, первые впечатления

Первыми, с кем я встретился на следующий день после приезда, были директор Института истории АН МНР академик Ш. Нацагдорж и президент Академии наук Б. Ширендыб.

Вальяжный, в дорогом костюме, возможно, одном из тех, которые он с моей организационной помощью неизменно заказывал в привилегированном ателье Президиума АН СССР во время своих наездов в Москву, Ш. Нацагдорж принял меня в своем кабинете на третьем этаже университета, где в 1966 г. несколько комнат занимал Институт истории АН МНР. Беседа была деловой, даже несколько официальной — речь шла о моих планах, программе пребывания, и было обещано оказать мне всяческое содействие в ее реализации: организации занятий языком, поездок по стране.

В беседе принял участие ученый секретарь Института историк Н. Ишжамц. Он тут же предложил мне написать статью о монголоведении в США для «Ученых записок» Института (это было, хоть и с задержкой, но исполнено). Милый человек Н. Ишжамц стал любимцем сотрудников нашего сектора: когда бы мы ни приезжали в Улан-Батор, он всегда приглашал нас к себе домой, щедро угощал и не отпускал без подарков. Увы, в 1998 г., на следующее утро после очередной радостной встречи, я и мои коллеги Елена Бойкова и Галина Яскина узнали, что, проводив нас, ночью дорогой наш Ишжамц неожиданно скончался. Радость встречи сменилась горечью и печалью похорон и поминок.

В общении со мной Ш. Нацагдорж держался на расстоянии, близости не допускал. За многие годы нашего знакомства я только однажды, в конце 1966 г., был удостоен чести приглашения к нему домой на обед. Его квартира находилась в центре города, в том же доме, где проживал с семьей мой самый близкий монгольский друг Аюур Жамцаран. Однако квартира Аюура с практически голыми стенами выглядела

спартанской, тогда как у Нацагдоржа она была обвешана коврами, разными дорогими украшениями и выглядела очень богатой. Обед подали на тончайшем китайском фарфоре. Но самым большим украшением дома оказались две дочери Ш. Нацагдоржа — изумительные красавицы, да и супруга его была весьма красивой женщиной.

По-иному сложились наши отношения с незабываемым Ширендыб-гуаем. Я знал его еще по Москве, в 1957–1959 гг. он был докторантом нашего института и активно участвовал в работе сектора Монголии — обсуждении и рецензировании работ сотрудников, в различных дискуссиях. Уже тогда я восхищался широтой его интересов и знаний, умению глубоко проникать в суть вопросов, его острым умом и полемическим задором. Ярко прошла защита его докторской диссертации, я был там и затем на банкете по этому случаю в престижном ресторане «Метрополь».

Летом 1960 г. Ширендыб возглавил большую делегацию монгольских ученых, приехавших в СССР для ознакомления с постановкой работы академических учреждений в канун образования АН МНР в 1961 г. Я был в числе сопровождавших делегацию в поездке в Ленинград и мог воочию наблюдать, с каким уважением относятся к Ширендыбу другие члены делегации, сами крупные ученые — историк Ш. Нацагдорж, филолог Ц. Дамдинсурэн, археологи Х. Пэрлээ, Н. Сэр-Оджав, языковед Н. Лувсанвандан, — с каким вниманием они слушали его ежедневно по утрам во время сбора всей делегации за завтраком в роскошном зале гостиницы «Европейская». Но близкими знакомыми мы не были, и для меня стало полной неожиданностью, когда спустя пять лет в Улан-Баторе в институте мне сообщили, что президент АН МНР ждет меня в 18 часов в президиуме Академии.

С волнением поднимался я по лестнице на последний этаж большого здания Публичной библиотеки, где в 1966 и 1971 гг. размещался президиум. Кто он, к которому я шел, и кто я? Он — видный государственный и общественный деятель, большой ученый, основатель и глава Академии, депутат ВНХ, председатель государственной комиссии по реабилитации

невинно репрессированных в 30-е годы и т.д. А я — младший научный сотрудник без степени. Так что волнение было вполне естественным, но напрасным: Ширендэб-гуай любезно и долго расспрашивал меня, как я устроился, все ли в порядке в бытовом отношении, и внимательно, с интересом выслушал рассказ о моих творческих планах, одобрил цель стажировки. Затем он вызвал своего секретаря Ламжаву и попросил принести нам по чашечке кофе. Обещав оказать помощь и поддержку, президент пригласил меня принять участие вечером в проводах венгерского агробиолога Ферраго в ресторане гостиницы «Улан-Батор».

Из огромного кабинета, похожего на большой зал, в дальнем углу которого стоял массивный письменный рабочий стол президента, я вышел с чувством, что Ширендэб-гуай может быть моим добрым опекуном и наставником. Так оно и произошло.

В этот же день после обеда я встретился в посольстве с советником по культуре Денисовичем, которого очень заинтересовала моя специализация — западное монголоведение, — и он предложил мне подготовить выступление на эту тему перед посольскими работниками. Согласился.

А вечером я был на приеме в честь симпатичного парня Ферраго, который вел исследования, касающиеся защиты растений.

Семиэтажная гостиница «Улан-Батор» в 1966 г. самая большая и парадная, построенная китайцами в 1962 г., стала одной из достопримечательностей города. Здание украшает портик с поднятой над ним крышей. В мраморном вестибюле полумрак, витрины с сувенирами, мальчики в штатском... Прием проходил в большом главном зале. Вел прием Ширендэб-гуай, присутствовали все сотрудники иностранного отдела президиума Академии, Денисович, монгольские ученые. Поражали блестяще сервированный стол, красивые молодые официантки в национальных одеждах, но с безупречной европейской выучкой, отменная кухня, разнообразие напитков.

Сначала атмосфера была несколько скованной, официальной, но постепенно она оживилась, и началось свободное общение. Когда все закончилось и участники разошлись,

Ширендыб-гуай предложил подвезти меня до моего жилья. В машине он вдруг заговорил по-английски, задавал простые вопросы, спрашивал о моих впечатлениях о приеме. Путая английские и монгольские слова, я кое-как отвечал на вопросы. Ну, а главное, я получил предложение сопровождать Ширендыб-гуая в поездке в Баянхонгор.

Итак, первый день в Улан-Баторе был очень насыщен. Такими же насыщенными были и последующие дни городской жизни. С 5 по 13 мая я бегло знакомился с городом, начал осваивать каталоги Публичной библиотеки, приступил к занятиям по старомонгольской письменности с ее блестящим знатоком, автором первого толкового словаря монгольского языка Я. Цэвэлом. Небольшого роста, хрупкий на вид, с тихим голосом и мягкими манерами интеллигента, Я. Цэвэл производил впечатление ученого, целиком погруженного в свое любимое дело — языкознание.

Что касается Улан-Батора, то за 16 лет со времени моего первого посещения он изменился до неузнаваемости, вырос в большой столичный город с широкими площадями, прямыми улицами, плотно застроенными, особенно в центре. Его главная магистраль — проспект Мира, вдоль которой вытянулись по обеим сторонам однотипные четырехэтажные бело-розовые жилые дома — первые 40 тысяч квадратных метров, построенных китайцами. Ими же возведены высокие здания Центрального универмага «Их Дэлгуура» и гостиницы «Улан-Батор», современный, из стекла и алюминия Центральный выставочный павильон по соседству с большим зданием Публичной библиотеки. Постовые милиционеры в белых перчатках жезлами регулируют движение автомобилей и комодоподобных громоздких чешских автобусов — единственного тогда вида общественного транспорта в городе.

Вместе с тем в 1966 г. Улан-Батор сохранял самобытные черты, придававшие ему уникальный восточный колорит: всадники и арбы на проезжей части улиц, большие массивы окруженных заборами дворов (хашанов), где люди жили в юртах, китайские фанзы с огородами на плоских крышах, буддийские монастыри.

В 1971 г. подобных примет стало меньше, но зато к современному архитектурному облику столицы прибавились Музей революции, здание нового цирка, напоминающего большую юрту, комплексы 12-этажной гостиницы «Баян-Гол», нарядные ряды 9-и 11-этажных жилых домов 12-го микрорайона и посольства СССР и др. Город строился непрерывно, особенно активно после ввода в эксплуатацию в 1968 г. домостроительного комбината. И каждый раз, приезжая в Улан-Батор, я находил в его облике что-то новое.

И в 1966 г. и в 1971 г. начало моего пребывания в Улан-Баторе пришлось на разгар кампаний благоустройства города: в первый раз — в преддверии открытия 7 июня 1966 г. XV съезда МНРП, а в июле 1971 г. — празднования 50-летия победы революции 1921 г. В 1966 г. было любопытно наблюдать в разных местах живописные группы горожан — рабочих, служащих, студентов и школьников ; — с энтузиазмом добивших каменистую землю, засыпавших ямки почвой, которую привозили на грузовых машинах, чтобы высадить в нее тонкие деревца, а затем поливавших и укреплявших их. И так каждые четверг, пятницу и субботу вплоть до 5 июня, когда в столицу стали съезжаться делегаты съезда, которых возили по городу на грузовиках, украшенных транспарантами и флагами.

И это не был напрасный труд — кое-что приживалось; выросли скверы рядом с центральной площадью имени Сухэ-Батора, за домом правительства и даже на отдельных участках вдоль проспекта Мира. Судя по всему, однако, зеленым городом Улан-Батор не мог быть по определению: вечная мерзлота, суровые зимы и пыль.

В центре города почти всегда было оживленное пешеходное движение, особенно на участке от Дома связи, где располагались почтамт, телефонный переговорный пункт, телеграф, агентство «Монцамэ» и Госкомитет по информации, радиовещанию и телевидению до Их Дэлгуура на левой стороне проспекта Мира, если стоять лицом к площади Сухэ-Батора.

Здесь располагались магазины — большой книжный и продовольственные, промтоварные, лавки сувениров, — ателье, и постоянно было многолюдно.

Люди были одеты в большинстве своем по-европейски, редко можно было увидеть монголов в дэли, было много молодежи и немало иностранцев — специалистов из стран Европы, много и советских военных.

Я с удивлением обратил внимание, что многие люди, особенно молодежь, одеты по последней моде: модная обувь, брюки без манжет, пиджаки с разрезами, югославские переливчатые плащи на мужчинах, женщины на тонких высоких каблукках, с макияжем. Особенно нарядными выглядели юноши и девушки, толпившиеся перед зданием университета, — была пора вступительных экзаменов.

Радовала масса детворы во дворах, на улицах — резвой, шумливой, быстроногой с пуговками черных глазенок, очаровательной улыбкой. Как-то я наблюдал такие сценки: в сквер напротив памятника Сухэ-Батору пришла колонна детсадовских ребятишек во главе с воспитательницей. Дети разбрелись и облепили одну из достопримечательностей города — бронзовую группу «Укрощение коня» скульптора Н. Жамбы. «Хууш!» — раздался окрик воспитательницы, и их как водой смыло. А однажды, возвращаясь домой уже под вечер, я увидел, как на тротуаре прыгала, играя в классики, девочка лет семи. А рядом в коляске спал младенец. И потом в разъездах по стране я неоднократно видел, как старшие дети ухаживают и заботятся о младших. Замечательная традиция.

Наиболее яркие впечатления в эти первые дни оставили посещение Дома правительства и монастыря Гандан и, конечно, загородный воскресник, устроенный Ширендыбом.

В Ордон (Дом правительства) я попал благодаря своему старому знакомому еще по Москве Банзрагч-гуаю, с которым случайно встретился в «Их Дэлгууре». В 30-е годы он был личным секретарем главы государства Хорлогийн Чойбалсана, затем работал в аппарате ЦК МНРП, а в 1966 г. трудился завсектором в Институте истории партии, располагавшемся в Доме правительства. Он сразу же повел меня в свой кабинет. Так что уже вскоре после приезда я стал вхож в это здание. Интерьер был впечатляющим — гранитные панели, длинные коридоры, устланные коврами дорожками, уютные кабинеты.

Седой, уса́тый Банзрагч-гуай был замечательным человеком, необыкновенно дружелюбным и добрым, много знающим и умным собеседником. Общение с ним доставляло огромное удовольствие.

А 7 мая, в субботу, я, Гоша, Слесарчук, Циби́ков, прогуливаясь по городу, как-то незаметно очутились на территории монастыря Гандан. Шла служба, ламы, большинство в желтых дэли, часть в ярко-красных накидках, сидя за низкими столиками, бубнили молитвы, били в барабаны, трубили в рожки и раковины. Сверху на шнурках свисали Тхонки — шелковые полотенца типа хоругвей, разноцветные широкие, тоже шелковые подарочные ленты — хадаки. Сверкал алтарь со статуей Будды-учителя посередине и множеством медных, бронзовых, серебряных, позолоченных бурханов — изображений богов и святых буддийского пантеона, расставленных по обе стороны от Будды, а также на панелях по всему периметру храма.

Нас сразу заметили и устроили небольшую экскурсию. Лама-гид провел нас по кругу вдоль стен, на ходу объясняя значение тех или иных культовых предметов.

Сказать, что в храме, да и вообще в монастыре, было много молящихся, не могу. Две-три согбенные фигурки отбивали поклоны на моленных досках. А остальная публика просто с любопытством наблюдала за молебном. Создавалось впечатление, что местные ламы живут сами по себе, а город и его население — сами по себе. Явно сказывались десятилетия атеистической, антирелигиозной пропаганды. Об этом в какой-то степени говорил глава ламаистской церкви в Монголии и настоятель монастыря Гандан хамболама Гомбожав — очень симпатичный, приветливый человек с хорошо поставленным голосом. Он принял нас — и это без какой-либо предварительной договоренности, что само по себе было показателем уважительного отношения к Советскому Союзу и его представителям в гостевой ханской юрте. Туда нас препроводил ученый лама, до этого познакомив нас с занимавшей отдельное здание монастырской библиотекой, где хранилось богатейшее собрание редких книг и ксилографов на монгольском, тибетском, китайском и маньчжурском языках. Юрта шикарная,

аккуратно убранная, с низкими красными диванами вдоль решетчатых стен. Попили *суутэй цай* (чай с молоком) и сладостями, получили на память значки и брошюры и чувствовали себя очень неловко — свои подарки мы смогли вручить только через день, в понедельник, но и тогда нас приняли в домашней юрте и угостили чаем.

А в воскресенье, 8 мая, Ширендыб-гуай с супругой Зинаидой Алексеевной вывезли всю нашу могучую кучку на пикник в чудесное местечко в 30 км к западу от города. Расположились на лесной опушке одного из холмов и наслаждались живописными видами вокруг, звенящей тишиной, густым пряным воздухом и синим-синим небом над головой. Гуляли по округе, сидели и кушали у костра, Ширендыб-гуай рассказывал нам легенды о духах, охранявших горы вокруг Улан-Батора. В общем, первый выезд на природу удался на славу, мы вернулись полные впечатлений и благодарности его устроителям.

Квартира и ее гости в 1966 г.

Наша квартира вообще стала чем-то вроде Пиквикского клуба: практически не было дня, чтобы не только вечером, но и утром, и вообще в любое время, к нам не приходили гости; дамы спускались со второго этажа, и начинались либо посиделки, либо застолья.

Из монгольских друзей наиболее часто нас навещали философ Д. Дашжамц, историки Б. Дашээвэг и Ш. Сандаг, археолог Н. Сэр-Оджав, научный сотрудник Ч. Чулуун и др. Но наиболее близко я сошелся с известным поэтом и философом М. Цэдэндоржем и с выдающимся языковедом, автором «Русско-монгольского словаря» (около 22 тысяч слов) и совместно с Ц. Дамдинсурэном большого «Русско-монгольского словаря» (более 50 тысяч слов), выдержавшего 2 издания в 1957 и 1982 гг., А. Лувсандэндэвом.

Известная монголистка-филолог Клара Николаевна Яцковская в своей монографии «Поэты Монголии» поставила

М. Цэдэндоржа в один ряд с корифеями монгольской поэзии и основоположниками современной монгольской литературы Д. Нацагдоржем и Ц. Дамдинсурэном.

М. Цэдэндорж был одним из самых крупных поэтов-лириков, причем его лирика всегда была с философским подтекстом. Он неважно говорил по-русски, хотя издал более 10 книг своих переводов из советских и западных поэтов, в частности Есенина, Евтушенко, Уитмена, Бернса, Неруды, Элюара и др. И это не считая более 10 опубликованных сборников собственных произведений. Честно говоря, я был мало знаком с его творчеством, но всегда очень внимательно слушал его философские рассуждения об Индии, буддизме, мистике, литературе.

Внешне очень спокойный, уравновешенный, он глубоко воспринимал окружающий мир, был способен остро переживать, волноваться, но старался виду не подавать.

У Лувсандэндэва был сложный характер. Он в большой строгости, прямо сказать в ежовых рукавицах, воспитывал своего сына-школьника Сашу, мог наказать его ремнем за плохие отметки, но ни в чем ему не отказывал. Он мог крепко дружить, поддерживать добрые связи, но мог и неожиданно, без каких-либо видимых причин рвать их, прекращать дружбу, что и произошло в отношениях с его любовницей Цэцгээ и со мной.

Цэцгээ — молодая, красивая, в 17 лет вышла замуж, родила сына, развелась и переехала из Дархана в Улан-Батор, где примкнула к представительницам самой древней профессии. Но Лувсандэндэв любил ее и изливался в чувствах в долгих беседах со мной за рюмкой коньяка или чашкой чая. Он два раза вывозил меня, Цэцгээ и Саню на пленэр, в чудесное место за горой Зайсан, где к 1971 г. возвели памятник советским воинам. Мы разжигали костер, готовили в бидоне изумительно вкусный *хорхог* (куски баранины на раскаленных камнях), наслаждались звучной тишиной, солнечным теплом и видами города. Последний раз это было уже в октябре.

А в ноябре все было кончено. Цэцгээ по привычке продолжала вечерами часто забегать к нам с Молчановым на чашку

кофе, причем перед этим почему-то обязательно мыла не только руки, но и шею. Выпив кофе и поболтав, она убежала вместе с невзрачной соседкой-подружкой.

Лувсандэндэв перестал заходить ко мне, а я, соответственно, к нему, хотя до этого нередко бывал в его замечательной и со вкусом обставленной трехкомнатной квартире на 1-м этаже современного дома в центре города, где наслаждался домашним уютом и домашней кухней, с интересом рассматривал большую коллекцию бурханов и массу книг в книжных шкафах. Хозяин был мастером приготовления нестандартно маленьких мясных боз и крахмальной лапши (*пунтууз*) с грибами.

В следующие свои приезды в Монголию я с ним не общался и, каюсь, в Москве тоже, когда он, уже будучи академиком АН Монголии, работал над «Большим академическим монголо-русским словарем» в 4 томах (70 тысяч слов), вышедшим под его и доктора филологических наук, профессора Ц. Цэдэндамбы общей редакцией.

Перед надомом — древним национальным праздником, — приуроченным ко дню победы национально-демократической революции 11 июля 1921 г., в Улан-Батор приехали патриарх западного монголоведения, знаменитый американский синомонголист Оуэн Латтимор — Ла-бакши (учитель Ла), как его любовно звали монголы, и французская монголистка Франсуаза Обен.

С О. Латтимором я был хорошо знаком — пару раз сопровождал его в Москве, а мадам Обен я только мельком видел на XXV Международном конгрессе историков в 1960 г. в Москве. Познакомились мы в Улан-Баторе, я ввел ее в нашу компанию, и Ф. Обен, жившая в гостинице «Улан-Батор», стала нашим частым гостем.

Внешне невзрачная, она оказалась простым, веселым и коммуникабельным, добрым человеком. И старательно учила монгольский язык.

О. Латтимор был у нас один раз 9 июля. В этот день я зачем-то подался из библиотеки в президиум и наткнулся на выходящего из кабинета президента Латтимора, которого

принимал Ширендыб-гуай. Он вышел следом за американцем и был в прекрасном настроении: на приеме в посольстве Польши с участием 200 человек ему вручили почетный красивый орден «Возрождения Польши с командным крестом» — высшую награду для иностранцев.

Ширендыб-гуай повез Латтимора и меня пообедать в Райскую падь — удивительно красивое, воистину «райское» место на одном из склонов Богдо-Улы, где располагались дачи-коттеджи монгольской номенклатуры, работала столовая-ресторан. Но поскольку мы приехали без предупреждения, нам предложили только легкую закуску и грузинский коньяк «КВ». Так что оттуда по моему приглашению мы поехали к нам на гречневую кашу и, конечно, опять «КВ».

В Институте истории я познакомился с очень симпатичным сотрудником Чинчулууном, который отличался своим залихватистым смехом — он громко хохотал по поводу и без оного. Мы подружились, и он постоянно общался со мной вплоть до конца 1990 г. Заглядывал к нам и почетный академик Цэндийн Дамдинсурэн-гуай, а временами — и Б. Ширендыб-гуай.

В свою очередь, я бывал у них дома, где меня всегда принимали очень любезно, особенно у Ц. Дамдинсурэна и его замечательной, искрящейся добротой и какой-то мягкостью поведения супруги Любови Владимировны, увы, рано ушедшей из жизни. Отношения между супругами, как мне виделось со стороны, были очень трогательными и нежными, они любили друг друга; их дети Костя и Аня — тогда, в 1966 г., были школьниками, а теперь Костя — видный физик, а Аня — ученый-монголовед.

В большой и уютной квартире академика поражала огромная коллекция старинных книг, ксилографов, рукописей — результат его странствий по стране в поисках раритетов.

Ширендыб-гуай занимал весь второй этаж одного из подъездов пятиэтажного жилого дома на расстоянии двух кварталов от своего офиса, которое он преодолевал на персональной «Волге». На этаже было всего две квартиры, обе они принадлежали президенту. В одной из двух больших квартир в 1966 г. жили Б. Ширендыб-гуай, его супруга Зинаида

Алексеевна и дочка Таня. А в 1971 г. я застал там лишь одного Ширендыба, которого обслуживала какая-то дальняя родственница. В другой квартире размещались библиотека и большой личный архив. Там, как правило, во время своей работы в Монголии останавливался Виталий Волков — сын Зинаиды Алексеевны от первого брака, ставший родным и для Ширендыба.

Виталий был талантливым археологом, кандидатом наук, руководителем археологического отряда совместной советско-монгольской историко-культурной экспедиции АН СССР и АН МНР, работавшей в Монголии с 1949 г. под руководством академика А. П. Окладникова.

Запомнился первый визит к тогда уже, в 1966 г., известному крупному ученому Шагдарын Бире. Мы познакомились в Москве, во время защиты им своей докторской диссертации в нашем институте. В 1966 г. он был директором недолго просуществовавшего Института востоковедения АН МНР, а в 1971 г. — уже вице-президентом АН МНР. Жил он и, по-моему, живет до сих пор, во всяком случае, до конца 1990 г. точно, в доме, выделявшемся высотой и узорчатой облицовкой стен в ряду окружающих строений и расположенном вблизи дальнего конца главного моста через Толу. Квартира состояла из трех отдельных удобных комнат и большой кухни. Ванная тоже была большой, но без душа.

Познакомился я с детьми Биры: со старшей дочерью Цэцгээ, умницей, любительницей читать, хорошо говорящей по-русски — она училась в русской школе; со средней дочкой Баясгалант, младшим сыном Гаагвой,мышленым мальчиком и с характером, велосипедистом. Я попытался поговорить с ним по-монгольски, чем поверг его в изумление, услышал, как он спрашивает отца «на каком языке говорит дядя?». Познакомился и со старшим сыном — Арья — будущим математиком, тогда старшекласником, который уже баском обращался к отцу «Ааваа» (папа). А грудная Янжима, поблескивая бусинками глаз, спокойно лежала в коляске.

Хорошо, когда много детей, старшие смотрят за младшими, родители работают, все живут дружно и весело, все здоровы.

Жена Биры Дулма — врач, заботливая мать и отличная хозяйка, несмотря на пятерых детей сохранившая прекрасную форму. Над мужем подшучивала: «Он ученый, доктор, ему не до хозяйства». У Биры прекрасная библиотека, много иностранных изданий, уникальных книг. Часть подарена, часть приобретена во время заграничных поездок. Из Индии привезены замечательные деревянные статуэтки. У Биры фактически свой кабинет. В доме холодильник ЗИЛ, стиральная машина, приемник, магнитофон, проигрыватель, хорошая мебель, ковры. Все обставлено со вкусом, но тесно: на ночь раздвигают раскладушки, с одеждой вырывают стенные шкафы.

Распили бутылку «Плиски», вкусно покушали, отведал я замечательный, приготовленный по особому рецепту, *тарак* (простоквашу), и пошли гулять, захватив Арю. Бира тогда был принципиальным противником дачи. Зачем она? Вокруг чудесные виды на Богдо-Улу, живописные окрестности. Перешли дорогу и мимо стадиона и комплекса зданий Высшей партийной школы дошли до небольшой рощи. Отдыхали, лежа на траве. Потом двинулись к реке, где я впервые в Монголии купался: река широкая, но мелковата, половину иду, половину плыву на тот берег и обратно. Обсыхаю и выжимаюсь за дамбой из мелкой гальки, сооруженной на случай наводнения, которое и произошло буквально через 10 дней после нашей прогулки.

Тола — река коварная: во время таяния снегов в горах она разливается очень широко, подступая под стены электростанций и жилых кварталов.

Был я в гостях у известного писателя Бохийн Бааста, некоторые рассказы для детей которого вышли у нас в моем переводе. Его трехкомнатную квартиру украшали 8 дорогих китайских и японских ваз и перламутровые японские граюры под толстыми стеклами на столиках. Причем все это, по словам хозяина, было за большие деньги куплено на рынке. Кроме того, Бааст показал мне коллекцию старинных монет и 18 нефритовых табакерок с янтарными крышками. Рассказал о литературных новостях: писатели Л. Ванган и Ч. Чимид пишут сценарий о монгольско-советской дружбе, сам он тоже работает над сценарием по казахской легенде о любви.

А вообще, несмотря на богатые коллекции, жизнь у Б. Бааста непростая — надо выводить в люди семерых детей.

Из литературы я знал, что монголы очень дорожат своим семейным очагом, и во время своих визитов я смог убедиться в этом воочию, сам увидел, как они заботятся о своем жилище, стремятся всячески его украсить, облагородить, сделать уютным и красивым.

Должен сказать, что перед всеми, с кем я общался в городе в 1966 г., проклятый квартирный вопрос не стоял: все жили в современных домах, в благоустроенных отдельных квартирах. И поэтому когда через пять лет я услышал в нашем посольстве от советника по внутренним вопросам Н. Г. Торбенкова о том, что 80% монгольских интеллигентов все еще якобы живут в юртах, то я очень засомневался в точности этой цифры. Из моих знакомых только один доктор наук, историк М. Санждорж помимо квартиры имел домик в юртовских кварталах, куда он часто приглашал нас, советских стажеров.

Об одном визите стоит рассказать отдельно, к сожалению, по памяти, записи об этом не сохранились. Однажды в июле мне позвонили из посольства и сообщили, что на следующий день меня вызывают не куда-нибудь, а в Министерство госбезопасности. Зачем — ни слова, сказали только, что со мной свяжутся.

Честно говоря, я здорово испугался, всю ночь не спал, все перебирал в памяти, не сделал ли я чего-то такого, за что меня, как и в 1950 г., могут выслать из страны. Неужели гэбэшники узнали, что 20 июня у нас в квартире произошла драка? В тот день я только вернулся из второй поездки с Ширендыбом в худон. И не успел я переступить порог нашей квартиры, как туда нагрянули знакомые мне поэты Явухулан, Цэдэндорж, писатель Н. Надмид и незнакомые драматург Бат-Очир и их друзья, в том числе молодой парень — летчик, поэт. Полились стихи и архи (водка). И вдруг неожиданно Бат-Очир и Цэдэндорж вцепились друг в друга. Остальные гости, не вмешиваясь в драку, поспешно покинули поле битвы. Крепкий здоровяк Бат-Очир повалил тщедушного поэта на кушетку и, сняв ботинок, бил им своего противника по голове, а тот мог только плевать ему в лицо.

Я хотел было вызвать *цагда* (милиционера), но раздумал и с трудом разнял их. После их ухода я долго отмывал пятна крови на стене и на полу. Не знаю, как для драматурга, но для Цэдэндоржа драка привела к срыву его поездки в составе делегации творческой интеллигенции в Восточную Европу, которая должна была состояться буквально на днях после этого происшествия. Но суровая председательница Союза писателей Удвал вычеркнула его из списка членов делегации.

Но вернемся к визиту.

Действительно, на следующий день после звонка из посольства рано утром раздался звонок, и командирский голос сказал, чтобы я в 11 часов был у магазина напротив здания министерства с опознавательным знаком в руке — свернутой свитком газетой. Точно в 11 часов там ко мне подошел человек в штатском и окольными путями повел меня к входу в министерство, где меня препроводил в кабинет нашего советника — они были в каждом министерстве — генерала. В каком звании — не помню, но что это был генерал — точно. Там уже сидело несколько человек, видимо, из его свиты. Можете представить, в каком напряжении я вошел в этот кабинет. Отлегло от сердца, когда генерал предложил мне рассказать, что я знаю о западном монголоведении и его представителях. Сделать это было нетрудно: недавно состоялось мое сообщение об этом перед посольскими работниками, включая посла. Так что на МГБ и генерала меня навел Денисович. И зачем была эта смешная конспирация с газетой в руке и обходными путями — не знаю. Таковы, видимо, правила игры в этих сферах.

Вообще, присутствие КГБ (советского) в городе ощущалось довольно заметно: сотрудники в штатском сновали по улицам, в общественных местах, в «Их Дэлгууре», магазинах, на почтамте, куда я почти каждый день регулярно забегал за письмами из дома и почти неизменно получал их в плохо склеенных конвертах, — они все читались.

Надом

Для меня празднование 45-й годовщины со дня победы народной революции 1921 г. началось с присутствия на юбилейной — 5 лет после основания, сессии АН МНР и на двух концертах. Сессия была довольно формальной — информативный доклад Ш. Нацагдоржа слушали невнимательно. Она запомнилась шумным общением участников в богатом буфете с монгольскими яствами.

Большое впечатление оставил юбилейный, в честь XV съезда МНРП, концерт в Драматическом театре Национального ансамбля песни и танца — одаренного талантливой и высокопрофессиональной коллектив. В зале присутствовали артисты — участники международного концерта стран — членов СЭВ⁷, который состоялся через два дня после концерта ансамбля. И они были в восторге от монголов, особенно от исполнителей протяжных горловых песен — *«уртын дуу»*. Передо мной в партере сидела знаменитая певица Людмила Зыкина, и я видел, с каким восхищением она реагировала на горловое пение и объясняла, видно, подруге, сидевшей рядом, какое это великое искусство — петь горлом.

Да и танцы были на высоте, особенно русский танец — яркий, стремительный, огненный, исполненный с подъемом и неизбито. В заключение прозвучала увертюра к 3-му акту оперы «Кармен».

Через два дня я снова был в Драматическом театре на международном концерте артистов стран СЭВ, который прошел с большим успехом. Особенно понравились народные песни болгар, блистала Людмила Зыкина, три раза вызывали на бис артистов Кубы и т.п. Не ударили лицом в грязь и хозяева, с блеском исполнившие, в частности, танец погонщиков «Адуу» и танец на руках. В целом программа концерта смотрелась с интересом.

---

⁷ Совет экономической взаимопомощи — СЭВ — международная организация социалистических стран мира, работавшая во время существования блока социалистических стран.

Заведующий иностранным отделом президиума АН МНР Цэгмид-гуай снабжал нас, советских стажеров, билетами на все праздничные мероприятия, так что я 11 июля и в 1966, и в 1971 г. имел удовольствие наблюдать с правительственной трибуны на мавзолее Д. Сухэ-Батора и Х. Чойбалсана за военными парадами и демонстрациями трудящихся.

Все они, особенно военные парады, в целом были, естественно, уменьшенной копией аналогичных празднеств на Красной площади, начиная с объездов войск на открытых машинах министра обороны и генерала, командующего парадом, и кончая упражнениями физкультурников в 1966 г. и восторженными приветствиями в честь МНРП и правительства, которые исходили из колонн молодежи, студентов, спортсменов, пионеров, заполнивших площадь им. Сухэ-Батора, в 1971 г.

Особенно торжественными, нарядными и, я бы сказал, веселыми были парад и демонстрация в честь 50-летия победы народной революции 1921 г. хотя бы потому, что в этот день, 11 июля, 1971 г. ярко светило солнце, а не лил проливной дождь, как в 1966 г. Парад открылся театрализованным представлением — перед трибуной прошли ополченцы — воины времен революции 1921 г., затем проехали тачанки — грозное оружие тех времен, затем войска периода боев на Халхин-Голе с броневиками того времени, а затем уже современная армия, офицерский корпус, стрелковые подразделения, десантники, механизированные соединения и техника: артиллерия, танки, самоходки, ракетные минометы («Катюши»).

Потом последовал, впервые, воздушный парад: над площадью пронеслись реактивные самолеты. Замыкал парад, который продолжался четко по графику 35–40 минут, сводный оркестр с юными барабанщиками.

В целом военные парады 1966 и 1971 гг. не производили впечатления могучей военной силы, но свидетельствовали о том, что Монгольская Народная Республика обладает современной армией и современным вооружением.

После парада началась красочная демонстрация: в три-четыре ряда с флагами, транспарантами, движущимися на колесах макетами, яркими панно с воздушными шариками

и живыми, и искусственными цветами в руках прошли коллективы предприятий, учреждений, учебных заведений, причем каждый коллектив со своей профильной атрибутикой, как, например, колонны аратов с макетами верблюдов, овец, коз, коров и лошадей. Несколько колонн целиком состояли из советских специалистов и работников советских организаций.

Демонстрация продолжалась с 10 до 12 часов и закончилась национальными танцами. На трибунах царило веселое оживление, приподнятое праздничное настроение.

Итак, военные парады и красочные демонстрации, масса машин и нескончаемые людские потоки у стадиона и в центре города, двухдневные соревнования борцов и лучников, бегающий по стадиону с кинокамерой в руках, неутомимый Оуэн Латтимор и вечером опера «Тэмцэл» с замечательным певцом-басом Г. Пурэвдоржем — в 1966 г., а в 1971 г. — шикарный банкет в Доме правительства (Ордоне). Вот то основное из надомских торжеств, что мне посчастливилось наблюдать в Монголии и что глубоко врезалось в мою память.

Надом воистину древний, традиционный, всенародно любимый праздник и проводимые ежегодно в Улан-Баторе и в районных центрах 11–13 июля «Три игры мужчин»: национальная борьба, соревнование лучников, скачки — праздник здоровья нации. И никакая погода не может помешать этому, хотя иногда она очень старалась. Например, надом 1966 г. успешно прошел под проливным дождем, который зарядил с утра 10 июля и лил практически непрерывно до 13 июля, что вызвало большое наводнение в городе; а в 1971 г. надом проходил под палящим солнцем (38° в тени).

Наводнение 1966 г. было разрушительным стихийным бедствием — реки Тола, Сельба, Дундгол вышли из берегов и затопили большую часть города, вода подступила под опоры главного моста через реку Толу, к зданиям одной из ТЭЦ, перекрыла дорогу в аэропорт, в загородную резиденцию правительства. Так что советскую делегацию во главе с членом Политбюро ЦК КПСС, секретарем по идеологическим вопросам М. А. Сусловым пришлось эвакуировать на вертолетах.

По слухам, были разрушены все мосты, кроме главного, опрокинуты и затонули три автобуса, погибло 300 человек. Власти, на мой взгляд, были совершенно не подготовлены к этой ситуации, три дня не было света, жили при свечах, даже в ресторане гостиницы «Улан-Батор» горели свечи, не работали водопровод и канализация. Ни приготовить пищу, ни помыться, ни сходить в туалет.

Мы с Цибиковым мужественно боролись с этими трудностями, на третий день принесли из института примус, к вечеру добыли из ресторана как великую драгоценность колбу с водой, попили чай, собирали в бачок дождевую воду, в подвале дома спускали воду из отопительных труб для туалета. За ней стояла очередь из соседей, так ее не хватало, и приходилось иногда по нужде бегать в степь на холмы за Ганданом, мимо китайских фанз с огородами на плоских крышах.

Из затопленных районов шла эвакуация людей, двигались машины с детьми без родителей и с родителями без детей, а в других районах продолжался праздник, нарядные парни веселились перед горсоветом, три девочки из числа эвакуированных возбужденно делились впечатлениями.

Из-за наводнения не состоялся задуманный Академией наук грандиозный ужин в пятистенной юрте в одной из падей на Богдо-ууле. Отправленные туда для приготовлений — одновременно с жертвенным бараном — ученый секретарь С. Сэрэ-этэр и вице-президент Х. Цэрэв оказались чуть ли не на островах, и ужин пришлось отменить!

Поездка в Баянхонгор

Своим самым первым знакомством с монгольским художником я целиком обязан Ширендыб-гуаю. Он взял меня с собой в поездку в Баянхонгор — центр одного из аймаков, расположенных в центральной части страны, куда он направлялся на встречу с партийным активом. Сопровождал его также С. Лувсанвандан, тогда начинающий филолог, аспирант

Института литературы АН МНР, впоследствии крупный ученый, министр культуры и с 1976 по 1987 г. бессменный генеральный секретарь Постоянного комитета Международного конгресса монголоведов — предтечи Международной ассоциации монголоведов (МАМ).

Выехали 14 мая на походном лимузине президента — любимом монголами вездеходе «Джарын ЁС-Газ 69» — легковом внедорожнике производства Ижевского завода, советском джипе. Машина была доверху загружена походным снаряжением: палаткой, раскладушками, одеялами, посудой. Вел ее шофер Ширендыб-гуая, молодой, улыбчивый парень Нямдаваа. (Через много лет, в 90-е годы, приехав на очередной Конгресс монголоведов, я случайно встретил его, он стал предпринимателем, занимался частным извозом на арендованной машине.)

Наша дорога проходила через земли Центрального, Булганского, Увэрхангайского аймаков, и уже в конце первого дня путешествия мы достигли живописной долины реки Орхон, где остановились на ночлег в чудесном местечке на берегу реки поблизости от сокровищницы буддистов — первого буддийского монастыря в Монголии Эрдэни-Дзу, храма, который мы успели бегло осмотреть до темноты. Остановились по соседству с незнакомым монгольским аилом — семейством, полным ребятишек. Там мы купили мяса и не успели расставить палатку, как некая очаровательная девушка принесла нам в подарок молока.

Ночлег был сказочным: полнейшее безмолвие и ощущение огромного темного и мощного пространства вокруг нашего костра, теплое и легкое дуновение ветерка, чистейший воздух и, главное, потрясающее звездное небо над головой — нигде и никогда я не видел такого огромного скопища крупных сверкающих звезд, до которых, казалось, можно было достать рукой. Ну и конечно, жареные бараньи ребрышки, коньяк и разговоры, разговоры. Еще по дороге Ширендыб-гуай не пропустил, кажется, ни одной природной достопримечательности, чтобы не объяснить, что это такое. Он очень много знал и умел об этом хорошо рассказать.

Всю прелесть ночевки под звездным небом мы испытали еще раз в конце нашей поездки 21 мая в не менее красивом

месте, вблизи впадения Толы в Орхон. Там были берега, заросшие ивняком, плес, остров посередине реки, заливные луга. Красотища!

А 15 мая, побывав в аккуратном и чистеньком центре Увэрхангайского аймака — Арвайхээре, отобедав там, затем, посетив знаменитый монгольский курорт Хужирт в этом же аймаке, мы к вечеру добрались до Баянхонгора. Нас ждали и разместили в трехэтажном продолговатом здании аймачной гостиницы, в номере «люкс» из трех комнат с натертыми до блеска паркетными полами, полированной мебелью, массивными, типа саркофага, деревянными кроватями, коврами, чистенькими занавесочками с монгольскими зажимками (бумажные с орнаментом), трельяжем, но с ручным умывальником у входа. На первом этаже — принадлежности для чистки обуви. Видно, чистота и порядок входят в привычку, становятся особенностями монгольского быта.

Встречали нас секретарь айкома МНРП Ишийн Ламжав — седой, спокойный, на вид — мудрый и уверенный в себе человек (на этом посту уже 10 лет, но в разных аймаках, здесь — последние два года), а также 2-й секретарь Банзрагч и секретарь по идеологии Шагдаржав, т. е. вся партийная верхушка. Им 16–17 мая предстояло проводить 10-ю аймачную партийную конференцию. В этой связи город был празднично разукрашен, повсюду плакаты, лозунги, флаги, а в гостинице многолюдно. Делегатов разместили по номерам с обозначением сомона, откуда они прибыли. Среди них немало ветеранов труда с орденами на груди и довольно много молодежи с университетскими значками.

На заседания во Дворец культуры, построенный в рекордные сроки, возили на грузовиках. Следующие два дня Ширендыб-гуай пропадал на конференции, а мы с Лувсанванданом познакомились с городом.

Баянхонгор — молодой город, строящийся с 1961 г., хотя сам аймак был образован в 1942 г. Его центр называли Галуут, он находился в полосе вечной мерзлоты. Землетрясение 1957 г. вызвало выход наружу почвенных вод, стало невозможным вести строительство, и центр переместили на 5 км севернее, где

и началось возведение Баянхонгора. В 1966 г. центр располагался в конце широкой каменистой долины у подножия гор и выглядел белым и прозрачным. Красиво смотрелись несколько жилых домов, в одном из которых временно находились аймачный комитет МНРП и исполком хурала народных депутатов. А во времена моего вторичного посещения Баянхонгора в 1971 г. они уже занимали новое трехэтажное продолговатое здание — украшение центра города. К нему от гостиницы вела широкая, прямая, как стрела, бетонированная автомагистраль протяженностью почти 2 км — образец дорожного строительства в МНР. Рядом располагались блестящее четырехэтажное здание школы-десятилетки и здание интерната, двухэтажный, похожий на дворец детский сад, здания комбината бытового обслуживания, союза кустарей. Вообще, за 5 лет Баянхонгор вырос и похорошел настолько, что стал трудноузнаваем.

Были построены и сданы в эксплуатацию домостроительный комбинат, авторемонтный цех при автобазе, новое здание почты и телеграфа, корпуса профессионально-технического училища, кварталы жилых домов. С помощью СССР открылись авторемонтный и кирпичный заводы, аймачные строители возвели здания 8-летней школы и музыкально-драматического театра. Методом народной стройки заканчивалось сооружение прекрасного стадиона с трибунами на 15 тысяч зрителей с душевыми, спортивными залами. Город стремительно развивался, но аймак в целом по-прежнему оставался животноводческим и в 1966 г. занимал 2-е место в МНР по поголовью скота — 1700 животных, 50% которых составляли овцы; отсюда — овцеводческая специализация аймака, основа его экономики. Для местных нужд добывали немного угля и строительного материала.

В 1966 г. мы побывали в ремонтном цехе комбината бытового обслуживания — он занимался ремонтом мебели и мотоциклов, в аймаке в частном владении их было 700, посетили детсад, где воспитывалось в разные годы от 150 до 250 детей, разделенных на группы по 30 человек. В каждой обязательно был учитель и воспитатель. Приятно было узнать, что с 1 сентября 1966 г. в саду будет работать и русский учитель.

Детсад отлично обустроен, масса игрушек, подарков. Трогательно было наблюдать, как из-под одеял на низких кроватках черными угольками сверкали глазенки малышей — был тихий час.

Побывали мы и в отделении Союза художников, обеспечивающего центры аймаков плакатами выставок и даже книжной продукцией — 100 произведений для города и свыше 1000 для худона.

Вообще, с наглядной агитацией, с идеологическим воспитанием населения в Баянхонгоре дело было поставлено весьма солидно. Например, перед зданием Дворца культуры внимание привлекал стенд с вращающимися дисками, на которых в цифрах, диаграммах, таблицах были отражены успехи аймака в развитии экономики и культуры. При Дворце культуры работали радиоузел, киноустановка с почти ежедневной демонстрацией фильмов, регулярно читались лекции для населения, 2 раза в месяц проводились семинары по философии, истории МНП, политэкономии и атеизму, функционировали 13 кружков по изучению истории партии и истории КПСС, экономике с/х, строительству, текущей политике, 3 раза в неделю выходила газета «Лениний зам» («Ленинский путь») тиражом 9 тысяч — орган аймачного комитета МНРП и исполкома хурала народных депутатов. Здесь же — экспозиция Краеведческого кабинета — в 1966 г. он занимал всего несколько комнат, а в 1971 г. уже отдельное здание. Со всем этим нас познакомил Юндэнбат-гуай, замечательный человек, 10 лет отдавший военной службе, участник боев на Халхин-Голе, кавалер 8 орденов и медалей. Старший лейтенант артиллерии, он после демобилизации работал главой одного из сомонов, ветеринарным фельдшером, бухгалтером на бензоколонке. С апреля 1960 г. здесь возглавляет Краеведческий кабинет, который, можно сказать, стал его детищем. Он объехал 20 тысяч км, лично собрал свыше 7 тысяч экспонатов, 700 из которых выставлены в экспозиции. Он немного владеет тибетским языком и знает санскрит.

Часть экспонатов разного рода собраны 86 добровольными корреспондентами Кабинета.

Экспозиция Кабинета, как, впрочем, и всех других краеведческих музеев-кабинетов в разных аймаках и сомонах, которые я неизменно посещал во время своих разъездов по стране, делилась на 4 секции: административное устройство данного сомона (района); природа: животный и растительный мир; история и культурные достижения.

Из экспозиции Юндэнбата запомнились карта землетрясения 4 декабря 1957 г., вызванного горообразованием в Гобийской зоне; скелет динозавра без головы, найденный в 1962 г.; карта уртонов — конно-почтовых станций, существовавших в Монголии при отмене уртонной повинности в 1949 г., а именно: было 240 уртонов, в том числе 12 станций на территории Баянхонгорского аймака.

Интересно выглядели музыкальные инструменты: *бурээ* — огромные, длиной более 4 метров трубы, *хэнгэрэг* — барабан, *херанг* — медная доска и др.

Экспозиция открывалась стендом о задачах МНР на 1966 г., снимками и материалами XXIII съезда КПСС и стенгазетой, которую требовали выпускать один раз в квартал. При нас в Кабинет вошел ветеринарный врач Цэгмид и принес в подарок Юндэнбату *цахиур буу* — кремневое ружье, которым монголы пользовались при охоте на диких ослов.

Поздравив Юндэнбата с подарком и пожелав ему дальнейшего расширения экспозиции и запасников, мы тепло распрощались с ним и направились в типографию, где размещалась и редакция газеты «Ленинский путь» — мощного средства агитации и пропаганды в Баянхонгорском аймаке. Редакция состояла из 5 человек во главе с секретарем — выпускником факультета журналистики МонГУ Жигжидсурэном и имела 1 штатного корреспондента. Их стараниями газета в нужном ключе освещала все крупные события в стране и повседневную жизнь и работу тружеников аймака, выступала за претворение в жизнь директив IV пятилетки и плана развития народного хозяйства МНР, за достойную подготовку к XV съезду МНРП и за реализацию решений IV пленума аймачного комитета МНРП от 1965 г.

Вот передо мной разрозненные номера газеты за 5 месяцев 1966 г. Там я насчитал 211 материалов, посвященных положе-

нию и развитию скотоводства, земледелия, племенного дела и всего 27 материалов по промышленным предприятиям: телеграфу, дизельной электростанции, кирпичному заводу и др. И в каждом номере не менее 15–20 коротких сообщений с мест по разным вопросам.

В первых номерах за тот год было много материалов о Советском Союзе и монголо-советской дружбе в связи с государственным визитом Л. И. Брежнева и подписанием Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи. Например, номер от 14 января 1966 г. в канун заключения договора вышел под девизом «Пусть растет и крепнет нерушимая, вечная дружба между монгольским и советским народами» и был полностью заполнен биографией советского лидера и соответствующими материалами о нашей дружбе.

А вот некоторые заголовки передовиц: «Заботливо организуем прием молодняка верблюдов!», «Новые задачи культурно-просветительской работы», «Больше внимания выращиванию молодняка» и т. п. Были и оригинальные заголовки. Например, газета от 26 апреля 1966 г. вышла с передовой статьей о необходимости более ответственно подходить к приему молодняка верблюдов, лошадей и коров под трогательным заголовком: «Верблюжата, жеребята и телята». В дни нашего пребывания в Баянхонгоре страницы газет были заполнены материалами о проходившей в городе аймачной партийной конференции МНРП с отчетным докладом Ламжава о выполнении решений IX конференции 1965 г., отчетом контрольно-ревизионной комиссии аймкома, выступлениями делегатов, решениями аймачного форума коммунистов и т. п.

Судя по этим материалам, аймак успешно справился с заданиями III пятилетки (1961–1966) и не менее успешно приступил к решению задач IV пятилетнего плана развития народного хозяйства и культуры МНР.

Плодотворно работала и типография, в помещении которой располагалась редакция газеты «Ленинский путь». Задания III пятилетки были выполнены на 110%, план 1965 г. — на 120%.

В 4 цехах типографии — наборном, печатном, переплетном и распределительном — работали кадровые рабочие, такие,

например, как наборщик Чойдал с 10-летним стажем, переплетчик Урба с 12-летним стажем.

Работники типографии в среднем получали по 450 тугриков⁸ ежемесячно и имели 21-дневный ежегодный отпуск. Было задействовано 10 печатных станков, 2 из которых были поставлены из Советского Союза всего 2 года назад.

Знакомясь с работой типографии и редакции, я получил в руки обширный документ — обязательства коллектива в борьбе за звание предприятия социалистического труда. Вообще, вся страна в 1966 г. была охвачена движением за социалистический труд, и в этой связи принятые на себя сотрудниками газеты «Ленинский путь» и рабочими типографии обязательства сроком на два года (январь 1966 — январь 1968) были довольно типичными и отражали представления о том, каким должно быть предприятие социалистического труда.

Соответственно, на первом месте в принятых обязательствах стояло перевыполнение ежемесячного, квартального и годового производственного планов как минимум на 10%, повышение производительности труда на 5% и снижение себестоимости продукции на 2%, выпуск за 2 года не менее 1 млн 800 тыс. печатных листов, в порядке помощи сельскохозяйственному объединению — строительство колодца в безводной зоне и др.

Ставилась задача стать передовым культурным предприятием, не знаящим, как и раньше, срывов плана, обеспечить приток молодых кадров, подготовить не менее 10 человек к репортерской работе.

В типографии 90% работников обязались повысить уровень своей квалификации и овладеть основами наборного, переплетного и печатного дела; у каждого члена коллектива должен быть детальный план работы, он должен уметь планировать рабочее время, регулярно заниматься спортом.

Сдать нормы для получения значка «ГТО» следует 80% работников, у коллектива должны быть свои волейбольная и баскетбольная команды, все сотрудники должны научиться играть в шахматы и шашки. Коллектив брал обязательство подготовить 1 концертную программу и 1 спектакль для

---

⁸ 1 тугрик по курсу того времени приравнивался к 0,25 рубля.

широкой публики, систематически повышать уровень знания русского языка, поддерживать связь с советскими газетами «Красная звезда» и «Дорога дружбы». Наконец, по части организации коллективного активного отдыха было взято обязательство построить два игровых помещения, организовать уголок красоты и гигиены, провести 4 экскурсии и несколько коллективных выездов на природу. И вообще, жить, работать и отдыхать по социалистическим законам, проявлять культуру и воспитанность.

Пожелав коллективу редакции и типографии успехов в выполнении этой обширной программы, мы отправились в школу-десятилетку. Школа ведет свою историю с 1923 г. Тогда это была хошунная начальная школа, работавшая сезонно — весной и летом: с 25 учащимися и 1 учителем. Занятия шли в красном уголке хошунного управления. В 1932 г. она стала хошунной начальной школой, с 40 школьниками и 4 преподавателями, в 1944 г. — семилеткой с 240 учащимися и 8 учителями, а в 1951 г. — десятилеткой с 415 учащимися и 18 преподавателями.

В 1966 г. в школе обучались 360 человек, работали 10 классов с 42 учителями, занятия шли в три смены. Среди 42 преподавателей 24 имели высшее образование, остальные — среднее педагогическое — это выпускники педагогических техникумов и курсов.

За свою 43-летнюю историю школа выпустила 3460 человек с начальным, неполным средним и средним образованием.

С 1957 г. при этом учебном заведении была открыта и вечерняя школа (4–10 класс) на 150 учащихся в возрасте от 6 до 45 лет, занятия проводились 4 дня в неделю. Школу окончили до 1966 г. 330 человек.

Школа имеет интернат на 100 школьников из сельской местности, которые живут и учатся на полном государственном обеспечении, небольшую мастерскую, где практикуют будущие механизаторы, строители, ремесленники. С 1956 г. ученики 9–10-х классов получают производственно-профессиональное образование. К этому следует добавить, что все ребята исключительно с первого до шестого классов обязательно работают

в сельском хозяйстве 9 суток в году, а ученики 6–10-х классов — 10–13 дней ежегодно.

Интересно было узнать, что в школе кроме партийной ячейки МНРП, комитета ревсомола⁹, профкома, женсовета функционировали также Общество Красного Креста, Общество монголо-советской дружбы, Общество по распространению знаний.

Как и в других школах Монголии, школьники до 3 класса были *батарчудами* (октябрятами), с 3-го по 8-й класс — пионерами, а с 8-го класса — ревсомольцами. По инициативе последних в школе многие классы боролись за звание «культурное товарищество», 2 класса — за звание «класс физической культуры». Среди преподавателей уже были бригада «товарищество социалистической интеллигенции» и 2 бригады социалистического труда, работали 22 различных кружка.

В 1965 г. школа получила замечательный подарок — новое четырехэтажное современное здание.

Вечером этого познавательного дня мы физически и душевно отдохнули на концерте учащихся средней школы сомона Байдарик Баянхонгорского аймака и профессионального коллектива из 22 человек при Дворце культуры города. Концерт в честь партийной конференции был великолепным, можно было только восхищаться, с каким увлечением и умением школьники 8-го класса играли на баяне, аккордеоне, скрипке, национальных инструментах, как они проникновенно пели монгольские и русские песни. Всеобщий восторг вызвал школьник-первоклассник, исполнивший на большом баяне ряд песен. Пять раз бисировали одному пятикласснику, настоящему артисту, дирижировавшему оркестром.

Я потом многократно бывал на концертах молодых самодеятельных артистов и всегда поражался, с какой искренностью, вдохновением, полнотой отдачи они выступали. Воистину, неисчерпаема талантами монгольская земля.

Разнообразной и интересной была также на этом концерте программа выступлений профессиональной группы, работающей при Дворце культуры. Она часто выступала в городе, причем, как нам сказали, каждый раз с обновленной программой.

⁹ Ревсомол — Революционный союз молодежи — аналог ВЛКСМ.

На следующий день, 19 мая, мы уже в полном составе поехали знакомиться с центром Бумбай бригады СХО «Цэцэглэл» («Прцветание») Улзийт-сомона Баянхонгорского аймака. Бригадный метод ведения сельского хозяйства в 60-х годах широко внедрялся в стране, каждое СХО делилось на бригады, а те — на звенья (*суури*).

Бригадный центр Бумбай-бригады, как, впрочем, в общих чертах большинство виденных мной потом центров, представлял собой небольшую постройку, в которой размещались контора, кабинет и жилая комната бригадира и несколько юрт вокруг.

Из беседы с бригадиром Мягмаржавом узнали, что бригада специализируется на разведении крупного рогатого скота, что 4 кочевых звена выпасают 7 тысяч голов общественного стада, а 3 суури перешли на оседлость, занимаются племенной работой, заготовкой кормов, содержат 170 кур и 180 свиней, совмещая это с земледелием — у бригады 1310 га пахотных земель. В распоряжении бригады 1 трактор, 3 сенокосилки, 1 механизированные грабли.

Было отрадно узнать, что в бригаде трудятся 94 юноши и девушки, 12 из них ревсомольцы, 2 — со средним образованием, остальные — с начальным.

В конце каждого месяца отмечается День бригадиров, выступают самостоятельные коллективы, передовикам выдают значки «За доблестный труд и отечество», коллективно отмечают праздники, свадьбы, выход на пенсию. Ежемесячно в каждом суури 7 агитаторов проводят отраслевые и пропагандистские семинары, 2 раза в месяц приезжает кинопередвижка. Пропагандистскую работу ведут 12 членов МНРП, занятых в животноводстве.

Есть библиотека. В 1965 г. в ходе первого года «Культурного наступления» (см. далее) в большинстве юрт появились радиоприемники, железные кровати, книжные полки.

Из центра Бумбат-бригады мы проехали в центр СХО «Санаачлага» («Инициатива») — одно из трех старейших объединений в аймаке. Оно было образовано в 1942 г., насчитывало тогда 16 членов, имело 800 голов общественного стада и одну юрту.

В 1965 г. это было крепкое, богатое хозяйство с 1346 членами, обладавшее 66 тысячами голов скота, в том числе 49 тысячами овец, что и определяло главное направление работы этого СХО — шерстяное овцеводство.

Объединение имело 1315 пахотных и сенокосных земель и угодий, выращивало кормовые культуры и полностью обеспечивало скот кормом в зимний период.

Денежные доходы составляли 4,5 млн тугриков, 50% которых шло на зарплату. В среднем трудоспособный член СХО получал в год от 1300 до 2000 тугриков, с 1965 г. ввели практику ежемесячного авансирования.

Было особенно приятно узнать, что в СХО работает много молодежи — 460 человек, из них 84 — ревсомолыцы; МНРП представлена 49 членами, ими руководит бюро из 7 человек. Шестеро были с высшим образованием — 4 зоотехника, 1 врач, 1 инженер-механик. С полным средним образованием — около 30 человек. В СХО имелись 4 автомашины, 2 трактора, 15 сенокосных и сеноуборочных машин.

В общем, это первое в моей жизни СХО, с которым я бегло ознакомился в мае 1966 г., было, как показали мои дальнейшие разъезды по стране, среднестатистическим кооперативным животноводческим хозяйством в центре Баян-Обоо-сомона Баянхонгорского аймака. А центр сомона представлял собой один из стандартных поселков — сомонных центров, где большая часть населения жила в юртовских кварталах, огражденных заборами, иногда живописно раскрашенными. Но были и каменные безликие здания, несколько жилых домов, гостиница, школы, больницы, клубы и дома культуры. На довольно большом расстоянии от въезда непосредственно в поселок возвышались разукрашенные триумфальные арки с названиями соответствующих СХО и сомонных центров.

Все это, конечно, было призвано показать новый облик монгольской сельской местности — худона. Но на фоне могучей монгольской природы и необъятных просторов эти сомонные (районные) центры — центры СХО и бригад казались в 1966 г. лишь небольшими островками оседлости, маленькими населенными пунктами. Впрочем, пару раз во время своих путешествий

я, торжественно проехав через очередную арку, попадал в совершенно пустой центр сомона; там, кроме двух-трех сторожей, охранявших административные здания, никого не было — все население вместе с начальством откочевало на летние пастбища.

Однако страна росла, и все в ней быстро менялось. Это видно хотя бы на примере машинно-сенокосной станции «Шархан-дай», Баянхонгорского аймака, обслуживавшей СХО «Прцветание» и ряд других СХО. Она была создана в 1956 г. и имела тогда 1 автомобиль, 3 трактора и 7 работников. А в 1965 г. у станции уже было 16 автомашин, 24 трактора «ДТ — 545», 16 тракторов «Беларусь», 14 сенокосилок, больше 50 сеноуборочных машин и 155 работников различного профиля.

20 мая мы отправились в принадлежавший нескольким объединениям дом отдыха «Шар-Галжуут аршаан», расположенный в 65 км от Баян-Хонгора в довольно широком ущелье, по дну которого змеилась ручейком небольшая речушка Шаргалжуут-гол. В глубине ущелья, вдоль ее левого по течению берега, стояли две большие гостевые юрты и 10 обычных юрт, а также деревянная административная постройка. Это и был дом отдыха, который одновременно принимал до 100 отдыхающих сроком на одну-две недели.

А напротив, на другом берегу, высилась лысая гора, у подножия и на склоне которой из-под камней били 400 горячих — до 90° — и холодных минеральных источников — *аршаанов*. Отдыхающие добирались туда по выложенным из грубых камней дорожкам и через деревянный мостик. Склон горы был постоянно укутан легкой дымкой — испарениями от буквально кипящей во многих источниках воды. Она издавна славилась своими целебными свойствами, и араты самостоятельно приезжали сюда лечиться от многих недугов, в том числе от женских и мужских заболеваний. В 1966 г. источники были практически совершенно не оборудованы, и пользоваться ими можно было лишь в природных каменных нишах, лежа на досках или просто сидя на камнях.

Из дома отдыха в 1966 г. мы возвращались в город Баянхонгор через центр Цогт-сомона, где наблюдали сдачу овец по госзаготовкам, и это происходило в приподнятой празднич-

ной обстановке. Здесь хорошо сохранились здания монастыря, с покрытыми росписью стенами.

Распрощавшись с руководством Баянхонгорского аймака, мы 20 мая выехали в центр Архангайского аймака г. Цэцэрлэг. Дорога горная, каменистая, опасная, требовавшая большого мастерства водителя, чтобы не свалиться в пропасть и, особенно, на 30-километровом еще обледенелом спуске с перевала Эгийн Даваа. Миновав еще один перевал Цагаан Даваа, подъехали к гостинице. Современный стиль, комфортабельные номера. До сумерек успели бегло осмотреть город — он большой, 18 тысяч жителей, рядом гора Эрдэнэ Булган и в окрестности замечательная березовая роща, где мы успели немного погулять. Ширендыб-гуай рассказал, что Цэцэрлэг — это в прошлом вотчина и резиденция знаменитых буддийских проповедников и ученых, живших в XVII в. ойратского Зая Пандиты Намхайжамцо, автора так называемого «Год бичиг» (ясного письма), особой письменности для ойратов (западных монголов), и халхасского Зая Пандиты Лувсанпрэнлэя. До революции здесь было много монастырей, в 1966 г. сохранились останки монастыря Зая гэгээний Сайн Вангийн хурээ.

Цэцэрлэг также знаменит тем, что там стоит памятник советскому врачу С.М. Немому (1898–1932). Герой Гражданской войны в России, он был направлен на работу в Монголию во время контрреволюционного восстания лам в 1932 г., добровольно лечил раненых, был захвачен мятежниками вместе с уполномоченным ЦК МНРП и расстрелян. В Улан-Баторе тогда прошли грандиозные похороны, на которых с речью выступили все руководители страны тех лет — П. Гэндэн, А. Амар, Г. Дэмид. Имя С. М. Немого с тех пор носит больница — туберкулезная здравница в Цэцэрлэге.

Переночевав в комфортабельной гостинице города, мы 21 мая двинулись в обратный путь к Улан-Батору, до которого было весьма далеко — более 150 км. Дорога шла через центр Цэнхэр-сомона Архангайского аймака, откуда открывался чудесный вид на долину реки Урт-Тамир. Да и сам центр выглядел красивым, хорошо обустроенным, чистеньким и аккуратным поселком — лучшим из всех виденных мною сомон-

ных центров во время этой поездки. Видимо, у него большая история, поскольку там сохранились остатки русской шерстомойки, работавшей, как нам сказали, до революции 1921 г.

А в СХО «Туяа» («Луч»), которое также находилось на нашем пути, мы ознакомились и с птицефермой, где импортированные могучие злые петухи породы леггорн чуть не заклевали бедного Лувсанвандана.

К вечеру мы достигли места впадения Толы в Орхон, где и остановились на ночлег на живописнейшем берегу Толы под звездным небом. Всю ночь дул сильный ветер, но *майхан* (большая палатка) выдержал. А утром мы обнаружили по соседству пригнанных на водопой двух верблюдов. Животные выглядели неважно: все в каких-то лохмотьях — шла линька, они меняли одежду. И, тем не менее, с разрешения хозяина верблюдов и с помощью моих спутников я до отъезда успел впервые в жизни немного проехаться на одном из них.

Выехали в полдень и через несколько часов оказались в 15 км от столицы, где у нас, как назло, спустила шина переднего колеса — пришлось менять. Это был последний штрих перед окончанием этой незабываемой, замечательной поездки. Побывав впервые в жизни в худоне, я вернулся в Улан-Батор полный восторженных впечатлений. Все увиденное на протяжении почти 3 тысяч км проделанного пути мне нравилось, вызывало чувство радости и восхищения, носило для меня характер настоящих открытий.

Открылась мне Монголия красотами своей многоликой и величественной природы. Конечно, я и раньше знал из книг и рассказов путешественников, очерков и наблюдений очевидцев, сколь прекрасна и разнообразна природа Монголии, как красивы ее необычайные просторы и дали!

Однако, только своими глазами увидя безбрежную долину Орхона в полукружье мозаичных гор или по-весеннему зеленую, залитую солнцем великую Тамирскую равнину, над которой как неусыпные стражи высятся белоснежные вершины Хангая, лишь полной грудью вдохнув целебный воздух Хужиры или ощутив на своих щеках холодное дыхание сурового горного перевала Эгийн Даваа и ласковых дуновений

ветерка на живописных перевалах под Цэцэрлэгом, только омыв лицо хрустальной водой Тамир-гола и обратив его к сверкающему звездами небу на берегу Толы, можно было почувствовать всю прелесть монгольской природы. Ее очарование, на мой взгляд, в слиянии голубого неба с нежными красками и линиями земли, что придает законченность, вольность, свежесть и своеобразие любому пейзажу.

Открылась мне Монголия и как настоящая кладовая археологических и исторических памятников. Уже с первых дней путешествия мы проехали мимо впечатляющих развалин древней столицы Уйгурского ханства (VII–VIII вв.) Хара Балгасун Хара Хот со следами древнего хлебопашества вокруг (IX в.). Затем по дороге появились каменные стелы и надгробия периода Тюркского каганата (VI–VIII вв.), остатки киданьских крепостей (X в.) и буддийских монастырей, а ближе к концу маршрута предстал перед нами знаменитый молебельный камень Тахир Чулуу, испещренный древними надписями.

Важно отметить, что за памятниками старины следили, их охраняли, собирали и изучали.

Но еще больше, чем красоты монгольской природы, такой щедрой на неповторимые краски, такой величественной и девственно прекрасной, поразили меня плоды труда человеческого: города, выросшие в безбрежной степи, золотые нивы на землях, веками не знавших плуга, опоры вышек высоковольтных передач, шагающие через сопки, санатории и дома отдыха в ранее глухих и малоизвестных урочищах. И конечно, люди Монголии, ее труженики, кто своими руками под руководством МНРП преображали облик Монголии. Это и развертывание социалистического соревнования, в том числе и между аймаками, и проведение партийных собраний, пленумов, конференций, всеохватывающая агитация и пропаганда, регулярная работа агитаторов и пропагандистов и т. п.

Повсеместно чувствовалась направляющая, руководящая рука МНРП. О том, насколько глубоко партия стремилась воздействовать на повседневную жизнь и быт жителей страны, я хотел бы показать на примере «культурного наступления» в 1965–1966 гг. в Баянхонгоре.

Баянхонгор — культурное наступление

Наше пребывание в Баянхонгоре совпало с началом борьбы за выполнение социалистических обязательств, а также и со вторым годом проведения в аймаке так называемого двухгодичного культурного наступления, инициированного решениями IV пленума аймачных комитетов МНРП в 1965 г.

Опубликованное в специальных брошюрах «За культуру», Положение о «культурном наступлении» определяло главные задачи этой кампании: «1) борьба за овладение знаниями; 2) за культурный и здоровый образ жизни и его плодотворное использование в работе; 3) за неуклонное соблюдение социалистической законности, норм общественной жизни, за взаимное уважение в семье, за передовой труд в общественной и личной жизни».

Положение делилось на три части и четко определяло все то, что должна была иметь в своем распоряжении каждая организация, учреждение, домашнее хозяйство и какие обязательства ложились на каждого гражданина в отношении борьбы за культурный и здоровый образ жизни — основную цель «культурного наступления».

Итак, каждой организации предлагалось иметь следующие предметы хозяйственного и культурного назначения:

1. Уголок пропаганды деятельности данной организации.
2. В каждой комнате не менее двух кадров с многолетними цветами.
3. Уголок красоты и гигиены.
4. Мешок для сбора мусора или мусорное ведро.
5. Две смены тряпок для чистки столов, окон, пола и потолка.
6. Веник и лейку.
7. Возле здания учреждения иметь типовой туалет и яму для слива грязной воды.

8. Уголок защиты труда, специальной женской гигиены.

9. Котел или печь для сжигания мусора.

Что касается «культурного наступления» в частной жизни, то разработчики Положения — а их возглавляли, конечно, партийные органы — предписывали в каждой семье обязательно иметь действующий радиоприемник, библиотеку, уголок детских игрушек, большое или маленькое зеркало, рамки для картин, настольные часы, швейную машинку, паровой или электрический утюг, не менее трех стульев, какой-либо музыкальный инструмент для игры, платяной шкаф и минимум две щетки, ящик для обуви, легкий комод для нижнего белья, на каждого человека — три смены нижнего белья и две смены одеял и постельного белья, шкаф для хозяйственного, котел, не менее двух тряпок для чистки котла, умывальник или ручной мойник, мясорубку, вилки, доску, скалку, мешалку для теста, белый мешок для хранения яиц, стол для посуды, бак для воды, корыто, гладильную доску, веник, ящик для мусора, электролампы, свечи, подсвечник, фонарь, запасную дверь для юрты, типовой туалет и сливную яму рядом с жильем.

Обязанности граждан, цель которых — жить культурно и содержательно, излагались в 24 пунктах Положения.

На первый план выдвигалось образование. За два года все не умеющие читать и писать и достигшие совершеннолетия должны были научиться грамоте, все малограмотные — стать грамотными, а все грамотные — повысить уровень образования.

Далее перечислялись необходимые нормы поведения: соблюдать культурное и уважительное отношение граждан друг к другу, быть внимательными к пожилым, к беременным женщинам, людям с детьми; «беречь как зеницу ока» государственную и общественную собственность и нещадно бороться с посягателями на них, ходить в кино, на спектакли, заказывать печатные издания и книги, много читать и вообще постоянно стараться повышать свою образованность и воспитанность, раз в неделю ходить в баню или мыться горной водой, менять нижнее белье, одеваться в аккуратную привлекательную одежду, в соответствии с сезоном, научиться носить хорошую одежду из дешевого материала и т. п.

Интересен пункт о том, как надо вести себя в общественных местах и вообще среди скопления людей. В таких местах следует появляться в чистой, красивой одежде, вести себя скромно, строго соблюдать принятые там правила очередности, громко не перекликаться, громко не разговаривать и не смеяться, стараться громко не кашлять и не сморкаться и вообще ничем не нарушать спокойствие окружающих.

Показательно и еще одно обязательство. Это борьба с такими «вызывающими отвращение явлениями, как сморкание на землю, сброс окурков и другого мусора на поверхность улиц и площадей, сидение на земле и манера оправляться в открытую» и т. п.

Я столь подробно остановился на Положении-инструкции о «культурном наступлении», потому что по этому документу можно судить об определенных чертах бытовой культуры монголов в 1966 г. и о том, какими ее хотело бы видеть партийное руководство. Это — с одной стороны. А с другой — Положение отражало отчасти степень регулирования МНРП повседневной жизни монголов. И это приносило результат. По данным газеты «Ленинский путь», например, уже к концу первого года «культурного наступления» в 43,9% всех аилов Баянхонгорского аймака были радиоприемники, в 38,7% — библиотеки, в 72,3% — швейные машинки, в 21,8% — музыкальные инструменты и в 84,4% — уголки гигиены.

Снова в Архангае

Прошло немного времени после моего возвращения из первой поездки в худон, и Ширендыб-гуай пригласил меня и Галину Ивановну Слесарчук в Архангайский аймак, куда он направлялся на встречу с жителями трех избирательных округов, неизменно голосовавших за него на выборах депутатов Великого народного хурала — центрального органа представительной власти в МНР.

И вот 15 июня комфортабельный ИЛ-14 с двумя очаровательными стюардессами, раздававшими леденцы перед взлетом, доставил нас с Галиной Ивановной (Ширендыбгуай задержался на день в Улан-Баторе) на травяной аэродром № 2 административного центра Архангайского аймака г. Цэцэрлэга. Аэродром представлял собой большое ровное поле, на одном краю которого стояли три юрты: одна была залом ожидания с кассой, две — служебные. И все утопало в запахе полыни.

Нас никто не встретил, хотя бумаги о нашем прибытии были вовремя посланы. Так что до вполне приличной гостиницы г. Цэцэрлэга пришлось добираться, сидя на чемоданах в кузове военного грузовичка, прибывшего встретить наших попутчиков — советского генерала и его супругу. Они, что любопытно, свой отпуск проводили в худоне и милостиво согласились подвезти нас в город.

Переночевав в гостинице, мы утром следующего дня пошли, естественно, в захиргаан (исполнительное управление аймачного хурала народных депутатов), где сумели попасть на прием к первому секретарю аймачного комитета МНРП Дамдинсүрэнү, который любезно и доброжелательно поручил нас заведующему парткабинетом Жамьянжаву. И мы отправились на пешую экскурсию по городу.

Жамьянжав познакомил нас со всеми восемью кварталами весьма зеленого и живописного города Цэцэрлэга, где в основном в юртах проживали 18 тысяч жителей. Мы внимательно ознакомились с парткабинетом, где была отлично налажена наглядная агитация — схемы, диаграммы, таблицы, сощобязательства и т. д.; посетили библиотеку с отдельным читальным залом для детей; побывали в типографии (кстати, предприятии социалистического труда). Очень хорошо были оформлены стенды с портретами передовиков производства и победителей соревнований, сощобязательства на 1966 г., фотопортретами школьников с указанием их успеваемости.

Город, как и Баянхонгор, строился: возводились здания школы-десятилетки, амбулатории, больницы, жилые дома. В общем, Цэцэрлэг жил активной созидательной жизнью.

Мы долго ходили по городу и к обеду еле волочили ноги. За обедом в ресторане гостиницы к нам неожиданно подсел известный детский писатель Б. Бааст, несколько рассказов которого вышли в «Детгизе» в моем переводе. Он возвращался домой после полуторамесячной творческой командировки в Тариат-сомон Архангайского аймака, был полон впечатлений и живо говорил о них. Но, видно, во время поездки он много кушал и здорово потолстел, так что ножка стула, на котором он сидел, внезапно подогнулась, и он рухнул на пол к всеобщему оживлению в зале.

А к вечеру в гости зашел простуженный Ширендыб-гуай: он то ли, как и мы, прилетел, то ли приехал на своем походном га-зике, не помню, во всяком случае, на следующее утро на этой машине мы в сопровождении молодого, скромного и внешне очень симпатичного парня — выпускника Монгольского университета ветеринарного врача Санжаа, который уже 6 лет возглавлял аймачное управление сельским хозяйством, отправились на встречу Ширендыб-гуая с избирателями, жителями трех сомонных центров: Буянхонгорского — СХО «Дорогой первопроходцев», Батцэнгэрского — СХО «Развитие» и Баянуула-сомона. За рулем газика сидел все тот же Нямдаваа.

Дорога шла по красивейшим местам, через перевал Холцегийн даваа мимо остатков крепостного вала и древней крепости — первоначальной резиденции первого маньчжурского цзянцзюня (губернатора) Халха — Монголии, откуда открывался замечательный вид на снежные вершины Северного Хангайя и широкую живописную долину — место слияния рек Тамира и Зун Адин-гола.

Все три сомонных центра выглядели вполне благоустроенными поселками, особенно центр Батцэнгэр-сомона: с аккуратными рядами юрт и жилых построек, уютной деревенской гостиницей (шло строительство новой, каменной), Дворцом культуры с двумя залами, Дворцом спорта, стадионом, краеведческим музеем и др. Объединение «Развитие» отличалось высокими показателями, содержало большую коневодческую ферму. Широкое строительство за счет собственных средств было развернуто и в Баянуул-сомоне.

Надо сказать, что Ширендыб-гуая во всех трех сомонах принимали так торжественно, словно он был, по крайней мере, Генсеком ООН, сомонное начальство не жалело средств на парадные встречи, особенно на подарки.

Честно говоря, я не помню, состоялись ли какие-либо общие собрания избирателей. Кажется, дело ограничилось беседами Ширендыба с руководством сомонов и встречами с местным государственным и партийным активом: участники этих встреч, наряду со славословием в адрес партии и правительства и, конечно, самого Ширендыба, говорили о своей жизни, о местных нуждах и проблемах.

Запомнилось выступление шофера автобазы Банцэнгэр-сомона Л. Бат-Очира. Он очень взволнованно и ярко благодарил народную власть за свою жизнь, за то, что он, простой человек, стал уважаемым членом общества, был одно время на руководящей работе в аймачном центре г. Цэцэрлэга, но предпочел вернуться к своей рабочей профессии и к жизни в худоне. Здесь он выдвинулся в число передовиков, был избран делегатом аймачной партконференции.

Выступая на встрече с Б. Ширендыбом, он говорил свободно, не по бумажке, и вполне искренне. Мне он, вообще, показался образованным, достойным представителем молодого монгольского рабочего класса.

Несмотря на кратковременный и относительно прогулочный характер этой поездки, она, как и выезд в Баянхонгор, как все следовавшие путешествия по стране, была познавательной. Я глубже познакомился с замечательным Архангайским краем, увидел образцово-показательное хозяйство — СХО «Развитие» и добротные поселки — Булган и Баянуул, прочувствовал, с каким уважением и почтением относятся худонцы к Базарын Ширендыбу — и как к большому ученому, и как к крупному государственному деятелю. Такие же впечатления остались и у моей спутницы Галины Ивановны Слесарчук.

Забавный эпизод в последний день нашего пребывания в Архангае добавил хорошего настроения от поездки. Мы возвращались из сомона Баянуул в Цэцэрлэг. Но для этого надо было на машине пересечь реку Тамир-гол. Смело рину-

лись в воду, но на середине реки мотор заглох, и вода медленно, но верно стала заливать пол кабины. Наш шофер Нямдаваа, с лица которого не сходила улыбка, каким-то образом поднял капот и стал копаться в моторе. А вода все прибывала и прибывала уже почти до уровня передних сидений. Хорошо, что Ширендыб успел перебраться к нам с Галей, и мы трое взгромоздились на верхний край чуть ли не на спинку заднего сиденья и, поджав ноги, замерли в ожидании — что будет дальше. Слава богу, мотор вдруг «заговорил», и Нямдаваа вывел газик на берег. Был яркий солнечный день, и наша обувь быстро высохла. Ширендыб шутил: «...Могли подмочить репутацию!».

Путешествие по востоку Монголии

Оно началось 17 августа 1966 г. с перелета из Улан-Батара в центр Восточного аймака город Чойбалсан (до 1952 г. — Баянтумэн) на комфортабельном ИЛ-14 с двумя очаровательными стюардессами. Они вместе с предложениями леденцов вручали каждому пассажиру отпечатанное в типографии обращение командира самолета со вписанными в текст от руки красными чернилами данными о полете: маршруте, времени взлета и посадки, скорости (360 км в час), высоте (2600 м), а также с указанием времени пролета над центром Хэнтийского аймака г. Ундурхан.

В обращении командир заверял, что все системы самолета находятся в нормальном состоянии и работают хорошо, просил во время полета не вставать с кресел, а смотреть наружу через иллюминаторы. Поприветствовав пассажиров от имени экипажа и отметив, что самолет — это удобное, быстрое и надежное воздушное судно, командир призвал трудящихся широко пользоваться воздушным транспортом.

Воздушное сообщение только входило в моду, и такая информация пассажиров о полете была продолжением обращения командира по радио в начале пути.

Полет занял около 2,5 часов, и на аэродроме меня и Галину Ивановну встретил молодой человек, заведующий отделом культуры исполнительного управления аймачного хурала народных депутатов Жамьяндорж. Как выяснилось по пути в гостиницу, он в 1955 г. окончил местный пединститут, затем преподавал язык и культуру, в 1965 г., перед тем как занять свой пост в исполнительном управлении, окончил годичные курсы повышения квалификации.

Гостиница — большое двухэтажное здание, куда нас доставил Жамьяндорж, была переполнена: только что закончились гастроли Академического театра оперы и балета — состоялся показ классической монгольской оперы «Учиртай Гурван толгой» («Три печальных холма») и несколько концертов — артисты гуляли; в городе проходила аймачная конференция учителей; работала комиссия по проверке итогов соцсоревнования между Восточным и Хэнтийским аймаками. В общем, в гостинице царила праздничная суета.

После полудня нас в своем кабинете принял председатель исполкома Восточного аймака Жигжид. Зоотехник по образованию, он производил впечатление серьезного, толкового руководителя. Сначала он посетовал на задержку с получением бумаг из Академии, затем председатель внимательно ознакомился с нашими планами, одобрил их и предложил прикрепить нас к особой армейской агитбригаде. Она отправится по памятным местам халхин-гольских сражений для осмотра имеющихся там памятников и культурно-просветительской работы среди населения по случаю 27-й годовщины знаменитой победы. Любопытно, что у входа в двухэтажное здание исполкома стоял стенд с призывом изучать язык и культуру Советского Союза, а на прикрепленном листке бумаги был выписан ряд русских слов и их эквиваленты на монгольском.

Во главе бригады, к которой нас прикрепили, был ее организатор майор Д. Гомбосурэн из Главного политического управления МНРА. Она включала двух именитых ветеранов боев на Халхин-Голе — прославленного героя МНР майора Л. Дандара и бывшего водителя броневика, а ныне за-

местителя командира мотострелковой дивизии орденоносного капитана Х. Хаянхирва, а также подполковника Товда, недавно защитившего диссертацию о Халхин-Голе в Академии им. Фрунзе.

Сама бригада состояла из взвода солдат, набранных из различных подразделений столичного гарнизона среди активных участников художественной самодеятельности. Ими командовал высокий, стройный, в щеголеватой форме лейтенант Болд, в прошлом солист ансамбля Народной армии, но «пропивший», как он сам говорил, голос и затем окончивший Ульяновское училище связи. Болд — поэт, выпустил два сборника стихов на монгольском и русском языках. Он приударил за Галиной Ивановной и крепко подружился со мной.

В задачу бригады входила также организация в г. Чойбалсан и в населенных пунктах по дороге на Халхин-Гол бесед, лекций, вечеров воспоминаний, выступлений ветеранов, концертов и, конечно, ознакомление солдат и артистов с памятниками Халхин-Гола. Первая встреча с народом состоялась в день нашего приезда, вечером, в помещении местного музыкально-драматического театра, в присутствии всего аймачного начальства. Зал был забит до отказа. Открыл вечер первый секретарь аймачного комитета МНРП Цэрэндорж. С рассказом о боях с японцами в 1935–1939 гг. выступил Дандар Батор, общую картину халхин-гольских сражений обрисовал подполковник Товд. Они говорили хорошо, свободно, с подъемом. Особо подчеркивалось значение стычек и боев с японцами в 1935–1937 гг., которые самостоятельно вела монгольская армия, отмечались ее боевой дух и воинское мастерство. После выступлений состоялся концерт: песни, танцы, декламации, игра на инструментах. Народ остался доволен.

Следует упомянуть встречу на аэродроме с композитором Чойдагом, 6 лет проучившимся в Москве. Он был первый день в отпуске и потому слегка навеселе. Говорил, что привез новую оперу, премьеры которой должна состояться в Чойбалсане 15 сентября.

Встретил я также своего старого знакомого еще по Москве, со времен студенчества, тогда учившегося в Московской консерватории, а теперь — ведущего тенора Академического театра оперы и балета Г. Хайдава. За более чем 20 лет, что мы не виделись, он практически внешне совсем не изменился: все то же смазливое лицо, тонкий стан.

По Халхин-Голу

Рано утром 18 августа я и Галя добрались до военного городка в окрестностях аймачного центра, где располагалась наша агитбригада.

К городку, представлявшему собой широкий круг, примыкали юрты и деревянные домики-сарайчики для офицеров, а также несколько гаражей и ангаров. Поскольку агитбригада была небольшой военной частью, соблюдающей воинский устав, то каждое утро нашего путешествия начиналось с команды на построение и перекличку, затем на завтрак. В отличие от «оловянных солдатиков» 1950 г. члены бригады выглядели настоящими воинами, прошедшими хорошую строевую подготовку, в ладно пригнанной форме, четко и слаженно исполняли все команды.

Так было и в день нашего выезда из городка на трех машинах: впереди шел джип с Д. Гомбосурэнгом, Л. Дандар-Батором, Х. Хаянхирвой и корреспондентом центрального органа Министерства обороны МНР газеты «Улаан Од» («Красная звезда»), Ц. Мишигдоржем, за джипом следовал доверху загруженный раскладушками, шинелями и прочим скарбом крытый грузовик ЗИЛ, на котором восседали солдаты и Болд. Меня и Галю поместили в кабину ЗИЛа, меня — рядом с шофером, Галю — у двери. За ЗИЛом ехал крытый фургон автоклуба с радиорубкой. На машине прикрепили транспарант: «Воспитаем молодежь в духе славных боевых традиций нашей страны».

Перед выездом из города проехали по бетонированному мосту, перекинутому над мутными водами Керулена, самой

протяженной реки Монголии, и покатили вперед в степь, на восток. Степь — безбрежная, горизонт со всех сторон, тени облаков, разноцветное небо и зелень земли.

Наш шофер — сверхсрочник, ему 32 года, из них он 15 лет в армии, отец пятерых детей — четырех девочек и одного мальчика, жена — делопроизводитель. Зовут его С. Шарав-жамц. Он веселый, красивый парень, хорошо поет, знает много песен, в том числе наших советских и русских. Я с ним разучивал монгольскую песню «Моя дорогая мама».

После полудня первая остановка у придорожного аила. Две кружки вкусного айрака (кумыса) — и за руль нашего тяжеловоза садится Дандар. Но руль слушается его плохо, видно, в аиле он принял нечто более крепкое, чем айрак. В результате тяжелогруженная машина с грохотом с ходу угодила в большую рытвину, в кузове — треск кроватей, ахи-охи, а Галина Иванова чуть не выпала из кабины, я едва успел удержать ее за руку. Дандар резко затормозил и бледный, как смерть, вывалился из машины. Он все-таки воин, а не шофер, хотя и имел 1-ю категорию водителя. В 1935–1938 гг. учился и окончил Тамбовское кавалерийское училище в звании лейтенанта. Был назначен начальником штаба полка 5-й кавалерийской дивизии в Тамцаг Булаке. Прошел Халхин-Гол от начала и до конца в должности сначала командира полка 5-й кавалерийской дивизии. Возглавил это соединение после гибели комдива Шарава. Прославился в боях, стал героем МНР. В 1945 г. воевал во Внутренней Монголии, где проштрафился слишком жестоким обращением с японцами. Чойбалсан лишил его всех наград и разжаловал в рядовые. Пришлось служить простым шофером.

После смерти маршала в 1952 г. Л. Дандар был полностью реабилитирован, восстановлен в звании, избран в Великий народный хурал, получил звание майора. На меня во время поездки он производил впечатление разбитного служаки, купающегося в ореоле славы прежних подвигов. Но надо сказать, что народ, араты, относился к нему с великим почтением, так что он все эти дни был постоянно навеселе.

Примерно на 200-м км от города мы увидели в пути грузовичок какого-то объединения, который вез творог в магазины

аймачного центра, а до этого мы никого не встречали, хотя дорога не была безжизненной и унылой, каждый поворот вносил что-то новое в окружающий пейзаж.

Через 7 часов езды с небольшими остановками впереди замаячили воды — все в барашках — большого пресного озера Буир-Нуур с чистейшей водой и песчаным дном. Через несколько минут въезжаем в центр Халхин-Гол-сомона — центр сельскохозяйственного объединения со знаменательным названием «Ялалт» «Победа». Там мы провели 4 дня. Поселили нас в одном из чистеньких домиков, так как гостиница на 5 коек была занята председателем центрального совета общества охотников Мэнером и молоденьким секретарем общества, зоотехником Цэдэндамбой.

Как потом выяснилось, у председателя — непростая биография. Великая Отечественная война застала его студентом II курса Брянского лесного института, и 6 ноября 1941 г. он еле успел унести ноги с отступавшими войсками — чуть не попал в окружение, но добрался до Тулы, а оттуда и до Москвы. Его направили в Фергану, где зачислили на VI курс эвакуированного Института востоковедения. Что с ним было далее, выяснить не удалось, так как на следующий день с утра мы выехали осматривать памятные места халхин-гольских сражений.

Халхин-Гол... Здесь, в этом районе, начиная с 1935 г. японская военщина непрерывно устраивала одну крупную провокацию за другой. Здесь в мае 1939 г. японцы перешли в генеральное наступление, имея в виду порабощение монгольского народа и создание плацдарма для вторжения в СССР. На фронте, протянувшемся на 75 км и продвинувшемся на 20–25 км вглубь страны, разгорелись ожесточенные бои. Первая наша остановка у Хох Ундрийн овоо. Это небольшое, сложенное из камней возвышение посреди бескрайнего, ровного, как стеклышко, плато, где негде укрыться даже сурку и где со всех четырех сторон — горизонт. Здесь находился наблюдательный пункт 6-й кавалерийской дивизии МНРА, а над ним в безоблачном небе сшибались в смертельной схватке в жаркие июньские дни 1939 г. одновременно до 300 боевых самолетов — советско-монгольской и японской авиации.

Вторая остановка — знаменитая возвышенность Баян-цааган-уула. Здесь танкисты комбрига М.П. Яковлева, награжденного посмертно званием Героя Советского Союза, с ходу остановили рвавшуюся вперед ударную группировку японцев, а затем совместно с подошедшими резервами устроили 3–5 июля настоящее побоище.

Сейчас здесь на постаменте стоит зеленый танк-39, поставленный в 1954 г., в 15-ю годовщину победы. Рядом обелиск с надписью «Памяти 79 героев РККА, погибших за дело коммунизма в боях против японского фашизма 20–30. VII. 1939». А на постаменте надпись: «Танкистам РККА яковлевцам — победителям над японцами в Баян-цааганском сражении 3–5 июля 1939 г.».

В этих боях погиб комбриг М.П. Яковлев, был тяжело ранен командир 24-го мотострелкового полка РККА И.И. Федюнинский, убит начальник генштаба МНРА Эрэнцав, ранен в грудь и голову наш знакомец Х. Хаянхирва.

Вот третья остановка у балки справа от памятника «Воинам-героям Советской армии и мужественным сыновьям МНРА» — балки, по которой в двадцатых числах августа 1939 г. двигались танки, орудия, кавалерийские и пехотные советско-монгольские части к берегу Халхин-Гола, к центральной переправе для решающего удара по окруженной и расчлененной на три части японской армии.

А вот и Халхин-Гол — место переправы наступающих советско-монгольских войск через эту реку для окончательного разгрома японских войск. В 15-ю годовщину победы здесь по решению правительства МНР был воздвигнут памятник — невысокий гранитный обелиск в окружении выложенных на земле белых керамических плит с изображением звездочек и двух танковых башен. Надпись на обелиске гласит: «Воинам-героям Советской Армии и мужественным воинам Монгольской Народной армии, павшим в боях с японскими захватчиками в районе реки Халхин-Гол за свободу и независимость миролюбивого монгольского народа, за мир и безопасность народов против имперских агрессоров (1939–1954)».

Побывали мы и на перевале Хамар Даваа — в шестидесяти километрах от центра сомона. Там сохранились следы блиндажей и окопов командного пункта комбрига Г.К. Жукова и командующего монгольскими войсками, министра по делам народных войск Ж. Лхамсурэна.

А в 24 км восточнее перевала на меня особое впечатление произвел одиноко стоящий обелиск на сенокосных угодьях опытной станции. Валки сена подступали прямо к подножию обелиска. Здесь сражались воины 8-й монгольской кавалерийской дивизии, и памятник поставлен в память о них. Он датирован 15-й годовщиной и надпись только на монгольском языке гласит: «Вечная память героическим воинам МНРА, отдавшим жизнь в боях на Халхин-Голе за свободу и независимость нашей родины против японских империалистов». Он очень трогательный, этот памятник, выглядит как одинокий погост в степи.

Наконец, на 74-м км пути мы достигли крайней восточной точки линии фронта — Их Бурхант у истоков реки Халхин-Гол, где разбили бивак. Рядом находилась одна из трех ферм СХО «Ялалт», и наша бригада устроила концерт для работников фермы.

Одолжили у фермы полуторку, опустили борта и на этой импровизированной сцене выступили солдаты-артисты. Болд читал свои стихи и пел свои песни, Х. Хаянхирва рассказал о боях в этой местности и провозгласил: «Я — сын этой земли, все здесь мои братья и сестры» и т. д. Публика в парадных костюмах, сидя на земле, бурно приветствовала каждое выступление.

Закончился этот длинный день песнями у костра, причем пели все — и Д. Гомбосурэн, и Л. Товд, и корреспондент «Улаан Од» Ц. Мишигдорж, и Л. Дандар, и Х. Хаянхирва, наш шофер С. Шаравжамца, ну и я с Галиной Ивановной.

Ночевали в палатке на раскладушках.

На следующий день наша бригада на фермерских лошадях форсировала Халхин-Гол на переправе в 5 км от фермы.

Галину Ивановну в сопровождении Болда отправляют на машине обратно в центр СХО «Ялалт», а я верхом на

поводу у нашего сопровождающего Гонгор-гуая (о нем ниже), поджав ноги и стараясь не смотреть на воду — голова могла закружиться, — впервые в седле взбирался на крутой противоположный берег, за которым ровная возвышенность Хуруу Өндөр, центральный узел сопротивления японцев. Километров десять ехали по этой открытой всем ветрам степи, спешивались у хорошо сохранившихся траншей, слушали рассказ Л. Дандара о героической атаке 4-го полка РККА и 5-й монгольской кавалерийской дивизии во время августовского наступления. Продолжали движение, ехали строем, не спеша. И вдруг монголы сорвались с места и помчались галопом в сторону: кто-то заметил барсука. Зверь забился в нору, и его выковыривали ташуурами — кнутами. Удар рукояткой по голове — и он мертв. Монголы — страстные охотники.

Дальше по дороге много воронок, куда свалены каски, гильзы, бутылки, в одной из воронок — целый японский ручной пулемет. Гонгор достал каску и флягу, — все в музей. Он местный уроженец, его родина Чойбалсан-сомон — 55 км от аймачного центра и 50 км от границы. Окончил педагогический техникум и 2-годичные курсы по подготовке работников культуры, поступил в институт, но, видимо, его не окончил. Во время боев на Халхин-Голе возглавлял бригаду агитаторов в северных сомонах Хэнтейского аймака. С 1953 г. жил и работал в Чойбалсане. В том же году стал заведующим краеведческим кабинетом, открытым при аймачном исполкоме в 1950 г. С 1966 г. — глава краеведческого музея, в экспозиции которого 2 тысячи экспонатов. Фонд насчитывал 10 тысяч единиц хранения. В штате музея было 5 человек: директор, экскурсовод — учитель начальной школы со средним образованием, уборщица, столяр и рабочий, а также 33 внештатных сотрудника.

А мы между тем возвратились назад, проехав верхом в общей сложности километров тридцать по этому высокому правобережью и вдоволь налюбовавшись чудесными видами долины Халхин-Гола.

Все это заняло больше половины дня, потом мы возвратились в центр Халхин-Гол-сомона, где мы с Галей познакоми-

лись с «Халхингольской сельскохозяйственной научно-исследовательской объединенной станцией». Она работала с 1960 г. и в 1966-м находилась в двойном подчинении: по научной части — Института растениеводства АН МНР в Зуунхаре, а во всем остальном — Министерства сельского хозяйства. Ее главной задачей было изучение возможностей превращения региона Халхин-Гола в зону устойчивого земледелия, плодородства и сенокосную базу.

После станции мы беседовали с председателем СХО «Ялалт» Дамхуягом, который поделился с нами некоторыми данными. Хотя СХО образован сравнительно недавно, оно по производственным показателям занимает 4-е место в аймаке. В СХО 1000 домов, 599 хозяйств, 3 фермы и 4 кочующие бригады, на одного трудоспособного приходится в среднем 1100–1315 тугриков дохода в год.

Вечер мы провели на рыбозаводе, на берегу Буир-нуура, где и заночевали опять в палатках. Завод с 1954 г. — госпредприятие министерства пищевой промышленности, а до того — цех аймачного пищевого комбината. На заводе в 1966 г. было 4 цеха: приемный, обработки продукции (соленье), ремонтный (починка сетей, неводов и т. п.) и автогараж: 4 грузовые и легковые машины, 2 катера (оба временно не работали), 1 моторная лодка, 2 баркаса, 3 одновесельные лодки.

Работали 3 бригады по 13 человек каждая, вылавливали примерно по 100 кг рыбы в день, месячная норма составляла 25 т. Невод и трал с уловом вытаскивали на берег конной тягой — 10 лошадей крутили какие-то приспособления. Четыре рыбака занимались ручной ловлей, зарабатывали в среднем по 280 тугриков в месяц. Всего на заводе трудились 60 человек, среди них 1 инженер с высшим образованием и 2 работника со средним.

Внешне завод и заводской поселок выглядели невзрачно — барачного типа помещения, сырье разбросано по разным местам, юрты, захламленный двор и запах рыбы. И, тем не менее, наши друзья дали концерт. Был потрясающий закат — красный диск солнца садился в безмятежную гладь озера, разноцветные блики бежали по воде, на берегу, у кромки

воды — черные силуэты четырех коней на поводу у человека в широкополой шляпе. Сказка!

И музыка и архи

Распрощавшись с Халхин-Голом, наша бригада 22 августа посетила еще два памятных места, связанные с халхин-гольской батальей: Тамцаг Булак и центр Матад-сомона.

В 1939 г. в Тамцаг Булаке находилась штаб-квартира советских и монгольских войск, к нему из Чойбалсана была проложена узкоколейная дорога, здесь же в крепких 2–3-этажных зданиях дислоцировался 53-й особый стрелковый корпус РККА, введенный в соответствии с «джентльменским соглашением» между СССР и МНР от 27 ноября 1934 г. о взаимной поддержке в случае угрозы военного нападения третьей стороны.

Кроме того, когда в Тамцаг Булаке размещались части 5-й кавалерийской дивизии МНР, жизнь там бурлила. А в 1966 г. это был мертвый город: ни живой души, повсюду валялись рельсы от бывшей железнодорожной ветки, дома еще стояли, но с пустыми глазницами окон и разбитыми дверями.

Здесь можно было бы создать крупный производственный объект, но не хватало рабочих рук, и Тамцаг Булак был обречен на поглощение степью. Она здесь бескрайняя, всеобъемлющая, дороги практически нет, и мы едем по траве и по песку, дали необъятные, горизонт, как я уже отмечал, со всех сторон.

А по дороге сюда мне в душу запал один случай. Мы остановились у одинокой юрты, где жили старик и старуха. Она инвалид, хромила, но была подвижна и энергична. И группа военнослужащих решила порадовать этих людей, выступить перед ними с импровизированным концертом. Особенно старался младший лейтенант Дашдондог — выпускник музыкально-драматического училища, руководитель клуба самодеятельных артистов в одной воинской части, мечтавший на будущий год

поступить в театральный институт в Советском Союзе. Весельчак, заводила, он играл на гитаре, хорошо пел и прочел стихам целую поэму о Халхин-Голе — у них выступили слезы на глазах, они были чрезвычайно благодарны и без конца поили солдат чаем, за отсутствием другого угощения. Да, не только хлебом единым жив человек, Гомбосурэн распорядился оставить беднякам по буханке хлеба, консервы, пачку сахара и чая.

По дороге из Тамцаг Булака в Матад-сомон Дандар-Батор подстрелил дзерэна (полевую антилопу), тушу разделали тотчас же, развели костер, и началась короткая трапеза. Могу сказать, что ничего вкуснее кусочка печени, обернутой нутряным салом и поджаренной на огне, я лично до того не ел. Галина Ивановна тоже была в восторге.

Матад-сомон во время Халхин-Гола был своеобразной кочегаркой — здесь добывали уголь прекрасного качества, который был топливом для паровозов узкоколейки, протянутой до центра сомона, и обогрева казарм. До сих пор сохранились штольни, но добычи нет. Сейчас здесь СХО «Энхтайван» («Мир») — крепкое хозяйство: 80 тысяч голов общественного стада, из них 60 тысяч овец; в хозяйстве, получающем 2 млн тугриков дохода в год, — более 2 тысяч членов.

Сомон назван по имени ближайшей горы Матад. Здесь располагалась также погранзастава. И конечно, состоялись встречи с пограничниками. И вечером бригада, естественно, дала концерт, после чего сомонное начальство устроило прием, который вел секретарь местной партийной ячейки — женоподобный, похожий на певца Марио Долче. Дандар-Батор трогательно спел «Тучи над городом встали». Среди участников приема некий старый партизан, подвыпив, от избытка чувств то и дело выкрикивал «до свидания», тем самым выражая радость встречи.

23 августа мы выехали в Чойбалсан. До него 150 км. Первую остановку сделали на сенокосных угодьях, где шел покос. Трудилась 4-я бригада СХО «Энх Тайван». Широкое поле было уставлено юртами, палатками, техникой: 6–8 тракторов, сенокосилки, много конных упряжек. По нормам, 1 сенокосилка должна была скашивать столько травы,

как 20 косарей, а за 1 т скошенного сена оплата составляла 801,8 тугриков. На покосе много молодежи.

На второй остановке прощальный полдник — на траве, поглощение продовольственных остатков. И вот уже виден растянутый профиль города Чойбалсана, напоминавший нам вид нашего Ростова с дальнего берега Дона. Переехали мост через Керулен. А всего мостов 4, построены советскими строителями — так как планировалось возведение мясокомбината и ожидался приезд осенью 5 тысяч рабочих и специалистов.

За мостом мы тепло простились с милыми цириками, с ветеранами Халхин-Гола и начальством, особенно нежно — с нашим другом Болдом, и усталые, но полные впечатлений вернулись в гостиницу в сопровождении Гонгор-гуая.

Что дала эта поездка?

Во-первых, мы убедились, что народ свято чтит память о монгольских и советских воинах, павших в боях на Халхин-Голе, заботливо охраняет памятники, воздвигнутые в честь их мужества и героизма, братские могилы и обелиски, которых так много на халхин-гольской земле и некоторые из которых нуждались в обновлении.

Во-вторых, мы убедились, что на Халхин-Голе все еще полно следов ожесточенных сражений, проходивших в невыносимо тяжелых условиях — при палящем зное, отсутствии дорог и, так же как в Шамаре, полчищах комаров.

И в-третьих, мы увидели, что народ с великой любовью относится к героям и ветеранам боев на Халхин-Голе, знает, уважает и всячески почитает их.

Халхин-Гол... Теперь это край мирного созидательного труда и дерзких свершений. И хотя он только начал развиваться, уже сделано немало. Труженики пограничного Халхин-Гол-сомона, соседнего Матад-сомона и других здешних сомон-ов, среди которых немало ветеранов боев на Халхин-Голе, не забывают героических дней 1939 г. и своим трудом приумножают славу этих мест. Всего 3 года назад начал строиться на этих берегах сомонный центр, а теперь это целый поселок из 30 опрятных домиков со своей электростанцией, клубом, школой-восемилеткой, детсадом, яслями, пекарней, двумя

магазинами, медицинским пунктом, радиоузлом, стадионом и даже аэродромом, где регулярно, два раза в неделю, приземлялись почтовые и пассажирские самолеты из центра Восточного аймака — г. Чойбалсана.

В поселке, как определенный показатель уровня благосостояния, бросалось в глаза обилие мотоциклов. Их 35–40 на 200 жителей. Работала специальная мотошкола! Все население от 13 до 45 лет грамотно, один из каждых 7 жителей учился, чистый прирост населения составил в год 3%.

В Халхин-Гол-сомоне создано сельскохозяйственное объединение с символическим названием «Ялалт» («Победа»): у него свыше 60 тысяч голов скота и ежегодный доход составлял около 2 млн тугриков. Государственное рыболовецкое предприятие на Буир-Нууре давало государству 300–500 т рыбы в год, а кроме того работали 7 маслобойных цехов и заводов, 2 метеостанции и... Объединенная опытная сельскохозяйственная станция. Она приступила к работе в 1960 г., и с ней были связаны захватывающие перспективы развития земледелия, овощеводства и плодоводства в этом благодатном по почвенно-климатическим условиям уголке Монголии. За короткое время ее молодой коллектив из 15 специалистов с высшим образованием, 1 кандидата сельскохозяйственных наук, 13 научно-технических сотрудников и 4100 рабочих и техников в контакте с аграрными экспедициями, направленными по просьбе МНР из Советского Союза, выявил 1,5 млн га земель, пригодных для пахоты, создал производственные и экспериментальные участки зерновых на 2,5 тысячах га, развел сад на 601 га, где уже плодоносят 24 сорта яблонь, белые сливы, вишня, облепиха и где даже есть саженцы винограда, завел свое животноводческое хозяйство, пасеку, предпринял лесопосадки.

Мощная техника — 31 трактор, 13 автомашин, 7 комбайнов, полный набор прицепных орудий — призвана помочь обеспечить успешное выполнение больших задач станции.

Да, преображается земля Халхин-Гола, и у нее отличные перспективы превращения в благодатный край больших урожаев зерна, овощей, фруктов, корма для скота. Через мно-

го лет я во время одной из своих краткосрочных командировок в Монголию снова побывал в этих краях. Там уже давно успешно работал крупный госхоз «Халхин-Гол», с благоустроенным центром, большими массивами освоенных пахотных земель и большим садом.

Так что преобразования продолжались.

Путешествие по Халхин-Голу в 1966 г. было, конечно, знаменательно еще и тем, что мы с Галей несколько дней прожили в особой воинской части и убедились, какая активная культурно-просветительская работа ведется в войсках, как много там самобытных талантов среди цириков, как крепки связи с населением.

Поездка по Халхин-Голу была первым этапом нашего знакомства с востоком Монголии. Следующим этапом стал Хэнтийский аймак, места, связанные с именем Чингисхана.

В родных местах Чингисхана

Сразу после возвращения в Чойбалсан из поездки по Халхин-Голу мы с Галиной Ивановной совершили 3-дневный выезд в Хэнтийский аймак — увидеть места, где родился и провел свои детские и юные годы великий вождь монголов Чингисхан, а также познакомиться с тем, как отдыхают трудящиеся страны, поскольку эти места расположены частично на территории и вблизи дома отдыха «Гурван нуур» и находящегося рядом центра Дадал-сомона — СХО «Труд».

Сразу скажу, что природа Дадал-сомона потрясюще красива! Горы, покрытые густым, преимущественно хвойным, лесом, широкая долина вдоль полноводной реки Онон и ее притока Балжин-гола, необыкновенные пейзажи, вокруг раздолье и вольность. У склона одной из гор — урочище Делюн Болдог, где родился Чингисхан и где, как считается, он захоронен. В 1990–1991 гг. его могилу искала вооруженная самой современной техникой монголо-японская экспедиция, но безрезультатно.

В эту поездку мы отправились 26 августа, нас присоединили к группе, состоявшей примерно из 15 граждан-отпускников, направляющихся на отдых и лечение в дом отдыха «Гурван нуур» («Три озера»). Всех разместили в кузове грузового автомобиля «ЗИЛ».

По прямой от Чойбалсана до Дадал-сомона было 350 км, но нам пришлось ехать круглым путем, так как по прямой дороге — в сомоне Баян-Уула — был объявлен карантин — вспышка дифтерии. Поэтому часть пути мы ехали ночью в кромешной темноте, лишь фары высвечивали узкую полосу травы перед машиной, а по сторонам была сплошная чернота и едва различимые силуэты гор. Романтично, конечно, но сидеть на чемодане становилось невтерпеж.

Слава богу, где-то на 170-м км пути остановились на ночлег у аила из трех юрт, рядом с которым — отара овец в загоне и два лежавших верблюда.

Заночевали в одной обычной 4-стенной юрте, и я был поражен, что в ней разместились 10 взрослых и 7 детей. Галине Ивановне выделили кровать, а мне постелили на полу вместе со всеми. Этот комфорт помимо платы за переезд обошелся в 52 тугрика, в переводе на рубли по курсу 1966 г. — цена билета из Москвы в Краснодар или в Ленинград.

Но все тяготы и неудобства пути померкли и позабылись, как только мы ступили на территорию дома отдыха санаторного типа «Гурван Нуур», основанного в 1948 г., а в 1949 г. переданного в ведение Центрального совета профсоюзов МНР.

Расположен дом отдыха в сказочно красивом месте — у вытянутых в цепочку одно за другим трех живописных, древних озер, посреди огромной зеленой поляны на опушке большого соснового леса и березовой рощи. Вблизи — невысокая лесистая гора Батор Уула с ритуальным *овоо* на вершине, откуда замечательный вид на округу и на самое большое затянутае тиной «Западное озеро» (Барун Нуур), из которого берут лечебную грязь.

На территории — никаких асфальтированных дорожек, тумбочек, цветников, лишь густая трава и стройные сосны, и сосенки между постройками — полное слияние с природой.

Лес вокруг молодой — в 1966 г. большой пожар испепелил много вековых сосен, мы видели во время прогулок несколько обугленных толстых стволов в кустах.

Принимая меня с Галей, как почти везде, за супружескую пару, нас поселили в двухместном спальном коттедже — конусообразном деревянном домике с двумя кроватями, двумя стульями, столиком, платяным шкафом с вешалками для одежды. Еще 20 таких домиков, каждый на 2–5 человек были разбросаны по лесу. Зимой домики отапливались.

Таким образом, каждую смену здесь отдыхали и лечились по 160 человек, а за год — 1700. Путевки продавались на 15 дней только для отдыха и на 21 день с лечением. За сутки это стоило 8 тугриков, 15 дней — 120, 21 день — 168 соответственно. Дом отдыха работал круглый год, кроме декабря и января. В распоряжении отдыхающих — душевая, грязелечебница, ванный павильон, клуб с кинозалом, танцевальная веранда, кабинеты физио- и электротерапии, рентгеновский, лаборатория. В летний период открыты волейбольная и баскетбольная площадки, проводятся регулярные купания в среднем озере, а «Восточное», крайнее, где Чингисхан, по преданию, купал своих коней, не использовали вообще. Сверху, с горы Баян Уула, три озера выглядели, как блюда, приставленные друг к другу.

При доме отдыха летом работает пионерлагерь на 150 детей в смену и постоянный детсад на 30 детей.

Обслуживающий персонал летом состоит из 90 человек, зимой — их 50. В штате 2 доктора (терапевт и физиотерапевт), 1 фельдшер, 5 медицинских сестер и массовик-затейник.

В большой столовой кормили 5 раз в день, обильно и вкусно. Особенно хороши были *тарак* (простокваша) и хлеб собственной выпечки.

Главная достопримечательность дома отдыха «Гурван Нуур» — единственный в стране в 1966 г. памятник Чингисхану. Его поставили в центре зеленой поляны в 1962 г. в честь 800-летия Чингисхана. Это большая треугольная глыба известняка, на фронте которой высечены портрет хана и сбоку надпись на старомонгольском письме, смысл которой можно

передать словами: «Пусть я лишусь сил, лишь бы не ослабело государство»¹⁰.

Памятник был скромным, но очень талантливо выполненным, и, помню, вызвал у меня не меньше эмоций, чем нынешний грандиозный пантеон Чингисхана в Улан-Баторе. С его автором, несомненно очень одаренным скульптором Махбалом, я тогда познакомился в Чойбалсане — ему принадлежал, кажется, и медный бюст основателя современной монгольской литературы Д. Нацагдоржа у Парка дружбы в столице, и другие работы. Это был мягкий, интеллигентный и очень грустный человек: образ Чингисхана в те времена был не в фаворе, празднование его юбилея осуждено как вспышка национализма, а организатора празднеств 1962 г. секретаря по идеологии ЦК МНРП Тумур-Очира изгнали из партии и репрессировали. Не мудрено, что и скульптор чувствовал себя если не в опале, то не востребованным.

Мы с Галиной прекрасно провели эти три дня. Я каждое утро купался в озере, мы гуляли в лесу, стараясь не сшибать ногами массу грибов: белых, подосиновиков, подберезовиков, один раз набрали целую кошелку, почистили, помыли и в столовой нам их сварили, а затем поджарили, кинув на сковороду почти полкило сливочного масла. Монголы почему-то лесных грибов не едят, хотя мы пытались их угостить. Пришлось самим наслаждаться.

Побывали мы и в урочище Делюн Болдог, но раскопки мы не занимались и не чувствовали, что под нами могила. Это просто заросшая лесом возвышенность.

А на берегу Онона мы познакомились с хозяйством 67-летнего бурята-единоличника: у него крепкий деревянный дом, хозяйственные постройки, во дворе большой стог сена, достаточный, на взгляд, прокормить целое стадо, хотя у хозяина, по его словам, всего три коровы и загон для овец. Он отсидел в заключении 10 лет, а с 1954 г. живет здесь, в очень красивом месте. В доме обстановка скудная, но полно игрушек, сделанных главой семьи. В СХО «Труд», что рядом, вступать не намерен, жизнью доволен.

¹⁰ Полный текст надписи я, к сожалению, потерял.

Я ему позавидовал — настоящая жизнь на природе. Я не только прогуливался, но и работал — беседовал с местными руководителями.

Все сведения о доме отдыха «Три озера» я узнал от его директора Базара, о расположенных рядом центре Дадал-сомона и СХО «Труд» — из подробных бесед с их руководством.

Дадал-сомон занимал обширную территорию в 470 тысяч га, а его центр отличался от других сомонных центров тем, что это было типичное бурятское большое село (или поселок): с деревянными и каменными, кирпичными постройками, избами жителей и всего с двумя юртами. Особенностью центра было еще и то, что он разделен в административном отношении на 4 района, причем в каждом существовал неосвобожденный начальник — дарга, который по очереди выделял из жителей своего района людей для работы в сомонных коммунальных и общественных учреждениях — гостинице, пекарне, бане, отделении связи, детском саду на 50 мест, летней школе на 400 учащихся, общежитии, больнице на 15 коек, ветеринарном отделении.

В центре работали радиоузел, кинотеатр (кинопередвижка), 3 дизельные электростанции обеспечивали подачу света, с 1956 г. функционировала восьмилетняя средняя школа — 20 учителей (11 с высшим и 9 со средним педагогическим образованием) на 464 учащихся. В 1966 г. из них 100 жили в общежитии на полном обеспечении. Гордость школы — высокая успеваемость — в среднем 89% и «социалистическое товарищество» учителей, которое вело большую агитационно-пропагандистскую и культурно-просветительскую работу среди населения при педагогической нагрузке в 21–28 часов в неделю. Зарплата учителей и врачей — не менее 540 тугриков.

В сомоне сильная партийная организация — 100 членов МНРП, партком из 7 человек при 2 освобожденных членах — председателе и его заместителе. Работа строится четко: с 1 октября по 1 мая — ежедневные занятия (кроме субботы и воскресенья) в кружках политпросвещения, а с 1 мая по 1 октября — только коллективная утренняя читка газет.

Что касается СХО «Труд», то это крепкое и одно из старейших объединений страны, образованное в 1939 г. в местечке

«Хурин Шугуй» в районе Балжин-гола. В 1954 г. переехало на настоящее место, к подножию Баян Овоо. Объединение по производственным показателям занимало в 1966 г. 4-е место среди 20 сомонов — объединений Хэнтийского аймака. Оно успешно завершило III пятилетку и выполнило план 1-го полугодия 1966 г. по всем показателям, кроме прироста поголовья скота из-за суровой зимы 1965/66 г.

В СХО «Труд» — 500 хозяйств, 2 тыс. человек, из них 470 трудоспособных. Скота — 59 тыс. голов, из них 48 тыс. овец, в личной собственности 4 тыс. голов, в среднем по 10 голов на 1 хозяйство. Основные фонды СХО — 15 млн тугриков, ежегодный доход — свыше 3 млн 700 тыс. На члена объединения в среднем приходилось в год 5 тыс. тугриков. На оседлость перешли в 1954 г., а на денежную оплату труда — в 1961 г., 70% заработка выдают ежемесячно, 30% — в конце года.

Посевная площадь составляла 2 тыс. га. Сеяли пшеницу, овес, кукурузу; под овощами 8 га. В 1965 г. с 1 га собирали 16 центнеров пшеницы, 15 центнеров овса. У СХО 23 тыс. га сенокосов, заготавливают свыше 12 тыс. т сена, этого хватает для подкормки маточного поголовья, кроме лошадей.

Объединение неплохо обеспечено техникой — в нем 22 трактора различных марок, 8 комбайнов, 9 грузовиков, 2 — ГАЗ-69, 64 подвесные уборочные машины 6 видов.

В СХО работали 2 животноводческие бригады (лошади и крупный рогатый скот — в одной, овцы — в другой) и 1 земледельческая, разделенная на 9 звеньев. Есть особое звено строителей и пасека из 25 ульев.

Все эти сведения, наряду с данными о центре Дадал-сомона, приведенные выше, представляют целостную картину вполне полноценной и перспективной жизни этого небольшого бурятского анклава в МНР.

Распрощавшись с Дадал-сомоном, мы 30 августа на ГАЗ-69, управляемом начальником автобазы Найярвом, направились в центр Хэнтийского аймака, что был расположен в 248 км от паромной переправы через Керулен — самую длинную реку Монголии. У переправы — юрта паромщика под навесом, конь на привязи. За переправу сбор — 1 тугрик.

Далее — движение вдоль извилистой ленты реки в густом кустарнике по берегам. На 80 км от центра начинается грунтовая дорога, построенная во время войны. Местами она сильно разбита и требует объезда. Дорога идет по линии рудника Бэрх, откуда на тяжелых самосвалах вывозят на перевалочную базу в Чойбалсане флюорит — плакиковый шпат, ценное сырье для авиапромышленности и металлургии. В город Ундурхан прибыли ночью 1 сентября. Гостиница с билльярдом, отдохнуть можно.

Мы торопились вернуться в Чойбалсан и совсем не успевали даже начать знакомиться с центром Хэнтийского аймака. Думали вылететь немедленно, но оказалось, что самолет из УБ с посадкой в Ундурхане будет только завтра, так что день мы провели в бывшей резиденции Цэцэнхана — одного из могущественных дореволюционных правителей страны. Три домика, окруженные забором, по соседству с гостиницей, во дворе — старинные изделия из чугуна — на этом месте, как нам сказали, была ставка Цэцэнхана.

Ундурхан — более компактный и уютный городок по сравнению с Чойбалсаном. По обе стороны широкой центральной улицы различные учреждения, ателье куспромсоюза, магазины, в том числе магазин самообслуживания, три детских сада с колоннами, 2-этажное здание аймачной администрации. В центре — небольшой садик с тонкими деревцами, явно недавно высаженными, и памятником «Героям Советского Союза, павшим в боях с японскими захватчиками». Это ступенчатый пьедестал, на котором была установлена башня от танка с орудием и фанерным красным знаменем и вышеприведенной надписью на монгольском и русском языках.

Особняком от сквера стояло желтое здание Дворца культуры, а напротив — здание центрального универмага.

В общем, Ундурхан — обычный, симпатичный аймачный центр, с которым мы познакомились, прямо сказать, довольно бегло и поверхностно. Не так, как с Чойбалсаном, куда мы вернулись 2 сентября и пробыли там до 8 — Галина Ивановна улетела в Улан-Батор, а я отправился в поездку в Эрэнцав совместно с первым секретарем аймачного комитета МНРП Восточного аймака Жамсраном.

В Чойбалсане

Итак, 6 дней было отведено нам на знакомство с городом Чойбалсаном — центром Восточного аймака, в котором проживали 14 тысяч жителей.

Город в 1966 г. показался мне наиболее растянутым по площади по сравнению со всеми посещенными мной до и после этого аймачными центрами.

Он делится на 8 районов, все — на существенном расстоянии друг от друга. Кварталы юрт за заборами, кварталы каменных домов, здания административные и другие. (Дворца культуры, Почтамта, Музыкально-драматического театра, магазинов, школ).

Когда мы только приехали 6 августа, культурная жизнь города была ключом: здесь только что закончились гастроли Академического театра оперы и балета из Улан-Батора, шли спектакли Музыкально-драматического театра Баян-Ульгийского аймака, 2 сентября на стадионе был торжественно отмечен День строителя с вручением наград передовикам, и праздничным надомом и т. п.

Знакомил с городом наш замечательный Гонгор-гуай, который сопровождал нас в поездке по Халхин-Голу. Он местный уроженец, окончил педагогический техникум и 2-годичные курсы культработников при Пединституте. Преподавал биологию и химию в средней школе, с 1954 г. возглавляет Краеведческий кабинет, открытый в 1950 г. В 1966 г. кабинет должен был получить статус государственного краеведческого музея, но в сентябре 1966 г. все еще находился на местном бюджете со штатом в 5 человек: заведующий, экскурсовод (Шагдаржав — преподаватель начальной школы), кассир, столяр и уборщица. Музей был открыт для посещения 2 дня в неделю: в субботу с 14-00 до 18-00, в воскресенье — с 10-00 до 18-00.

У входа — картина местного художника О. Санжижава «Ю. Цеденбал на Халхин-Голе», фотовитрина «XXIII съезд

КПСС», фотографии музея, его история, почетная грамота — 1-е место в аймаке среди краеведческих кабинетов.

В музее залы, посвященные событиям на Халхин-Голе, рассказывают о вкладе трудящихся Баян-Тумэна (современный Чойбалсан) в победу: зал трофейного оружия, зал показа участия в боях советско-монгольских войск в составе 35 пехотных батальонов, 20 конных эскадронов, 1200 самолетов, 498 танков, 346 броневиков с 2155 пулеметами, 40 минометов, 600 орудий, портреты советских и монгольских героев и др.

Есть, конечно, в музее и экспозиции, знакомящие с животным и растительным миром Восточного аймака, масса чучел диких животных, начиная от *буга хандгая* (помесь лося с оленем) до чучела летучей мыши (*саръеан баавгай*).

На левой половине одного из залов были представлены образцы полезных ископаемых Восточного аймака — уголь, горючий сланец, вольфрам, стройматериалы и глины, на правой — исторические предметы, начиная с орудий каменного века, бронзовых наконечников стрел и монет времен Гуюк-хана (XIII в.) до портрета последнего Цэцэн-хана Наван-Цэрэна, который во времена автономии Монголии в 1915–1920 гг. и Унгчерна был министром внутренних дел, а во время революции 1921 г. жил в монастыре, затем работал в Ученом комитете МНР и умер в 1935 г.

В музее, естественно, есть зал, посвященный уроженцу этих мест Хорлогийну Чойбалсану.

Ну и, конечно, зал этнографии с большим набором музыкальных инструментов и домашней утвари; много картин местных художников.

И все это богатство — 10 тысяч единиц хранения в фондах музея и 2 тысячи в экспозиции — плод труда и собирательства Гонгор-гуая, ставшего моим другом, скромного труженика и благородного человека.

Город Чойбалсан, в некоторой степени промышленный: здесь действует большой мельничный комбинат с элеватором на 1500 т, производящий до 6 тыс. т муки двух сортов и снабжающий Восточный и Сухэ-Баторский аймаки; работает деревообрабатывающий комбинат (производство деревянных

домов, телег, мебели и пр.). На окраине — угольная шахта Адун-Чулуун, дающая 24–25 тыс. т угля в год, с коллективом 100 человек, нефтебаза, снабжающая кроме Восточного еще и Хэнтийский и Сухэ-Баторский аймаки, автобаза на 200 машин, дизельная с 4 машинами электростанция мощностью 300 мегаватт; в 1966 г. планировалось с помощью СССР построить теплоэлектростанцию. К тому же Чойбалсан был также транспортным узлом: здесь, не доезжая до центра города, заканчивается железная дорога, идущая из Соловьевска. Дорога — ширококолейная протяженностью 238 км — построена в 1937 г. и работает до сих пор. В 1966 г. планировалось довести ее до центра города. Как и в каждом аймачном центре, в городе работали пищекомбинат, который поставлял в торговую сеть хлеб, печенье, *архи* (водку), банное мыло и прочие товары, а также кооперативная артель кустпромсоюза с 5 цехами: швейно-пошивочным, выпускавшим изделия 38 наименований; деревообрабатывающим, производившим столы, стулья, шкафы и т. п.; цех металлоизделий; обувной пошивочный и подметочный цеха. Вместе с конторскими служащими в артели работали 300 человек в возрасте от 16 до 50 лет.

Надо отметить, что все предприятия города перевыполнили задания III пятилетки и планы 1-го полугодия 1966 г.

За 6 дней мы с Галей познакомились с местным, построенным в 1959 г., пищевым комбинатом, подведомственным Министерству пищевой промышленности, с шахтой Адун-Чулуун Министерства промышленности МНР, введенной в строй в 1954 г. для снабжения города топливом, и с центральной артелью кустпромсоюза (в городе работали еще 2 артели), работавшей с 1931 г. Везде я беседовал с руководителями и записывал сведения о производственных показателях. Интересно было узнать, что на комбинатах постоянно работали консультантами 2 советских специалиста — Якунин Леонид Васильевич и Вавилов Владимир Иванович, что они вели регулярные занятия с инженерами (4 человека с высшим образованием), техниками (4 человека со средним техническим образованием), что функционировали 2 лаборатории — зерновая и мучная, — что зарплата директора комбината составляла 7 тысяч

тугриков в месяц, главного инженера — 600, механиков — тоже 600, а рабочих 350–400.

На шахте существовала привязка продолжительности отпуска к трудовому стажу на предприятии: стаж 1–3 года — 20 дней, 3–6 лет — 28, 6–9 лет — 30, 10 и более лет — 35 дней. Работали шахтеры 7 часов в день в две смены: подготовительная и забойная, по плану должны были выдавать нагора 80 т угля в день.

Познакомились мы также с редакцией газеты «Дөл» («Пламя») — органа аймачного комитета МНРП и исполкома хура-ла депутатов трудящихся Восточного аймака.

Газета выходила 2 раза в неделю тиражом 3 тыс. экземпляров и распространялась как по полугодовой и годовой подписке (за 14 тыс. тугриков за год) и в открытой продаже. В редакции работали 13 человек: главный редактор Намхай, ответственный секретарь — выпускник Высшей партшколы Лэгцэг, 1 литературный редактор, заведующий отделом писем и корреспонденций, 1 штатный корреспондент, остальные — технические работники. У газеты более 100 внештатных корреспондентов. Кроме того, на каждом предприятии, организации, в СХО и госхозах были работники, ответственные за связи с редакцией.

В типографии, где печаталась газета, три цеха: наборный — там трудились 4 женщины, одна из них Цэгмид с 15-летним стажем, печатный — 6–7 рабочих, переплетный — 3. В типографии 4 печатные машины, 1 бумагорезка. Годовой план — 900 тысяч печатных листов; план 1-го полугодия 1966 г. выполнен на 147%, производительность труда выросла на 10%. Средняя зарплата типографских работников — 300–400 тугриков, оплата прогрессивная: поощряется перевыполнение плана. В типографии в 1966 г. работали 2 бригады социалистического труда. Бригады боролись за это звание ежегодно.

Побывали и в 8-летней школе, расположенной в Железнодорожном поселке около железнодорожной станции. Она была открыта в 1948 г. как начальная школа, в 1957 г. стала 7-летней, а с 1962 г. — 8-летней. С 1957 г. ею бессменно

руководил один директор Гомбосурэн — преподаватель истории МНР. Школа специализированная, ее полное название «Трудовая политехническая 8-летняя школа при железной дороге». Действительно, в школе работали слесарные и столярные мастерские, кабинет домоводства, школьники во время каникул трудились в госхозе «Эрэнцав», занимались и овощеводством, и животноводством, и заготовкой сена. Всего в школе было 527 учащихся, в том числе дети из сомонов Сэргэлэн и Чойбалсан, и 28 учителей (из них 16 женщин) и 21 технический работник; 12 педагогов — с высшим образованием, у остальных — среднее педагогическое.

Отличительной особенностью школы было наличие многих методических кабинетов: монгольского языка, просвещения, физики, химии, краеведения, природоведения, географии, у учеников 5–8 классов, так называемое «культурное товарищество» (*соёлын нөхөрлөл*) — добровольное общественное объединение по организации культурного досуга.

В эти дни мне удалось урывками поработать в аймачном Статистическом бюро, записать некоторые общие сведения о Восточном аймаке: его территория — 122 400 кв. км, население — 85 600 человек, из них — халха монголов 60%, бурят — 20%, барга — 4%, узэмчинов — 6% и 4% — дариганга, китайцев, русских и других. Административное устройство — 13 сомонов (10 сомонов — СХО, 3 сомона — госхозы), 1 сельскохозяйственная (на Халхин-Голе) и 2 племенные опытные станции. Промышленность, включая кустарную, в основном была сосредоточена в г. Чойбалсане, о чем я уже писал. Можно лишь добавить, что еще одна кустарно-промысловая артель работала в сомоне Баян-Уула. От председателя Статистического бюро по Восточному аймаку Гомбожава я получил сведения о 2 техникумах в Чойбалсане — сельскохозяйственном и строительном, объединенной аймачной больнице на 100 коек с врачами всех специальностей, 2 рентгеновскими кабинетами, лабораторией, хирургическим и стоматологическим отделениями, о детской больнице на 25 коек, туберкулезном и кожно-венерологическом диспансерах — каждый на 30 коек, кумысолечебнице — все в центре аймака.

Кроме того, в Баян-Ууле работала межсомонная больница, а в других сомонах и аймаках — 13 врачебных пунктов. Само Статистическое бюро образовано в 1960 г. в составе 8 человек (4 с высшим образованием), его председатель, прежде чем был назначен на этот пост, 10 лет служил офицером в армии, затем заместителем председателя аймачной плановой комиссии, затем председателем СХО «Керулен». Когда СХО преобразовали в госхоз, его направили заниматься статистикой.

Удалось также поработать в государственном архиве Восточного аймака, собрать материалы об историческом прошлом Восточного аймака, главным образом об истории после его образования в 1931 г. в составе 10 хошунов Хан-Хэнтейского аймака, преобразованных в 27 сомонов. Естественно, что я не собираюсь излагать свои записки на этих страницах, — отсылаю любопытствующих к книге 1961 г. уполномоченного Совмина МНР по Восточному аймаку Бунчина «Краткий очерк истории и современного положения Восточного аймака». Я читал ее в рукописи на русском языке.

Скажу только, что Восточный аймак с XVII в. входил во владения (ханство, аймак) династии Цэцэн-ханов — одного из трех самых влиятельных и могущественных княжеских родов Халха Монголии.

Интересно было также узнать из архивных документов, что в период левого уклона в МНРП и массовой насильственной коллективизации аратских хозяйств в конце 20 — начале 30-х годов в Восточном аймаке в 1931 г. насчитывался 31 колхоз, в том числе 5 артелей, 7 коммун, 9 товариществ. Коллективизация охватила 22% бедняцких и середняцких хозяйств.

Вообще, все документы по истории собственно Восточного аймака были хорошо обработаны и сгруппированы в трех описях по периодам 1931–1942, 1942–1952, 1953–1960 гг. В хорошей организации работы архива большая заслуга его директора Дамдинсурэна, вступившего в должность в 1962 г. после 17–18 лет заведования военным отделом в аймачном управлении.

В общем, все объекты г. Чойбалсан, которые мы посетили, оставили у нас с Галиной Ивановной хорошее впечатле-

ние, хотя, конечно, было понятно, что нам показывали парадную, лучшую сторону жизни аймака, который только начал выходить на широкую дорогу созидания. По нашему общему мнению, у него впереди блестящая перспектива стать настоящей житницей республики, а у города Чойбалсан — подлинной столицей Восточного Края.

Поездка по маршруту город Чойбалсан — город Эрээнцав: взгляд изнутри

Поездка состоялась 8–11 сентября по приглашению и в обществе секретаря аймкома Восточного аймака Ц. Жамсрана, который занял пост главного дарги аймака всего три месяца назад. Будучи старше меня на 7 лет, он выглядел как мой ровесник. Жамсран окончил партшколу в Улан-Баторе и Алма-Ате, работал секретарем ЦК Ревсомола, в Китае встречался с Мао Цзэдуном и Чжоу Эньлаем, о чем есть фото в его семейном альбоме, ряд лет работал председателем исполкома хурала народных депутатов Завханского аймака — самого крупного в стране по количеству скота — 2 млн голов.

Жамсран — бурят, свободно говорил по-русски. Мы познакомились 3 сентября в Музыкально-драматическом театре, где отмечали День строителя и 10-летие местной строительной организации (речи руководителей аймака, награждение передовиков, праздничный концерт).

На следующий день праздник продолжился на стадионе — большой и огороженной площадке с каменными трибунами, павильонами, беговыми дорожками вокруг футбольного поля, площадкой для баскетбола и замечательным видом с верхних рядов-трибун на залитую солнцем зеленую округу у берегов Керулена. Здесь Жамсран продолжил общение со мной, мы вместе наблюдали за футбольным матчем между болгарскими и советскими строителями и некоторое время за национальной борьбой. Жамсран предложил мне поехать к нему, и мы покинули стадион в разгар праздника.

Жил секретарь аймкома МНРП — фактически хозяин аймака — в большой двухкомнатной квартире на 4 этаже внешне неказистого, но внутри хорошего, современного дома, рядом с гостиницей. Внутри высокие потолки, хорошо покрашенные стены, много света и воздуха. Но в комнате беспорядок, разбросаны вещи, на подоконнике — пластинки, преимущественно со старыми советскими песнями, пара румынских пластинок с записями танцевальной музыки — твист, чарльстон, танго, — рядом на тумбе радиола. Во второй комнате — чемоданы, постель, журнальный столик. Видно, что хозяин один, хотя, судя по показанному мне семейному фотоальбому, у него красавица жена, сын которой учится в Ленинграде.

Обедали по-холостяцки — вареное мясо, огурчики, яблоки, подарочная бутылка коньяка, боржом. За столом еще два гостя — члены ЦК МНРП. Получил предложение сопровождать Жамсрана в его чисто деловой поездке в Эрэнцав и обратно для ознакомления с обстановкой и ходом сезонных работ — уборки хлеба, заготовки сена и др. Естественно, я с благодарностью принял предложение и стал готовиться к отъезду. А Галина Ивановна 8 сентября вернулась в Улан-Батор.

Утром 8 сентября я уже был в квартире Жамсрана. Дарга предложил позавтракать, и я поначалу с удивлением смотрел, как он кладет куски довольно жирной баранины в пиалу с *сутэй* (молочным) чаем, но, попробовав, понял, что это очень вкусно.

Выехали втроем: Жамсран, корреспондент газеты «Дол» («Пламя») и я. Дорога шла поначалу по ровному плато вдоль железнодорожного полотна, потом мимо холмистой возвышенности так называемого «вала Чингисхана» и множества небольших солончаковых озер, а перед Эрэнцавом вдоль берега красивого голубого озера «Хох Нуур».

По прямой от Чойбалсана до Эрэнцава примерно 280 км, но мы отмахали все три сотни, так как кружили и останавливались в 7 местах, очень интересных.

Первая остановка — на покосе, который вели работники Перевалочной базы, что в Чойбалсане. Косили для своих нужд, уже отработано 200 га, заготовлено 250 т сена. Копны сразу грузили на грузовики и отправляли в город.

Вторая остановка у жилища довольно старого арата с платком на голове — Гонгора из 2-й бригады СХО «Хөдөлмөр» («Труд») сомона Баян Тумэн. С ним двое парней и молодая жена. Они уже месяц как на покосе. У них конные косилки. За это время скосили 105 га — 3 га в день при норме 5–6. Гонгор сам точно не знал, сколько он наработал, говорил, что в 40 копнах 1 тысяча т сена. Так ему сказал обмерщик. Жамсран распекает старика, а у того на лице недоумение — за что?

В машине Жамсран сказал, что аил не выполнил план потому, что у Гонгора свое личное большое хозяйство — несколько верблюдов, 4 коровы, овцы, 2 лошади. Так что своих забот по горло. С мнением, что личный скот у аратов мешает развитию общественного производства, были согласны все начальники в Эрэнцаве.

Третья остановка — это усадьба госхоза «Керулен», сомон — родина маршала Чойбалсана. Здесь я беседовал с директором госхоза — председателем сомона Банзрагчем и подробно записал основные данные о выполнении плана 1966 г. По его словам, госхоз в целом справлялся со сдачей зерна — на день нашего приезда было собрано 900 т. Уборку обещали закончить 9–13 сентября, тем более что у госхоза была мощная техника: 59 тракторов, 35 комбайнов, 31 автомашина.

Единственная семеноводческая станция вместо 63 т зерна по плану не сдала ни одной тонны по причине засухи, неурожая, плохой обработки посевов, их большой засоренности, плохого качества семян. С заготовкой сена госхоз не дотягивал до плана, хотя работали три бригады с 15 коннокосилками и одна бригада технического обслуживания в составе 13 человек. И каждой весной и осенью все студенты сельскохозяйственного техникума г. Чойбалсан помогали. На 1 сентября было заготовлено лишь 33% от плана в 4500 т. Техническая бригада выполнила лишь 50% плана. Причины — в частой поломке машин, плохой их подготовке, нехватке квалифицированных специалистов. В госхозе работали всего 6 техников и 1 техник-контролер. Но вот план случайной кампании был выполнен на 70%, а сдача тонкой шерсти — лишь на 25,9%.

Поселок госхоза был добротным, расположен на берегу озера Цэйдимий нуур и реки Хулет-гол. Около 30 каменных домов, почти нет юрт, два двухэтажных здания: одно — правление, другое — школа 8-летка, клуб с колоннами, производственные постройки.

Четвертая остановка в одном из звеньев технической бригады госхоза «Керулен», она на покосе с 1 июля. Бригадир Дорж — молодой парень в очках интеллигентного и немного изумленного вида. В звене — еще три человека. Живут в шатре, спят на раскладушках. Шатер заполнен тряпьем, хозяйственным инвентарем, котлами, на веревке сушилось мясо. Звену по плану надо было заготавливать 1845 т сена, а заготовлено 900 т. Работали 2 трактора — на одном трудился Дорж — тракторист по профессии. У звена было также 4 сенокосилки, 2 конных грабель, 2 волокуши, 1 стогометатель.

Дорж покорно выслушал упреки и наставления Жамсрана, и мы, сделав поворот от прямой дороги, отправились к горячим источникам Минжуур — природному курорту, где на вершинах небольших холмов — газовые скважины и воронки, некоторые затянуты грязными марлевыми тряпицами. Вода обжигающая, но целебная, газ немного с запахом. Стояли две шатровые палатки, в одной из них *цогц* — серебряная фигурная печка-лампадка, и было невероятно душно. Поодаль — две юрты. Зашли в одну из них: на плохо заправленной кровати и на земляном полу лежали вповалку какие-то морщинистые, коричневые от солнца и прожитых лет пожилые люди, некоторые явно болезненного вида, и сидела старуха. Все они стали спешно натягивать на скрюченные у некоторых ноги сапоги. Завязался разговор, они представились перегонщиками скота в Эрэнцав, сказали, что возвращаются домой и вот уже третий год подряд заезжают лечиться к источникам. Говорят, что помогает. Здесь они проводят свой 5-й день. В тазу — мясо, заготовленное на неделю, если не больше.

Почти все выглядели в своих серых рубашках и дэли довольно колоритно. Многие смахивали на бывших лам. Вообще, без лам здесь на источниках дело не обходилось, люди без каких-либо врачебных рекомендаций, на свой страх

и риск лечатся от бруцеллеза, ревматизма и других болезней. По сравнению с Шаргалжуут аршааном в Баянхонгорском аймаке Минжуур в 1966 г. выглядел настоящим диким курортом, но явно имевшим также большое будущее.

Оттуда мы поехали на ток «Керулен» — госхоза посреди степи в 110 км от Чойбалсана, рядом с железнодорожным переездом и новым зданием железнодорожной станции. На току работали 7 веялок двух типов, зерно хранилось под открытым небом. Среди рабочих преобладали школьники старших классов.

За током расположился аил Дугэрийн Аюра — крепкого 71-летнего старика. Они вместе с женой-дояркой возвращались в свой родной сомон Цагаан Овоо после перегона 1500 овец в Эрэнцав и пятидневного лечения в Минжууре. Аюр заверял, что источники здорово помогли — спина перестала болеть. Он впервые подрядился перегонять скот, заработал 1600 тугриков, по 800 на человека. Это немало. Здесь, в этом аиле, я впервые попробовал мясо *тарбагана* (сурка) — оно жирное и мягкое, довольно приятное на вкус, вроде курицы. Но потом во рту долго держится небольшой душок. И сознание, что среди этих зверьков есть разносчики чумы, тоже мало вдохновляло.

По дороге к последней, 7-й, перед Эрэнцавом остановке Жамсран пытался подстрелить тарбагана, но зверек ученый, не пожелал показаться из норки. А остановились мы у 2-й скотоприемной базы Министерства внешней торговли Монголии. Она вблизи похожа на небольшой, чистый компактный хутор. Ее директор Доржсурэн производил впечатление хорошо знающего свое дело. На базе работали 12–13 человек, в том числе 2 бухгалтера, 2 ветеринарных врача, ветеринарный фельдшер, 1 санитар, заместитель директора по хозяйственной части, 2 рабочих при конторе и 3–4 — в загонах. База принимала скот от Восточного, Хэнтийского, Сухэ-Баторского аймаков с 15 июля до 15 октября 1966 г., после чего до января продолжались хозяйственно-строительные работы. По плану в 1966 г. база должна была принять 11 560 овец и 2500 коз в живом весе. На сентябрь 1966 г. было принято 10 000 овец и коз, только

Восточный аймак несколько перевыполнил план и вместо 4268 голов мелкого рогатого скота сдал 4587.

В Эрээнцав мы приехали в 9 часов вечера. Река Улз разделяла город на две части. На одном берегу находился госхоз Эрээнцав — центр сомона Чулуут хороо, на противоположном — 2-я скотоприемная база Министерства внешней торговли МНР. Мы остановились у конторы госхоза, и тут же там началось совещание местного партийно-хозяйственного актива и начальства — мы застали еще чрезвычайных уполномоченных: от Совета министров, от заготовителей, от исполкома Восточного аймака и даже от сельскохозяйственного техникума.

На дороге в Эрээнцав у меня создалось впечатление, что аймак переживает тяжелые времена: ни СХО, ни госхозы, несмотря на неплохую техническую оснащенность и обилие рабочих рук — в худон были брошены сотрудники аймачных административных управлений, студенты, школьники, — несмотря на тяжелый труд, аймак не дотягивал до выполнения всех плановых обязательств, ему грозил проигрыш в социалистическом соревновании с Хэнтийским аймаком. Поэтому можно было догадаться о цели совещания даргов.

Как сказал Жамсран, они получили заверения, что госхоз Эрээнцав закончит уборку хлебов и заготовку сена к 1 октября. И было решено обратиться с просьбой о помощи запчастями, техниками к Чите. Совещание продолжалось до 12 часов ночи, после чего мы поехали в гостиницу 1-й скотоприемной базы. Нас встретил директор базы Баяр. На столе масло, хлеб, консервы. К часу ночи приносят бозы, и по команде — сон до семи часов.

Утро 9 сентября ушло на знакомство с 1-й скотоприемной базой, о ее 25-летней истории и современном состоянии нам подробно поведал директор Баяр, — а также с госхозом «Эрээнцав» и сомоном «Чулуут хороо», о которых нам рассказали местные руководители сомона во главе с директором госхоза Дамдинжавом.

В госхозе я познакомился с директором сельскохозяйственного техникума г. Чойбалсан Цогтожавом. Он рассказал, что в техникуме обучаются 300 студентов: будущие агрономы,

зоотехники, ветеринары, механики. Срок обучения 4 года для механиков и ветеринаров, 3 года — для остальных. Стипендия на 1-м курсе 180 тугриков + 25% за отличную успеваемость. Весной и осенью все студенты и преподаватели работают в госхозе, получают зарплату за вычетом стоимости питания и стипендии.

Вместе с Цогтожавом отправились на покос в местечко Ундур Бат в передовую 4-ю бригаду — всего на покосе у госхоза 5 бригад. Подъехали к шатру — жилищу бригады. Рядом 4 трактора, стогометатель завершал укладку очередного стога. Бригада производила отличное впечатление: в ней 12 человек, 8 — непосредственно на покосе, молодые, здоровые ребята, бодрые, подтянутые, энергичный бригадир. Работу выполняют не ниже чем на 120%. С 20 июля по 9 сентября заготовили 752 т, осталось сдать еще 1721 т.

В шатре — настольные игры, волейбольный мяч. Женщина-повар готовила вкусно и разнообразно. Оказалось, что в этом же месте расположена база нашего внешнеторгового объединения «Скотоимпорт» с сотней работников, проживающих в домиках, тесной кучкой стоявших за забором. А над главным баракком гордо реял красный флаг. Пообедали в русской столовой: щи, жаркое, компот и отличный чай. В полдень дарги — Жамсран и уполномоченные уехали в Агинский округ договариваться с читинскими властями о помощи.

К 4 ч. вернулись, и мы смогли посетить две зерноводческие бригады (обе с отставанием от плановых заданий по уборке хлебов) и большой поселок, где находился центральный ток госхоза «Эрээнцав». На току под открытым небом лежало зерно, но работало до 10 сеялок и ряд зерноочистителей.

От тока начальники поехали встречать гостей из Читы, а я завершил день беседой с начальником таможни — членом МНРП с 1935 г., передовым агитатором госхоза Самбу. Крепкий на вид, модно одетый, пожилой мужчина принял меня в своем кабинете, увешанном картами, фотовитринами, диаграммами. Среди них — самодельные стенды с показом государств, с которыми МНР поддерживала дипломатические, торговые и культурные отношения.

Биография Самбу — типичный пример чехарды, которую устраивала власть с квалифицированными кадрами. Ревсомолец, он получил высшее образование в Москве в Институте востоковедения в 1938–1942 гг., по возвращении работал в органах госбезопасности. Был директором кондитерской фабрики, автобазы, партийным руководителем в Баян Цогт-сомоне, заведующим канцелярией министерства промышленности, работал в объединении «Совмонголметалл», некоторое время болел в родном сомоне Халхин-Гол, затем заведовал гостиницей и, наконец, стал начальником таможни в Восточном аймаке. Под его руководством таможня вышла на 2-е место в республике и в годы «культурного наступления» (1965–1966) служила образцом порядка и культуры.

Самбу-гуай подробно рассказал мне, какую большую агитационную работу он ведет среди населения выделенных ему 10–12 айлов и вообще среди населения сомона: регулярные политзанятия, семинары, на которых обсуждались внутренние и международные вопросы, использовались различные агитматериалы и т. п.

Вообще, как я понял, с агитационно-пропагандистской работой в сомоне Хулуут все в порядке, в отличие от организационно-производственной.

Нашу беседу прервали гудки на улице — приехали две «Волги» и два газика. Не успел Самбу поделиться со мной до конца своими печатными богатствами, как снаружи раздались гудки — приехал 1-й секретарь окружкома КПСС Агинского автономного округа, в прошлом 1-й секретарь Читинского обкома В. Романов и 1-й секретарь райкома КПСС в Агинском округе Э. Бадма. Все было окружено какой-то таинственностью. На улице стояла крошечная тьма, мелькали тени сотрудников госбезопасности, сопровождавших на двух «газиках» прибывших на двух «Волгах» начальников, которые сразу удалились на секретное совещание. Казалось, что здесь происходит событие государственной важности.

Утром 10 сентября я поначалу поверг в изумление приехавшее начальство, когда неожиданно появился в ресторане сомонной гостиницы, где они вместе завтракали. Но потом

разобрались. Романов вел себя вельможно, Бадма — национальный кадр, выступал в роли скромного члена делегации, но зеленая шляпа выдавала его за человека государственной важности. Оба не отличались учтивостью.

А вот шоферы — бурят и русский, уроженец Донбасса, осевший после армии в Агинске, — были простыми, хорошими парнями.

В 11 часов кавалькада из двух «Волг» и трех «газиков» (один любезно предложили мне), поднимая тучи пыли, двинулась в путь в объезд покосов на арендованной агинцами у госхоза «Эрээнцав» пограничной полосе земли длиной 200 км и глубиной от 40 до 80 км — это почти 50 тысяч га. И такое сотрудничество продолжалось уже не первый год. Объезд показал, что буряты справляются с планом, работают аккуратно и споро, чувствовалась удовлетворенность своим трудом. Это были совсем не те буряты, которых я видел во время языковой практики на Чикое в 1948 г., — культура труда на зависть монголам совсем другая.

По дороге состоялся обед на природе: мясо, кумыс, архи и отечественные помидоры. Мне показалось, что для гостей и монгольских уполномоченных это была прогулочная поездка. Состоялся также обмен подарками — Жамсрану подарили транзистор.

В сомонную гостиницу приехали поздно ночью и были встречены полным обедом и разлитым морем архи. В гостинице полно народа, приехали еще какие-то уполномоченные, в том числе комиссия Верховного суда. После обильных возлияний отправились на покой.

11 сентября полуночный обед стал завтраком, после которого состоялись проводы советских гостей, а мы тронулись в обратный путь, к Чойбалсану.

По дороге мы познакомились с сомоном Дашбалбар и сельскохозяйственным объединением «Улз», 20-я годовщина образования которого торжественно отмечалась в 1965 г. Население сомона составляло 2000 человек — все буряты, так что центр сомона выглядел довольно благоустроенным бурятским селом с деревянными домами — жилыми и

административными, почтой, универсальным магазином, школьным комплексом с физкультурным залом, больницей, клубом с штатным пианистом, библиотекой с 10 тысячами книг, кинопередвижкой, с которой работал освобожденный киномеханик (показ фильмов 3–4 раза в неделю), с краеведческим музеем.

В сомоне сильная партийная организация — 60 человек, парткомитет из 7 членов (2 освобожденных), ревсомольская ячейка из 80 юношей и девушек. В сомоне высокий уровень агитационной работы — 25 агитаторов, а также культурно-просветительской: 1000 человек подписались на газеты и журналы, специальный почтальон развозил их по бригадам и *сууриям* (звеньям). Председатель, секретарь парткома производили впечатление очень культурных людей.

В сомоне работали молочный завод и 5 отдельных цехов, станция искусственного осеменения, обслуживавшая 3 сомона: по плану 500 коров и 8 тысяч овец подлежали осеменению (осеменили 330).

Объединение «Улз» было довольно крепким хозяйством с годовым доходом 3 млн 700 тысяч тугриков, общественным стадом в 95 400 голов. Но по всем показателям и сомон, и СХО «Улз» отставали от плановых заданий, как, впрочем, и все другие сомоны Восточного аймака, кроме сомона Баян Уула, что и доложил срочно созванному партийно-хозяйственному активу Жамсран. По его приглашению я присутствовал на этом совещании и еще раз убедился в том, что монголы упорно копируют советские административные методы руководства народным хозяйством. Речь Жамсрана была декларативной и увещательной, он призывал к сплочению и активизации выполнения планов, но как это сделать — осталось за скобками.

Конечно, поездка Жамсрана, приезд массы чрезвычайных уполномоченных, в определенной степени, наверное, способствовали мобилизации местных руководителей, но в целом это смахивало больше на кавалерийский наскок, штурмовщину и кампанейщину. Если не считать договоренностей о присылке из Читы запчастей и механизаторов, все остальное, на мой

взгляд, — встреча, заседания, собрания, речи уполномоченных — не выглядело как конкретная деловая помощь, а больше походило на простое толкачество.

Перед моими глазами долго стояла картина: на одной из остановок, когда мы галопом по Европам мчались к Эрээнцаву, Жамсран, склонившись к молодому арату, что-то грозно выговаривал ему, а тот лишь повторял: «Вы не знаете жизни».

А я так и не узнал, был ли результат от контрольной поездки Жамсрана, вышел ли Восточный аймак из аварийной ситуации.

Как бы то ни было, но после Дашбалбар сомона — СХО «Улз» мы уже никуда не заезжали и вернулись в город. Распрощавшись с Жамсраном, я 12 сентября прилетел в Улан-Батор.

Что мне дало путешествие по востоку Монголии в 1966 г.?

Я убедился: жители страны свято помнят и чтут боевое братство монгольских и советских героев Халхин-Гола. Политуправление МНРП много делает для патриотического воспитания солдат и пропаганды среди населения победы на Халхин-Голе.

Я увидел, как по-настоящему отдыхают на природе трудящиеся Монголии, и познакомился с родными местами Чингисхана.

Благодаря Жамсрану я увидел рабочую, деловую сторону жизни худона, познакомился с госхозами «Керулен» и «Эрээнцав», СХО «Улз», а также с СХО «Ялалт» и халхингольской опытной станцией. Это знакомство показало, что заканчивается начальный период освоения края, у которого впереди блестящее будущее.

Четыре дня в Гоби

Это был мой последний выезд в худон в 1966 г. Он состоялся уже глубокой осенью, 27–28 октября 1966 г., и свои незабываемые впечатления от этой поездки я изложил в короткой заметке, опубликованной в № 1 журнала «Современная Монголия» за 1967 г. Мне нечего добавить к ней, поэтому привожу

её полностью, так как она вполне отражает мои настроения тех лет.

Я давно, будучи в Монголии, мечтал побывать в Южной Гоби, своими глазами посмотреть на красоты природы этого края, познакомиться с жизнью и бытом, славными делами тружеников земли гобийской, о которой много слышал и читал.

И вот мечта осуществилась. Комфортабельный «Ил-14» мягко приземлился на аэродроме Даланзадгада, я спустился по трапу на поле, и сразу взору открылся чудесный вид на хребет Зун Сайхан, широкую равнину, расстилающуюся у его подножия, и белые, нарядные здания города.

А через день «Газ-69» помчал меня и моего сопровождающего — молодого парня, но уже заведующего сельхозотделом исполкома хурала народных депутатов Южногобийского аймака Жадамбу — на юго-запад, к знаменитому ущелью Елын ам, над которым в то утро грозно сгущались облака. От ущелья наш маршрут пролегал через перевал Охин Хутлийн к центру Баяндалай-сомона, откуда мы совершили интереснейшую поездку к пескам Хонгор Элс, затем по территории Булган-сомона к границам кустарников из саксаула — Баян Загт и обратно в центр аймака.

Мне никогда не забыть могучих скал Елын ам, почти отвесной стеной возвышающихся над горным потоком в сердце большого заповедника — излюбленного места отдыха и прогулок жителей Даланзадгада. Память навсегда сохранит сказочную красоту песчаных гор Элсэн Манхан, волнами набегающих на заснеженные склоны Зулийн нуру. Долго-долго еще будут стоять перед глазами тонкий орнамент гор на перевале Хутлийн, белые вершины Гурван Сайхан и причудливая глиняная крепость Тэмэний Шавар — окаменевший осколок дна древнего океана, когда-то в доисторические времена простиравшегося здесь. И конечно, не забыть мне гобийских просторов, то залитых ярким солнцем, то затянутых пеленой снега, то каменистых и иссушенных, то покрытых богатой растительностью.

Да, недаром край этот, где можно поохотиться на редкую дичь, пользуется растущей популярностью у туристов из разных стран Европы и Америки.

Еще более сильное впечатление, чем природа, произвели на меня труженики Гоби. Это они построили красивый и быстрорастущий город Даланзадгад и содержат его в образцовой чистоте и порядке. Это они в безводной степи пробурили колодцы, утеплили их, чтобы и в холода скот имел воду. Это благодаря их трудолюбию, опыту и энергии тучнеют многочисленные стада верблюдов, табуны лошадей, отары овец и коз в долинах Гоби, по которым мы проезжали. Нелегко труд аратов в гобийских просторах: более чем по триста лошадей выпасают передовые коневоды Гомбо-гуай и Пурэн-гуай из объединения «Гурван Сайхан», свыше двухсот верблюдов из общественного стада приходится на аил верблюдовода Балжиняма из объединения «Туя» Булган-сомо́на. Но самоотверженный труд скотоводов приносит замечательные плоды: из года в год они перевыполняют плановые задания, а в их юртах, где мы были в гостях, ощущается прочный достаток.

Сомонные поселки с добротными производственными помещениями, жилыми домами, школами, магазинами, гостиницами, клубами, электростанциями, Булганская опытная станция, отличный дом отдыха «Гурван Сайхан» и многое другое, чем вправе гордиться гобийцы, преобразуют лицо древней земли. И все это в суровых условиях Гоби, которая не любит шутить. Даже мы успели немного познакомиться с ее капризным нравом: два дня на нашем пути мела метель, температура упала до 10 градусов мороза, дорога скрылась под снегом, и однажды даже пришлось откапывать машину, застрявшую в сугробе.

Но, несмотря на сильный ветер и пургу, жизнь продолжалась. В Баян Далае дети спешили в школу, в Булган-сомоне сотрудники опытной станции проводили свой научный эксперимент, члены Холт бригады Сэвэр-сомо́на занимались хозяйственными делами, а по полю в бригаду, не торопясь, возвращался на верблюде старик-скотовод с внучкой.

И никакая непогода, конечно, не могла охладить теплоту и сердечность наших встреч с аратами, хозяйственными и партийными руководителями сомонов и аймака.

Я улетаю из Гоби, преисполненный глубокой благодарности к организаторам этой замечательной поездки, ко всем товари-

щам, сопровождавшим и принимавшим нас в пути. Я улетал с чувством восхищения неповторимой природой этого края, его светлым сегодняшним и многообещающим завтрашним днем.

Итак, с 13 сентября 1966 г. я снова с головой окунулся в столичную жизнь: работал в Статуправлении, продолжил знакомство с предприятиями, культурными учреждениями, и конечно, были бесконечные встречи-проводы, общение с монгольскими и институтскими друзьями, хождение по магазинам, приемы гостей.

Уже в первый день приезда мы встретили коллегу из Института экономики АН СССР Тамару Аристарховну Якимову — дочь нашего сотрудника по сектору Монголии, известного монголоведа Аристарха Тихоновича Якимова. Она приехала в двухнедельную командировку. А затем провожали бурятского монголоведа Даши Батуевича Улымжиева, собиравшего материал для своей монографии о социалистическом преобразовании монгольского села.

Посещение Промкомбината

С Тамарой Аристарховной Якимовой, специалистом по экономике МНР, мы совершили экскурсию по первенцу монгольской индустрии — Промкомбинату, построенному с помощью Советского Союза в 1934 г. Поначалу он состоял из шерстобитной и обувной фабрик и небольшой электростанции, затем в 1935 г. появилась также суконная фабрика, а в 1936 г. — валяльно-войлочная.

А мы посетили обувную фабрику, занимавшую 3 помещения, текстильную (бывшую суконную) с новым английским оборудованием, шевровый завод, швейно-галантерейную фабрику, рабочую столовую, побывали на введенных в строй в 1965 г. хлебозаводе, молочном заводе, кондитерской фабрике.

Все они производили впечатление вполне современных крупных предприятий, руководимых знающими директорами, главными инженерами и начальниками цехов — местными кадрами.

Из бесед с ними выяснилось, что планы работ в целом выполняются, несколько подразделений боролись за звание коллективов социалистического труда, в некоторых цехах шла реконструкция.

Среди рабочих преобладали женщины, немало было молодежи, причем большинство с 7- и 10-летним образованием. На Промкомбинате нас познакомили с планом 2-й очереди реконструкции комбината в IV пятилетке — первая очередь прошла в 1953–1957 гг. В 1967 г. в строй войдет новый шевровый завод, начнется строительство клееварочного цеха и реконструкция валяльно-войлочной и текстильной фабрик; начнут строить новую обувную фабрику, новое здание управления, а также научно-исследовательского института кожевенно-обувной промышленности и др.

Посол Л. Н. Соловьев

о положении в стране и мои впечатления

Наконец чрезвычайный и полномочный посол СССР в Монголии Л. Н. Соловьев 21 сентября 1966 г. удовлетворил наши неоднократные просьбы рассказать, как советские дипломаты оценивают положение в стране. Он принял Г. И. Сидорчук, Т. А. Якимову и меня в своем рабочем кабинете на втором этаже посольства, встреча продолжалась около 50 минут.

Прежде всего посол подчеркнул большое значение состоявшегося в июне 1966 г. XV съезда МНРП и принятых Директив по IV пятилетнему плану. Они свидетельствуют о том, что МНРП делает упор на развитии промышленного производства и, следовательно, повышении в стране роли рабочего класса. По оценке посла, этот класс еще очень молод, хотя уже насчитывает примерно 100 тысяч человек. К сожалению, у рабочих низкая квалификация, нет производственного опыта, культуры труда, они не умеют соблюдать производственную дисциплину, и на предприятиях огромная текучесть кадров. Нужна постоянная воспитательная работа. Ощущается нехват-

ка квалифицированных кадров, еще больше — неправильное использование тех, которые есть.

Л. Н. Соловьев привел пример с 2 тысячами рабочих строительных специальностей, подготовленных в Советском Союзе. По прибытии на родину они все разъехались по аймакам, чтобы стать там хотя бы небольшими административными начальниками — даргами. Я уже писал, что «даргачество» — стремление устроиться на теплое местечко — болезнь очень характерная для Монголии 1966–1971 гг., приводившая к разбуханию бюрократического аппарата. Например, в Чойбалсане, откуда я только недавно вернулся, который насчитывал всего 14 тыс. жителей, существовали аймачный и городской комитеты МНРП, аймачное исполнительное управление и городское исполнительное управление хуралов народных депутатов, аймачный совет физкультурного общества «Дорнод» и городской совет физкультуры и т. п.

По мнению Л. Н. Соловьева, общий недостаток монгольской промышленности — низкий уровень товарности продукции или вообще ее, товарной продукции, отсутствие.

А между тем планы на IV пятилетку большие: в сельском хозяйстве строительство 10 образцово-показательных госхозов между Улан-Батором и Сухэ-Батором, их электрификация, строительство 300 тыс. кв. м жилья, 14 пищевых комбинатов, большой швейной фабрики в Дархане, мощного мясного комбината в Улан-Баторе, шеврового завода, реконструкция домостроительного комбината в столице, строительство завода по ремонту строительной техники.

Планируется также строительство 6500 колодцев, но вот планы заготовки кормов — 900 тыс. т — явно недостаточны, это всего 40 кг на одно животное, а численность скота уже составляет 24,8 млн голов. К сожалению, в 1966 г. ожидается низкий урожай — всего 300 тыс. т зерна.

В заключение посол остановился на политической ситуации в стране: он считает ее стабильной, XV съезд сохранил в руководстве старые кадры. Но прошла чистка рядов партии после разгрома антипартийной, националистической и якобы прокитайской группы — министра госхозов Ц. Лохууза, первого

секретаря айкома МНРП Б. Нямбуу и начальника Статистического управления Б. Сурэнжава, — пытавшейся в 1964 г. скинуть Ю. Цеденбала, но разоблаченных, осужденных VI пленумом ЦК МНРП, снятых с постов и изгнанных из партии.

На этом встреча с послом закончилась. Должен объяснить, что лично я с оценкой посла политической ситуации в стране как стабильной не был согласен. По-моему, она была довольно напряженной по ряду причин. Это разрыв с Китаем, пустые черные окна домов, недостроенных китайцами в центре, антиправительственная пропаганда на прекрасном монгольском языке, которая лилась по радио из Китая и которую люди слушали, это нехватка молока и мясных продуктов в магазинах Улан-Батора. Раздражение жителей вызывали также закрытые для обычных граждан советские «Военторги», квартиры в новых домах, заселенные в основном иностранными специалистами.

Политическая напряженность в столице ощущалась физически, интуитивно. Внешние признаки этой напряженности проявились в непропорционально большом по отношению к массе населения числе военных фуражек и милиции на улицах, в большом числе «музыкантов» в штатском в вестибюлях гостиницы «Улан-Батор», в разорванных и плохо склеенных конвертах личной переписки, получаемой до востребования на почтамте, в постоянном ощущении спиной, мышцами, что постороннее наблюдение за тобой не ослабевает, в ощущении завинчивания гаек, пропитавшем столичную атмосферу.

Для этой атмосферы были характерны нараставшее брожение в среде интеллигенции, недовольство и раздражительность среди населения. Брожение шло от следов раскольнической деятельности разгромленных МНРП оппозиционеров, которые не исчезли, а продолжали жить и работать в стране, и которые посеяли семена сомнений, недоверия и критиканства по отношению к руководству и политике партии и правительства. Особенно, видимо, большой вред принесли демагогические выступления бывшего члена политбюро ЦК и секретаря по идеологии ЦК МНРП Д. Тумур-Очира, направленные на дискредитацию руководящих деятелей МНР выступления, которые, по от-

зывам монгольских товарищей, в свое время, в 50-е — начале 60-х годов, пользовались большой популярностью. По словам монгольского историка Ш. Сандага, у Д. Тумур-Очира осталось много сторонников, например — около 75% сотрудников Института истории партии при ЦК МНРП. Насколько точна эта цифра, мне судить трудно, но что таковые там были — определенно, я убедился в этом на собственном опыте. Целый месяц длилось оформление допуска к работе в Центральном партийном архиве при ЦК МНРП, но и после вынесения соответствующего решения чуть ли не самим секретариатом ЦК эта работа практически была сорвана, потому что только в конце двухнедельного срока, отведенного на знакомство с архивом согласно решению, мне стали выдавать нужный материал, да и то благодаря содействию директора Института истории партии Б. Балдо и ученого секретаря Мааму, занимавших благожелательные позиции. Больше того, для получения уже обработанных материалов пришлось преодолеть ряд издательских требований со стороны заведующего архивом т. Жамьяна, по словам президента АН МНР, ярого «тумур-очировца». Такая излишняя настороженность по отношению к советским научным работникам весьма показательна для духа кастовости и высокомерия, который можно было почувствовать и за короткое время работы в стенах партархива и Института истории партии при ЦК МНРП.

Конечно, нам не приходилось сталкиваться с какими-либо открытыми проявлениями брожения, и вряд ли вообще эти проявления имели место, но круги от камней, брошенных Д. Тумур-Очиром, Ц. Лохуузом и другими, бесспорно, до сих пор ходили по воде и давали себя знать во время застольных бесед, за рюмкой вина, в частных встречах и кулуарных разговорах. Учитывая, что уланбаторцы любят ходить друг к другу в гости, что взаимные встречи и проводы, частые выпивки — неотъемлемая черта светской жизни в столице, можно предположить, что внутривнутриполитические проблемы обсуждались. Именно за «дружеским» столом Лохууз трепал по щечке Ширендыхба и говорил ему, что напрасно он выступает столь решительно против Китая, что не все, что там происходит,

неверно и т. п. Именно за рюмкой вина, крепко подвыпивший Н. Дангаасурэн, тогда аспирант Института истории АН МНР, а в недавнем прошлом ответственный работник ЦК МНРП, сотрудник посольства МНР в КНР, в нашем присутствии неоднократно бросал в лицо Б. Ширендыбу обвинение, что он и Ю. Цеденбал «слишком просоветские, прорусские люди», и жены у них-де русские, и ориентированы они целиком на русских. Он же, продолжая откровенничать, говорил, что политика аратов в МНР не поддерживает нынешнюю политику МНРП, что после XX съезда КПСС, мол, в среде монгольской интеллигенции были большие колебания в отношении оценок СССР и КНР, и только сейчас она разобралась, что политика СССР правильная и что Советский Союз, вообще, лучше, чем Китай. Пьяные откровения Н. Дангаасурэна интересны еще и тем, что сам он, по собственному признанию, выходец из середняков — владел до кооперирования около 500 голов скота, что он — чистый монгол, женат на полукитайянке и некоторое время прожил в Китае. Последнее весьма любопытно, так как известно, что в Монголии много смешанных браков, что жены, особенно жены начальников, играют или пытаются играть определенную роль в формировании взглядов и настроений своих мужей, что родственные связи и отношения весьма широки и крепки, кланы родственников многочисленны и могут включать в себя местных китайцев или еще больше метисов и что этот канал может быть подвержен определенным влияниям, определенным веяниям.

Из частных бесед с литераторами мы узнали о наличии в МНР политических заключенных, из доверительного разговора с Ширендыбом — о якобы интриганской и карьеристской позиции члена политбюро и секретаря ЦК МНРП Д. Моломжамца, о том, что Д. Моломжамц при обсуждении предложения АН МНР продолжать работу советской геологической экспедиции в МНР открыто бросил Ширендыбу: «Ты продаешь Монголию» и т. д.

Слухи, пересуды, разговоры, сплетни... Улан-Батор ими полнится, а критический настрой, критические настроения подогреваются, по всей вероятности, тем обстоятельством,

что монголы много ездят по свету и имеют возможность сравнивать и сопоставлять.

Нет сомнения, что недовольство и раздражение, как я уже отмечал, вызывали высокая стоимость квартир, электричества, нехватка товаров широкого потребления, перебои с молоком и молочными продуктами, закрытие частных китайских овощных лавок и столовых-закусочных, плохое качество хлеба.

Номинально средний уровень заработной платы довольно высок, у населения, видимо, есть накопления, но покупательная способность тугрика низка, а главное — ассортимент товаров, как продовольственных, так и промышленных, скуден. И центральный универмаг «Их Дэлгуур», высящийся в центре Улан-Батора, выглядел полупустым домом.

Эффект от вступления МНР в Совет экономической взаимопомощи (СЭВ) в 1961 г., от набиравшего обороты строительства и возрастающей помощи практически в повседневной жизни, видимо, мало ощутим, и даже, наоборот, появились рассуждения типа «мы стали хуже жить, потому что вступили в СЭВ», «иностранные специалисты скушали наше мясо и молоко». Закладка фундамента третьей ТЭЦ принесет наглядный результат только через несколько лет, а вот очереди с бидонами за молоком, сухое молоко, которое монголы вынуждены были доставать в закрытых магазинах, действовали на настроение сразу и незамедлительно! Даже наиболее видимый эффект — строительство жилых домов и благоустройство города не особенно радовали жителей — много квартир в домах предоставлялось, как и раньше, иностранным специалистам.

На фоне экономических затруднений явственно проступала определенная стратификация монгольского общества, резче выделялись ножницы в уровне жизни различных начальников и трудового люда, что не могло не бросаться в глаза. Жители упражнялись в остроумии: «Что такое Улан-Батор? — Улан-Батор — это город, где проживают 200 тысяч даргов (начальников)».

Начальство окружала особая прослойка людей, которые его обслуживали, обеспечивали работу закрытых магазинов, машин, загородных резиденций, дач.

Но и дарги, оказывается, были не совсем довольны своим положением, точнее, своим материальным обеспечением. Приходилось слышать, что те или иные министры и их заместители считают, что им воздается мало — не по заслугам и не по рангу.

Да, сложна и противоречива была обстановка в Улан-Баторе, где за внешней парадностью и стабильностью шло движение многих течений.

Таковы были мои некоторые общие впечатления о ситуации в столице и в стране в 1966 г., навеянные встречей с послом Л. Н. Соловьевым.

Встречи с академиком Б. Ринченом и академиком Ц. Дамдинсурэном

24 сентября проводили в аэропорт Г. И. Слесарчук — срок ее почти годичной стажировки закончился, и она возвращалась в Москву. А после проводов я вместе с 4 сотрудниками ленинградского Института этнографии и польским этнографом Яновским отправился на нашем румынском драндулете под управлением любимого Навандо в район Налайхи, что примерно в 45–50 км от Улан-Батора, к памятнику — могиле легендарного полководца Тоньюкука (VII–VIII вв.).

Ленинградцы приехали в Монголию в составе туристической группы из 35 человек — программа тура состояла из 8 дней пребывания в Улан-Баторе и 7 дней в Эрдэни-Дзу и Хужирте, что стоило 120 рублей на человека, и 60 рублей можно было обменять на тугрики.

Памятник, насколько я помню, представлял собой цепочку камней, расположенных на одинаковом расстоянии друг за другом с выбитыми на них надписями. Камни символизировали количество выигранных полководцем сражений. Перед одним из них сидел на корточках мужчина в клетчатой рубашке с короткими рукавами, выпущенной поверх брюк, заправленных в монгольские сапоги — *гутулы*. Он красной краской подкра-

шивал выбитую на камне надпись, дабы сохранить ее для потомков. Это и был знаменитый монгольский писатель и ученый-филолог с мировым именем, академик Бямбын Ринчен-гуай.

Ему шел седьмой десяток, но выглядел он отлично: усы и борода украшали лицо, волосы были гладко зачесаны назад, фигура высокая, крепкая, умные глаза смотрели настороженно, даже дерзко, и вместе с тем маленькие ладошки придавали какую-то мягкость его жестам. Говорил он четко, на хорошем русском языке, но местами с ехидцей, чувствовалось, что он хочет поддеть русских слушателей, но сдерживается. Довольно подробно рассказал об истории и планах реставрации памятника, а на вопрос, как он оценивает текущую политическую ситуацию, многозначительно заявил: «Надо смотреть на мир, на вещи не через щель в танке, а широко».

Он был преданным защитником монгольской самобытности. Я еще пару раз видел его на приемах в нашем посольстве. И он, единственный из приглашенных монгольских гостей, приходил туда в национальной одежде — *дэли*.

Без сомнения, Б. Ринчен-гуай был ярким, самобытным деятелем, очень колоритной фигурой. Крупный ученый, талантливый писатель и литературовед, известный культуролог, он немало сделал для развития монгольской литературы, науки и культуры.

Очень жаль, что личных контактов у меня с ним не было.

Зато на протяжении всей своей стажировки в 1966 г., и особенно под конец пребывания в Улан-Баторе в октябре — декабре, мне посчастливилось часто общаться с замечательным человеком, академиком Цэндийн Дамдинсурэном — поэтом, народным писателем, большим ученым-филологом.

Я уже писал об общении с ним по приезду в мае, о его добросердечной супруге, о той высокой духовности, которая царила в их квартире, заваленной редкими книгами и рукописями. Вот и сейчас мы обменивались визитами, иногда долго беседовали. Я относился к нему с великим уважением и почтением, а он проявлял искренний, живой интерес к тому, чем я занимался, каковы мои впечатления от путешествия по стране, как мне живется в Улан-Баторе.

Во время одной из таких доверительных встреч, состоявшейся, кажется, в ноябре, Дамдинсурэн-гуай поведал мне, что в академической науке Монголии сложились три группировки ученых: одна примыкает к академику Ринчену, другая — к нему самому и третья — к президенту АН Б. Ширендыбу. Между ними, особенно между первой и второй, существует, мягко говоря, неприязнь.

Б. Ринчен, по словам Дамдинсурэна, все время ставит ему палки в колеса и мешает работе его сподвижников, в частности моего приятеля известного филолога А. Лувсандэндэва. Последнему, однако, решением отдела культуры ЦК МНРП, недавно без защиты присуждена ученая степень кандидата наук. Он выступает резко против Б. Ринчена, собирается писать разоблачительную статью против измышлений Б. Ринчена о якобы близких отношениях последнего с первопроходцем современной монгольской поэзии Д. Нацагдоржем.

Сам Ц. Дамдинсурэн-гуай, одержимый лишь страстью научных исследований, всячески старался избегать бесполезной и изматывающей открытой борьбы с Б. Ринченом, но обещал полную поддержку А. Лувсандэндэву.

Творец современной монгольской письменности великий литератор Ц. Дамдинсурэн-гуай, в отличие от Б. Ринчена, «никогда не был высокомерен, никогда не показывал своей значимости, был легок на подъем, не отказывался посидеть, поговорить по душам, выпить, что бог послал. И после таких встреч и бесед я чувствовал себя обогащенным, обогороженным, так как вокруг этого человека была особая аура, он был самым большим интеллигентом Монголии».

Этой выдержкой из своих отрывочных воспоминаний об академике Ц. Дамдинсурэне, опубликованных среди прочих в подготовленном его дочерью, продолжательницей его дела, доктором филологических наук Анной Цендиной сборнике статей «Ц. Дамдинсурэн. К 100-летию со дня рождения» в 2008 г. я хочу закончить рассказ об общении с Ц. Дамдинсурэном.

Октябрь

Этот месяц в Улан-Баторе я работал в Статистическом управлении, пробивался в Центральный партархив, активно общался с друзьями и, что особенно ценно, с Ширендыб-гуаем. 10 октября он пригласил меня на домашний обед, а через неделю мы совершили длительную прогулку к подножию Богдо-Улы. Во время встреч Б. Ширендыб-гуай говорил о своих планах расширения Академии, в частности создания Института геологии — уже около 30 специалистов подготовлены и готовятся в разных странах, — а также организации сектора информации и издания реферативного журнала. (Такой сектор во главе с членом-корреспондентом П. Хорлоо был создан в 1971–1972 гг., я там работал и читал реферативный журнал.) Говорил Ширендыб и о нехватке экономистов, особенно специалистов по промышленности, о своем желании и готовности принять под свое руководство 5–6 советских аспирантов. Дарга с вниманием выслушал мое предложение включить в дальнейшем наших стажеров в плановые работы соответствующих гуманитарных институтов в монгольской АН. Обещал подумать!

Ширендыб-гуай сетовал на большую загруженность административными делами, которая не дает в полную силу заниматься научной работой, а у него запланирована работа над вторым томом исследования «Араты и аратство» — первый том должен подготовить Ш. Нацагдорж. «Вот выйду на пенсию, и буду писать о происхождении монголов», — мечтательно заявил президент. Говорил Ширендыб и об археологии, нехватке специалистов — всего 5 археологов работают в Академии, предстоит составление археологической карты с описанием всех памятников древней Монголии, открытых к настоящему времени. Хорошо обследован Восточный аймак, там прекрасно сохранились следы неолита, древних поселений. Президент с уважением отзывался о западных археологах Маринере,

Нельсоне, хотя, по его словам, эти большие ученые страдают центризмом, и потому следует критически относиться к их датировке найденных артефактов.

Во время прогулки Б. Ширендыб сказал, что его пугает смещение центра советского монголоведения в Бурятию, что он против бурятского шовинизма и опасается гегемонии бурят в монголоведческой науке в Советском Союзе.

19 октября в посольстве СССР в МНР состоялась cocktail party в честь Базарын Ширендыба — парадное мероприятие с участием почти всех монгольских академиков, ученых, нашего посла и дипломатов, приглашенных гостей. Было торжественно, но скучно. 9 октября я имел честь выступить со своими впечатлениями о поездке по стране перед нашим советником, уже знакомыми членами его аппарата в Министерстве госбезопасности. Слушали внимательно в течение 1,5 часов, благодарили. Выступил я также на открытии месячника советско-монгольской дружбы в АН МНР.

В остальные дни в свободное время я тесно общался с Лувсандэндэвом, его сыном Саней и Цэцгээ (их роман был в апогее перед внезапным разрывом в начале ноября), с моим поэтическим другом Цэдэндоржем, с которым заводил длинные разговоры на философские темы, а он мне рассказывал об Индии, Тибете.

Но вернемся снова в 1966 г., последние месяцы которого, за вычетом четырех дней в Гоби, я провел в Улан-Баторе, в работе и общении с интересными людьми, моими друзьями и знакомыми. Часто заходил я в квартиру Елены Михайловны Штейн и ее мужа, известного монгольского скульптора Даваацэрэна.

Лена — яркая, энергичная женщина средних лет, преподавала русский язык в Педагогическом институте; их квартиру она превратила в некое подобие культурного салона, где почти ежедневно собирались интеллектуалы и ученые, дипломаты, артисты, журналисты, причем не только монголы. На столе в доме были различные орешки, дорогие конфеты, восточные сладости, печенье, *ааруул* (сушеный творог) и подавали отменный чай. Лена в открытую крутила роман с высокого

роста и довольно разбитным чешским специалистом Зденеком, а необычайно мягкий и приветливый Даваацэрэн молча смотрел на это своими всегда печальными глазами. Я и в 1971 г. постоянно бывал у Лены, где однажды познакомился с корреспондентом газеты «Известия» в Монголии и КНДР Леонидом Иосифовичем Шинкаревым, автором замечательных книг «Монголы: традиции, реальности надежды», «Цеденбал и Филатова: любовь, власть, трагедия» и двух томов «Ю. Цеденбал».

Первая книга по совершенно непонятным причинам была отторгнута монгольской общественностью, что не раз приходилось слышать во время посещения Улан-Батора в 80-е годы.

Итак, к последним месяцам 1966 г. у меня сложился определенный круг близких мне людей, дружеские отношения с которыми я поддерживал во все мои последующие приезды в Монголию. Это — историк, сотрудник Института истории партии Б. Дашзэвэг и его супруга Нэргуй, один из ведущих археологов Монголии Н. Сэр-Оджав и, конечно, его супруга Долгорсурен, кандидат философских наук Д. Дашжамц с супругой Улзий, историк Ш. Сандаг, поэт М. Цэдэндорж, научный сотрудник Института истории Чин Чулуун, продолжавший поражать меня и окружающих своим заливистым смехом. Все они были моими частыми гостями. Но принимал я в октябре не только друзей, но и целую делегацию культработников из Восточного аймака, ответственного секретаря аймачного исполкома Намхая, заведомо культуры исполкома Жамьяндоржа, фотографа Эрдэнэтогтоха — он был нашим спутником в поездке в дом отдыха «Гурваннуур» — и, конечно, моего дорогого и любимого Гонгора. Они приезжали на совещание работников культуры. Был у меня и секретарь Восточного аймачного комитета Ц. Жамсран — рассказал, что аймак в целом справляется с заготовкой сена и другими плановыми работами.

Все мои друзья были незаурядными личностями. Б. Дашзэвэг в 80-е годы защитил в Москве докторскую диссертацию, воспитал трех замечательных сыновей. Н. Сэр-Оджав в 1971 г. поехал в Новосибирск к академику Окладникову

на консультацию, а вернулся с дипломом доктора исторических наук, Д. Дашжамц, по сути, создал экспозицию Музея революции, открытого в 1971 г., М. Цэдэндорж вообще был звездой монгольской поэзии, а Чин Чулуун был просто добрым, симпатичным парнем. Я помог ему защитить в Москве в 80-е годы кандидатскую диссертацию по истории монгольского рабочего класса. Но в науке он не задержался, после 90-х годов уехал на какую-то работу в Дархан и исчез. О Сандаге речь пойдет далее.

Среди близких мне людей был один необыкновенный человек, о котором я хочу рассказать отдельно.

Миша Гамбург — мой приятель

Этот человек был уже тем необычен, что он был главой единственной в 1966 г. еврейской семьи, осевшей в столице Монголии в 1955 г. И он был единственным в городе часовым мастером — кустарем-одиночкой, имевшим свою мастерскую. Это был мастер-универсал «золотые руки»: помимо часов он чинил обувь и многие вещи домашнего обихода. Я ремонтировал у него свои часы и ботинки, и у нас завязались приятельские отношения. Я бывал у него дома, он часто навещал меня.

Выходец из Бурятии, Миша жил в просторной трехкомнатной квартире в доме, больше похожем на Воронью слободку. Жил он с усталой и болезненной на вид женщиной 44 лет и высокой, весьма дородной и квелой дочерью-старшеклассницей. Он обучил ее часовому делу, а жена работала преподавательницей русского языка в каком-то техникуме. По годам намного старше меня, он был очень подвижен, шустр и активен. Много работал, говорил, что копит деньги на трехкомнатную кооперативную квартиру в Улан-Удэ, уже скопил приличную сумму, но надо в два раза больше.

В 1966 г. у него был мотоцикл, на котором он ездил в свою мастерскую и за город, а через 5 лет, в 1971 г., он уже катал меня на своей «Волге».

Миша — заядлый охотник и рыболов. Перед днем моего посещения его квартиры он на каком-то озере в 240 км от Улан-Батора подстрелил и привез домой 11 уток. Авантюрист по складу характера, он был очень деловит. В один из своих приездов в Улан-Батор в 80-е годы я узнал, что его в городе уже не было, он осуществил свою мечту и увез семью в Улан-Удэ.

Ш. Сандаг о Д. Тумур-Очире

Ш. Сандаг закончил аспирантуру и защитил диссертацию в Москве, кажется, в Пединституте, читал лекции по истории и философии Монголии в высшей партийной школе.

Будучи аспирантом, женился на красавице-калмычке, с которой познакомился в поезде по дороге в Ессентуки, где проводил каникулы, но семейная жизнь не сложилась: они официально не развелись, но она не поехала с ним в Монголию. Он переживал и в разговорах со мной признавался, что очень скучает.

Ш. Сандаг хорошо одевался, был вполне недурен собой, любил красивую жизнь, но жил он уединенно, с мамой, очень скромно и трезво. Однажды все же его прорвало. Мы, как я уже сказал, здорово погуляли — хорошо обмыли сдачу в печать его монографии о внешнеполитических отношениях Монголии в 1850–1919 гг. (на монгольском языке). Он первым поднял эту тему. А в другой раз он за рюмкой чая рассказал много интересного об опальном монгольском лидере, бывшем члене политбюро ЦК МНРП, секретаре по идеологии Д. Тумур-Очире, выступившем с резкой критикой Ю. Цеденбала за неполное разоблачение культа личности Х. Чойбалсана. Обвиненный в национализме в связи с организацией им празднования 800-летия Чингисхана, Д. Тумур-Очир на III Пленуме ЦК МНРП был снят со всех постов (о его судьбе — далее).

Ш. Сандаг близко знал Д. Тумур-Очира — они вместе работали в ВППШ несколько лет, поэтому его сведения ин-

тересны, и я привожу их полностью в изложении рассказчика.

Оказывается, Тумур-Очир был женат на дочери очень состоятельного тибетского ламы. Семья имела целый табун лошадей и отару овец, а потом и кучу денег, после того как продала свой скот одному из госхозов. Сам Тумур-Очир с детства страдал психоневрозом, его мать покончила жизнь самоубийством. Он целый год лечился в Китае, где, видимо, завязал крепкие связи в высших кругах. Во всяком случае, китайцы приглашали его на все правительственные приемы в Пекине и, вообще, принимали его с большим почетом, чем посла МНР.

В Улан-Баторе он читал лекции по философии в китайском посольстве, и это несмотря на предупреждения со стороны Ю. Цеденбала. Последний на одном из идеологических совещаний говорил, что если бы Д. Тумур-Очир взял власть, то китайцы отхватили бы большой кусок монгольской территории. «И без того, — сказал Ш. Сандаг, — по договору о границах 1962 г. между МНР и КНР они получили 40 тыс. кв. км монгольской земли».

По мнению Ш. Сандага, во внешней политике Тумур-Очир играл бы на противоречиях между великими державами, выступал бы или в поддержку раскольнических действий Трудовой партии Албании, или бы не вмешивался в конфронтацию с КПСС. Во внутренней политике его руководство привело бы к жестокому и издевательскому избиению партийных кадров и назначению их на должности «мусорщиков и дворников».

По словам Ш. Сандага, Д. Тумур-Очир вел линию на разжигание национализма и антисоветизма, причем основным методом его подрывной деятельности было шельмование и дискредитация руководящих работников путем клеветнических заявлений, сенсационных выступлений, необоснованных обвинений и разоблачений.

Он любил бравировать якобы смелой критикой, невзирая на лица, вплоть до критики самого Ю. Цеденбала и Председателя ВНХ Ж. Самбу. Он мог, например, заявить на сессии ВНХ, что в государственном аппарате не место таким старикам, как Самбу, мог ложно обвинить Б. Ширендыба, находив-

шегося в это время в докторантуре в Москве, в вывозе ценных архивных материалов, а самого Сандага, своего давнего знакомого и коллегу по преподаванию в ВПШ, в растранировании для разгульной жизни в Москве 7 тысяч тугриков, полученных на лечение по специальному решению правительства и т. п.

Моему бедному другу Сандагу из-за этого клеветнического, как показало разбирательство, заявления, получившего огласку, пришлось уйти из Комитета наук, куда он попал после защиты диссертации, а Тумур-Очир даже не подумал извиниться, а при встрече накричал на него и чуть ли не полез в драку. Ш. Сандаг, соответственно, затаил обиду, и отсюда, возможно, такая уничижительная характеристика Тумур-Очира. Хотя Сандаг признает, что опальный секретарь по идеологии пользовался и до сих пор, с горечью говорил Ш. Сандаг, пользуется популярностью среди интеллигенции, в частности в Институте истории партии. На его выступления буквально рвались, так как всегда можно было услышать какое-то сенсационное разоблачение властей, а по мнению Сандага — сплетню.

Патриотический подъем среди населения вызвало празднование 800-летия Чингисхана в 1962 г. Оно вызвало резко отрицательную реакцию советских ученых и японцев. С суровой критикой прославления Чингисхана в печати выступили видные советские ученые И. Я. Златкин, Н. О. Устюгов, Л. В. Черепнин, А. П. Окладников, и это, на наш взгляд, стало еще одним толчком к снятию Тумур-Очира.

Сам Тумур-Очир не признал за собой никакой вины, не раскаялся и выразил уверенность, что история его оправдает, а не осудит.

После опалы он был назначен директором строительного треста в Баян Хонгоре, где первичная организация МНРП исключила его из партии. Из Баян Хонгора его перевели счетоводом в какое-то СХО, жена стала преподавать в начальной школе, дети учились в Москве: сын в МГИМО, дочь еще где-то. Из СХО его направили в Дархан директором краеведческого музея, где его через некоторое время зверски убили топором. Дело, кажется, так и не было раскрыто. В 90-е годы он был полностью реабилитирован.

Сандаг рассказал о судьбе других опальных функционеров, пытавшихся оттеснить Ю. Цеденбала от управления государством. Бывший в 1951–1959 гг. Первым секретарем ЦК МНРП Д. Дамба после отстранения от руководящей работы стал заместителем директора по хозяйственной части Института сельского хозяйства в Улан-Баторе. Бывшего члена политбюро, 2-го секретаря ЦК МНРП Л. Цэнда в 1963 г. перевели на работу директором Тосон-Цэнгэльского деревообрабатывающего завода в Запхынском аймаке и т. д.

Вообще, по моему наблюдению, Ю. Цеденбал в целях сохранения своего авторитарного режима все время тасовал кадры партийных и государственных руководителей не только в центральном аппарате, но и на местах, в аймаках.

Ширендыб-гуай и А. А. Юнатов

Четвертое декабря 1966 г. я целый день провел в обществе Ширендыб-гуая и его друга, известного советского агробиолога, консультанта Министерства сельского хозяйства МНР, доктора наук Алексея Афанасьевича Юнатова. Сначала президент организовал замечательную длительную загородную пешеходную прогулку в чудесном месте в лесу в Зуун Сэлбийн ам — Восточной пади за рекой Сэльба, а потом поужинали у Ширендыба. Был яркий зимний день, лес сверкал серебристыми красками, но холод давал о себе знать, тем более что я ухитрился промочить одну ногу. Однако это не испортило ни настроение, ни удовольствие от услышанной содержательной и весьма познавательной беседы двух друзей во время прогулки, а затем в доме у Ширендыба.

А. А. Юнатов недавно вернулся из поездки в Южную Гоби, и потому поначалу речь зашла об этом удивительном крае, где монгольские травы, растущие на каменистой почве, — отличный корм для скота, содержащий до 12–15% протеина, и среди них масса различных лекарственных и душистых растений, которые некоторые араты добавляют в табак, а из других выжимают живой сок.

Рассказал А. А. Юнатов, что беседовал с главой государства, председателем президиума Великого народного хула Ж. Самбу о необходимости подкормки пастбищ, которые сокращаются и перегружены в связи с увеличением числа поселков и их подчас перенаселенностью.

Поведал А. А. Юнатов, что в Гоби он случайно обнаружил пещеру с остатками обгоревших *сумр*, бурханов и руки человека. В этой связи Ширендыб-гуай посетовал, что теперь стало очень трудно достать у аратов древние вещи и книги, антиквариат попадает либо в руки спекулянтов, запрашивающих, например, за рукописи 1000 и более тугриков, либо к коллекционерам, либо остается у фанатичных владельцев, читающих старинные книги и хранящих для себя.

Один из таких фанатиков — некто Бадрагч, живущий в Арахангайском аймаке, — обладатель многих редких книг. Он бывший солдат, цирик князя Сундуй-гуна, который в свое время пленил барона Унгрена и выдал его красным. Кстати, это был просвещенный князь, знавший английский, немецкий, тибетский и китайский языки; он поначалу сотрудничал с бароном, но потом, подкупленный народным правительством, перешел на сторону его врагов. Сдав своего союзника, Сундуй-гун обеспечил себе почетный пост при народной власти. А Бадрагч 17 лет был сомонным даргой, участвовал в конфискации собственности феодалов в конце 20-х начале 30-х годов и собрал колоссальные ценности, в том числе много книг. Он живет особняком в большой юрте, обставленной редкими вещами, держит пару коров, несколько лошадей, отару овец. Свои книги он никому отдавать не хочет, даже Ширендыбу, который в мае ездил к нему в третий раз, принимал его у себя в палатке, угощал и угощался у него в юрте, но безрезультатно. Выяснилось, что книги не то сгорели, не то розданы в далекие аймаки разным людям. И лишь недавно он написал Ширендыбу, что одна книга якобы нашлась, ее можно получить. Ее доставили, хозяин книги приехал в Улан-Батор и очень гордился, что эта книга уже занесена в каталог государственной библиотеки. Оказывается, в социалистической Монголии можно жить абсолютно свободным человеком.

Затем на встрече речь зашла о перегонщиках скота, которые в зимние месяцы кочуют в палатках или в войлочных мешках и не мерзнут, так как едят конину и особый жмых — *цагаан тос* (белый жир) из молочных продуктов. В нем масса калорий, и этим людям тепло.

Да, много интересного услышал я в тот замечательный день.

А 9 декабря я был на лекции А. А. Юнатова, выступившего перед монгольскими аграрниками о пастбищном животноводстве. Ученый убедительно, с цифрами на руках, показал огромную значимость территориально огромного — 142 млн га — массива тысячелетних пастбищных угодий, дал их исчерпывающую характеристику. Их положительные свойства — единый массив, структурное разнообразие — до 120 типов пастбищ; растительный покров этих угодий пригоден для питания всех видов скота и его круглогодичного содержания; ввиду целинной, нетронутой структуры большей части пастбищ, кормовые растения, а их 2000 видов, обладают высокой питательностью (полные характеристики есть только на несколько десятков видов). Отрицательные черты этих пастбищ — малая урожайность, непостоянство урожаев травостоя в разных регионах и в разное время, резкое сокращение содержания питательных веществ в кормовых растениях в тяжелый период конца зимы и весны. Рассказав об особенностях монгольских пастбищ, А. А. Юнатов всесторонне обосновал свою главную идею — необходимость разработки научной, биологически выверенной теории и системы рационального использования пастбищ и сенокосов, чего, по его словам, в 1966 г. вообще не было. Для этого следовало создать соответствующие подразделения в структуре Министерства сельского хозяйства, организовать сеть опытно-исследовательских станций по всей стране, обязать руководство сомонов и СХО ежемесячно, в порядке государственной отчетности, предоставлять специально созданной службе оценку состояния соответствующих пастбищ по пятибалльной шкале, провести районирование пастбищ и т. д.

Слушая Юнатова, я чувствовал, что он — страстный сторонник развития в Монголии не стойлового, а именно пастбищного животноводства, основанного на науке и многовеко-

вом опыте монгольских аратов, и что он очень недоволен пренебрежительным отношением к этому монгольских властей. Что чувствовал при этом сидевший рядом со мной и старательно записывавший услышанное замминистра сельского хозяйства? (Имени его не помню.) Замечу только, что в последующие приезды в Монголию и поездки по худону я увидел, что некоторые рекомендации и наставления доктора биологических наук А. А. Юнатова воплощены в жизнь. Хотя, по моему, целостной системы развития животноводства в Монголии так и не было создано. Ни во время планового ведения хозяйства, т. е. до 1990 г., ни тем более при частном скотовладении в последующее время и по сию пору.

После лекции последовали вопросы, как по существу дела, так и преимущественно весьма отдаленные, например о степном медведе — *мазалае*, об удивительной змее *алаг-хорхой* и др. Меня восхищала эрудиция ученого, его спокойное, но четкое умение излагать свои мысли, мягкие манеры. Восхищало меня и то, с каким глубоким взаимоуважением общались друг с другом Ширендыб-гуай и Алексей Юнатов — их связывала настоящая дружба.

Перед отъездом

Если не считать общения с Ш. Сандагом, Б. Ширендыб-гуаем и А. А. Юнатовым, то последние два месяца пребывания в Монголии в 1966 г. прошли в лихорадочной работе в библиотеке, Статистическом управлении и Центральном партархиве, где мне уже в декабре выдали некоторые материалы.

Неделя до 7 ноября прошла в суете сует: мотался по магазинам, дабы достойно принять гостей в свой день рождения. Были все мои друзья, включая Ш. Биру и, конечно, Цэдендоржа, всего 20 человек. Впервые я был пьян, но держался на ногах.

Я присутствовал 16 ноября при возложении венков к бюсту знаменитого поэта, одного из основателей современной

монгольской литературы Дашдоржийн Нацагдоржа. Бюст работы моего знакомого скульптора Махбала был водружен у ворот при входе в парк Дружбы напротив построенного в 1970 г. Дворца бракосочетаний. Возложение цветов и последующее затем торжественное собрание Союза писателей были посвящены 60-й годовщине со дня рождения поэта. Юбилейные торжества прошли празднично, с подъемом, а подлинным украшением их была дочь Д. Нацагдоржа — потрясающая красавица Ананда. Она специально прилетела к юбилею из Ленинграда, выступала на собрании и некоторое время провела в Улан-Баторе.

В конце ноября отпраздновали день рождения Лены Штейн, естественно, с участием чеха Зденека, а также посла Польши.

5 декабря состоялись проводы Франсуазы Обен. 29 декабря я был в Доме правительства на праздновании новогодней ёлки, которое открыл секретарь ЦК МНРП по идеологии Б. Лхамсурэн, красивый мужчина (очень нравился Г.И. Слесарчук). Он поначалу был явно удивлен моим присутствием в зале, но потом успокоился, ему все объяснили.

Праздник сопровождался концертом, затем танцами под джаз-оркестр. Танцевали почти все, включая Б. Лхамсурэна и других высокопоставленных гостей, и ближе к 8 часам вечера в зале на некоторое время появились все члены правительства. Работал буфет с пирожками, сладостями, безалкогольными напитками и не было ни грамма спиртного.

А собственно Новый год 31 декабря я встретил в квартире очень симпатичной и красивой пары: посла Югославии в МНР и его супруги. К сожалению, записи этой встречи не сохранились, могу лишь сказать, что то были очень приветливые и гостеприимные люди и стол ломился от заморских крепких напитков.

Как я уже упоминал, 1 января директор Института истории академик Ш. Нацагдорж угощал меня и моего соседа по комнате Анатолия Молчанова званым обедом в обществе своих очаровательных дочерей и супруги, а также писателя Намдага с женой. Намдаг, подвыпив, стал очень плохо отзываться о литературе социалистического реализма и сетовал на малочисленность молодежи в Союзе писателей.

Ночью 4 января 1967 г. мы с Молчановым полуодетые побежали во двор, где уже собралась целая толпа жильцов — землетрясение; говорили, что его эпицентр был в Баян Хонгоре — 7 баллов, а в Улан-Баторе — 5. Не знаю, так ли это, но в доме действительно звенела посуда и качались люстры.

Я распрощался с сотрудниками Института истории 5 января, 6 января день ушел на сборы, а 9-го — я сел в поезд.

Итак, что мне дала 6-месячная стажировка в Монголии в 1966 г.?

Если коротко, я впервые прочувствовал и полюбил Монголию, ее столицу Улан-Батор и худон, народ и природу страны.

После многочисленных и довольно длительных поездок по стране — всего наезжено около 10 тысяч км по территории 10 аймаков Центрального, Восточного и Южного районов МНР, широкого общения с представителями различных слоев населения, преимущественно с интеллигенцией, а также работниками центрального аймачного и сомонного аппарата, у меня сложились определенные представления о положении дел в МНР в целом и о разных сторонах внутренней обстановки в частности. Заранее оговариваюсь, что эти представления во многом поверхностны и, возможно, ошибочны, так как, во-первых, они основаны главным образом на чисто зрительных впечатлениях, личных наблюдениях и беседах, во-вторых, повторяю, это мое практически первое знакомство со страной, особенно с худоном, и в-третьих, мне, естественно, старались прежде всего показать парадную сторону внутренней жизни.

Если учесть к тому же, что формальные права стажера весьма ограничены, а попросту говоря, это «птичьи» права, что монголы весьма ревниво относятся к допуску иностранцев к действительно стоящим и ценным материалам, стараются по мере возможности избавить себя от «излишних» хлопот и в этом отношении, и по части детального знакомства приезжих со страной, то можно легко представить, что пытаться заглянуть в глубь вещей в МНР было трудно.

В этих обстоятельствах особенно ценны были поездки по маршруту Чойбалсан — Эрээнцав и обратно, через Дашбалбар и Гурванзагал сомоны совместно с секретарем аймачного

комитета МНРП Восточного аймака Ц. Жамсраном и поездки в Архангайский и Баянхонгорский аймаки совместно с президентом АН МНР Б. Ширендыбом.

Эти поездки позволили одним глазом заглянуть не только в парадную дверь, но и составить общее представление об административно-командном стиле руководства и организации работы в республике.

Общее впечатление, конечно, состоит в том, что со времени моего первого, весьма кратковременного, посещения МНР в 1950 г. в стране произошли огромные перемены, она неузнаваемо изменилась, что процесс движения и перемен продолжается, и он легко ощутим, осязаем, что кочевая жизнь народа — это во многом пройденный этап, что у страны есть твердая уверенность в собственных силах и возможностях. Просторы Монголии не показались мне пустынными и заброшенными, даже наоборот, в немалой степени — обжитыми и освоенными. Произвели яркое впечатление кругозор, энергия и напористость аймачных и сомонных партийных и государственных руководителей и организаторов, жизнестойкость и душевная чистота аратов. Худонская интеллигенция — а это уже целая прослойка населения — приятно удивляла своей любознательностью, многосторонними интересами, вниманием к происходящим событиям как у себя на родине, так и за рубежом, прежде всего в СССР. Диву даешься, как эти учителя, врачи, ветеринары — в большинстве своем молодые люди, которые живут где-нибудь в сомонном центре, в юртах или в неказистых домиках, успевают и работать, и вести какие-то кружки, и активно участвовать в самодеятельности, и интересоваться всеми новостями, принимать участие в конкурсах, устраиваемых советским радио в передачах на Монголию, вести обширную переписку, воспитывать кучу детишек и т. д. Самодеятельность и активность населения в худоне, особенно в оседлых центрах, поэтому показалась довольно высокой.

Что касается внешнего облика этих центров, то в них чувствовались результаты усилий, предпринятых для благоустройства и озеленения в годы «культурного наступления», в 1960–1966 гг., есть успехи по части соблюдения норм санита-

рии и гигиены (деревянные сарайчики-туалеты стали неизменной частью пейзажа сомонного центра и СХО), чисто и опрятно выглядело внутреннее убранство юрт. Жилые постройки снаружи смотрелись лучше, чем изнутри. Во всяком случае, они казались довольно легковесными для монгольских природных условий. Качество жилищного строительства оставляло желать много лучшего. Непонятно также, зачем в некоторых аймачных и сомонных центрах понадобилось обставлять неказистые и холодные гостиницы дорогостоящей, громоздкой, полированной румынской мебелью, кроватями-«саркофагами» и хрустальными люстрами? Но это частные замечания, а в целом сомонные центры выглядели, я бы сказал, нарядно и даже празднично.

И последнее. Где бы я ни был в Монголии, я везде чувствовал руководящую и направляющую руку Монгольской народно-революционной партии — партии коммунистов, которая, как я тогда считал, вела страну по правильному пути.

ЧАСТЬ III

МАЙ 1971– ФЕВРАЛЬ 1972 ГГ.

Девятимесячная стажировка в Монголии (май 1971 — февраль 1972 гг.) явилась фактически продолжением моего пребывания в стране в 1966 г. И приехал я в порядке обмена учеными в тот же Институт истории АН МНР, переехавший из университета в новое здание на окраине проспекта Мира. И план у меня был такой же: сбор материалов о строительстве социализма в сельской местности МНР — худоне, а также общее знакомство с обстановкой в центре и на местах. И жил я до декабря 1971 г. во все той же коммунальной квартире и в том же доме во дворе за «Их Дэлгууром» — центральным универмагом. Да и образ жизни у меня был прежний — работа в Центральной библиотеке, архивах, Статуправлении, продолжение знакомства с достопримечательностями, предприятия, культурными учреждениями столицы, общение с моими старыми и новыми монгольскими, а также советскими друзьями и коллегами и, конечно, разъезды, путешествия по стране, по дорогам Монголии. В итоге я побывал в 14 из тогдашних 18 аймаков, десятках сомонов и СХО, познакомился с более разнообразной и пышной, чем в восточной части страны, природой северо-западной, западной и юго-восточной частей Монголии, с жизнью населения этих районов.

Как я убедился, республика за прошедшие 5 лет, безусловно, развивалась по восходящей линии, были выполнены и перевыполнены планы III пятилетки, Монголия торжественно отметила 50-летие победы Народной революции 1921 г., успешно прошел XVI съезд МНРП, определивший новые рубежи строительства материально-технической базы социализма, окрепли внешнеполитические позиции МНР. Произошли позитивные изменения и в худоне, в облике аймачных и сомонных центров, местами весьма заметные. Но как мне казалось, настоящие коренные перемены здесь еще впереди.

Первый выезд

Первый вояж мы с моей коллегой и другом Галиной Ивановной Слесарчук совершили в июне 1971 г. по маршруту: Убсунурский аймак и его центр Улангом — экспортно-импортная база Цагаан-Нуур — г. Баян-Ульгий — центр Баян-Ульгийского аймака — г. Кобдо — центр Кобдоского аймака. Нигде мы не задерживались более одного-двух дней.

Самая большая достопримечательность Убсунурского аймака — это расположенное недалеко от г. Улаангома потрясающе красивое, большое озеро Убсу Нуур с соленой морской водой. Изумрудные, чистейшие, уходящие за горизонт воды озера, окруженного живописными сопками, широчайшие пляжи, залитые солнцем, и звенящая тишина того места на берегу, куда нас доставил наш сопровождающий — секретарь местного отделения Общества монголо-советской дружбы — Амин — замечательный человек, воспитывающий двух своих сыновей и четырех племянников, детей умершего брата.

Однако тогда как Улангом и особенно Убсу Нуур вызывали у меня восторг (берега озера — райское место, достойное создания курорта мирового значения), база Цагаан Нуур породила прямо противоположные чувства.

Расположенная в 69 км от Бийска и в 80 км — от Баян-Ульгия, база представляла собой какое-то несуразное скопление жилых домов, складских помещений, юрт, школы 8-летки, клуба, торговых лавок, гостиницы. Поселок грязный, повсюду валялись валки неочищенной грубой шерсти, арматура, какие-то металлические изделия.

Мы осмотрели склад готовой одежды, где на вешалках висели пальто, куртки, костюмы «made in USSR». Все они производили очень плохое впечатление: это были давным-давно вышедшие из моды вещи — костюмы невообразимых фасонов, пальто с широченными бортами, захудалая обувь и т. п.

Однако план первого полугодия 1971 г. по импорту база выполнила на 111%, по экспорту — на 184%, и коллектив ее боролся за звание предприятия социалистического труда.

Дорога к Баяч-Ульгию шла мимо легендарного озера — Толбо Нуур, где в 1921 г. сводный отряд монгольских партизан и бойцов Красной Армии под командованием Хасбаатара и К. Н. Байкалова 40 дней выдерживал осаду превосходящих сил белогвардейцев.

Героям революционных сражений ревсомольцам воздвигли скромный памятник: в груду камней, сложенных в пирамиду, вложена небольшая деревянная стела с красной звездой на вершине.

Центр аймака Ульгий показался мне довольно большим городом. За предместьем — с глинобитными мазанками с плоскими крышами — шел ряд добротных домов, асфальтированная улица вела на центральную площадь, где располагались белокаменные здания аймачного комитета МНРП, исполнительного управления хурала депутатов трудящихся, музыкально-драматический театр, Дом связи, большой краеведческий музей, школа-десятилетка и жилые дома в 4 этажа. В центре обелиск — памятник монгольским и советским борцам за революцию, павшим у Толбо Нуура, сооруженный по постановлению правительства в 1957 г. Рядом фонтан в виде каменного орла.

Над городом висится легкая, воздушная, окрашенная под шлагбаум радиомачта высотой 360 м, построенная с помощью ЧССР. Она позволяет вести вещание не только на три западных аймака, но и на КНР (Синьцзян) и Казахстан, и прекрасно принимает все крупнейшие западноевропейские станции. У меня был с собой портативный приемник, и я с интересом слушал и Би-би-си, и «Deutsche Welle».

К 100-летию со дня рождения В. И. Ленина на субботах члены МНРП построили двухэтажный «домик Ленина» с 4 залами, киноаппаратурой и тремя фильмами об Ильиче — подарок посольства СССР в Улан-Баторе. Есть здесь и читальный зал, и выставка художественных изделий.

В городе 6 семей русских специалистов, живут здесь уже 2–4 года; из развлечений — ловля рыбы, благо рядом река

Кобдо. Иностранная колония включает кроме того одного болгарина.

Рядом с некоторыми каменными домами, т.е. зимним жильем, стоят казахские юрты, где люди живут летом.

В целом город вначале производит очень хорошее впечатление — чистый, беленький, благоустроенный, со своим музыкально-драматическим театром (труппа из 80 человек гастролирует по всей стране и в Казахстане), большим краеведческим музеем, с двумя школами-десятилетками; город отличается национальным колоритом в архитектуре и во внешнем облике большинства горожан.

Безусловная достопримечательность города Ульгий — новая, работающая с 1969 г. механизированная и полуавтоматизированная шерстомойная фабрика, мощностью 2000 т мытой шерсти в год. Запустить и наладить производство в 1969 г. помогли советские специалисты. И уже в первый год эксплуатации фабрика выдала 1000 т, а в 1970 г. — 1600 т мытой шерсти. Нас познакомила с предприятием его главный инженер, выпускница Московского технологического института Тауфик, которая несколько лет до этого работала на Уланбаторском промкомбинате. Помимо руководства работой фабрики она воспитывает 2 сыновей и 4 приемных детей. Бегло говорит по-русски и явно увлечена своим делом. Работает еще один наш инженер.

Продукция ориентирована на экспорт. Тауфик рассказала нам о технологическом цикле предприятия и сетовала на нехватку специалистов и квалифицированных рабочих. В целом фабрика со своими просторными светлыми цехами и импортным оборудованием выглядела вполне современным предприятием.

В гостинице ресторанный зал на первом этаже украшало большое, во всю стену, декоративное панно с изображением широкой зеленой долины в окружении гор. Здесь я познакомился с уроженцем Улан-Удэ Власовым Евгением Ивановичем, сыном бурята и русской. Он после демобилизации из армии в 1947 г. осел в Улан-Баторе, женился на местной русской, в 1957 г. окончил Монгольский государственный

университет и с тех пор преподает русский язык и литературу в Педагогическом институте. По существу, он стал местным русским и имеет вид на жительство в СССР. В Ульгий он приехал в составе выездной приемной комиссии Министерства просвещения для проведения приемных экзаменов в вузы Улан-Батора в 1971 г. В комиссию кроме него входил врач из медицинского института и математик Элдэв-Очир из университета. Е.И. Власов рассказал мне о системе отбора студентов для обучения в вузах МНР, а также СССР и других социалистических стран. На каждый аймак Министерство просвещения выделяет определенную квоту: число мест во все учебные заведения. На 1971 г. она составляла 56 мест.

Приемные экзамены проводятся на местах — в аймачных центрах — с 1 по 6 июля. Экзаменов три: обязательно русский язык и два по профилю вузов. Все экзамены письменные. Билеты выдает министерство в запечатанном виде, в каждом по три вопроса. Экзамен по русскому языку включает небольшое сочинение на 20–25 строк, составление предложений из заданных слов и небольшой перевод с русского на монгольский.

В состав приемной комиссии кроме командированных из Улан-Батора включают местных педагогов соответствующего профиля и представителей аймачных исполнительных управлений и аймачного комитета МНРП. Списки прошедших по конкурсу окончательно утверждаются аймачными комитетами МНРП и исполнительным управлением.

Все экзамены распоряжением моего старого знакомого Жамсрана, бывшего секретаря аймачного комитета МНРП Восточного аймака, а с 1970 г. — Баян-Ульгийского аймака, в 1971 г. будут приниматься на монгольском языке. А между тем среди 141 абитуриента 1971 г. — 80 выпускников 1-й средней школы с преподаванием на русском языке и лишь 30 выпускников монгольской 2-й средней школы. Отчасти это — некоторая дискриминация казахов. Вообще, отношение монгольских властей к 60 тысячам казахов — жителям Баян-Ульгийского аймака — явно имело свои особенности: например, нам с Галей не рекомендовали в этом аймаке говорить по-монгольски.

Но вот среди 13 отобранных отличников, которые поступили в советские вузы, были и монголы, и казахи, и всех их принимали вне конкурса, который в 1971 г. составлял 3 человека на место.

Из выделенной аймаку квоты — 5–6 мест — 5 мест отводились на поступление в вузы Москвы, Ленинграда, Киева и Харькова. По непонятным причинам в Казахстан учиться не посылали, хотя аймак нуждался в кадрах преподавателей казахского языка и литературы. Возможно, — по ошибке Министерства просвещения.

На учебу в Советский Союз и другие социалистические страны отбирали только отличников, причем с запасом — на 5 мест в Улан-Батор на усмотрение отборочной комиссии отправили 7 абитуриентов, с обязательной сдачей ими экзаменов и прохождением собеседования. Отсеянным предоставлялось право поступать без экзаменов в вузы Улан-Батора или на годичные подготовительные курсы для обучения за границей в следующем году.

Критерием допуска к приемным экзаменам в монгольские вузы была успеваемость в выпускном классе школы. При равных показателях учитывали успеваемость в трех последних классах. Все списки допущенных к экзаменам утверждались ответственным секретарем аймачного исполнительного управления.

Евгений Иванович по секрету поведал мне, что на секретаря оказывают большое давление родители, родственники или соплеменники и т. п. «Пытаются обработать и членов отборочной комиссии, — сказал он, — так что приходится быть все время начеку». При тщательном знакомстве с личными делами абитуриентов выяснялось, что некоторые отличники вовсе не блещут успеваемостью, что с дисциплиной у них не все в порядке и т. п. Не прошедших конкурс к повторным попыткам поступить в вуз допускали после трех лет работы на производстве. В целом Е. И. Власов считал такую систему отбора будущих студентов непосредственно в аймаках вполне разумной и эффективной, и я в целом с ним согласен.

На следующий день после беседы с Власовым мы устроили прием Ц. Жамсрану. За 5 лет он почти не изменился: такой же

худощавый и долговязый, энергичный и бодрый. Мы хорошо посидели и дарга помог нам с Галей решить транспортный вопрос: автобаза выделила нам «Газ-69» для переезда в Кобдо, правда, за деньги — 447 тугриков на 230 км за счет АН МНР.

Первые 35 км пути в сторону Кобдо, куда мы 28 июня выехали из Баян-Ульгия, были довольно скучными, но у озера Толбо-Нуур природа расцвела: вот мы опять у красивого, вытянутого в длину на несколько километров с замечательной зеленовато-голубоватой водой озера, окруженного холмами с песчаными склонами и высокой горой с заснеженной вершиной — в торце. А вдоль берега — огромные оранжевые валуны. О памятнике Хас-Баатару я уже писал, и на этот раз он показался мне не соответствующим подвигу цириков Хас-Баатара и русских партизан.

Кобдо оказался ухоженным зеленым городом: с многолетними пышными деревьями вдоль арыков. Перед двухэтажной гостиницей восточного стиля, рядом с которой строился трехэтажный корпус для иностранных гостей, был разбит целый парк с фонтанами. В городе много крупных строений: жилые дома, 2 школы-десятилетки и одна восьмилетка, здания сельскохозяйственного техникума, педагогического училища, красивое, с восточным колоритом и лепкой здание музыкально-драматического театра, солидный почтамт и административные постройки. Здесь больше асфальтированных улиц, чем в Ульгие, есть стадион с бассейном, травяными беговыми дорожками. Много легковых машин, авторемонтный завод с производственной мощностью 250 машин в год, железобетонный завод, кустарно-промысловая артель. Население — полный интернационал: монголы, узбеки, китайцы, казахи и много представителей монголоидных народностей — мянгаты, олеты, захчины, дархаты, дербеты, торгоуты.

И еще одна достопримечательность — ранние овощи на рыночном прилавке: длинный, похожий на морковь китайский редис, зеленый лук, салат. Мы обрадовались, купили всех этих витаминов и попросили в гостинице сделать нам салат. Смотреть, как *тогооч* (повар) режет все это хозяйство, сбегались все его помощники и официантки. Салат получился

своеобразный: щедро политый подсолнечным маслом, он был так же щедро посыпан сахарным песком вместо соли. Получилось что-то вроде десерта!

В городе мы провели 5 дней, и все они ушли на знакомство с предприятиями, редакцией газеты «Хөдөлмөр» («Труд»), школой-десятилеткой и, конечно, на посещение большого краеведческого музея, с директором которого Дулхажавом мы долго беседовали в его кабинете. Ц. Дулхажав-гуай оказался очень интересным человеком. Горячий патриот своего аймака, он объездил его вдоль и поперек и привез массу материала для экспозиции и архива возглавляемого им с 1967 г. музея. Он местный уроженец, носит национальную одежду, выпускник МонГУ по специальности биология, 20 лет преподавал в Кобдоском педагогическом училище. 45 дней провел на специальных курсах краеведов при Министерстве культуры СССР, в Москве, и затем отдыхал на курорте в Читинской области. Ему 46 лет, он отец шестерых детей, старшая дочь заканчивает педагогическое училище, ее сестра — музыкант, играет в местном музыкально-драматическом театре, младшему сыну 4 года.

По знанию природных, исторических и культурных особенностей родного края Дулхажав — ходячая энциклопедия. По словам нашего сопровождающего по Кобдо корреспондента газеты «Унэн» («Правда») казаха Силама, он это однажды продемонстрировал, отвечая на вопросы посла СССР Щетинина и всего местного начальства. Он, в частности, знал, сколько кубических метров воды несет река Кобдо и сколько ее в озере Хара Ус, и многое другое.

Дулхажав знаком почти со всеми известными монгольскими учеными, с английским монголоведом Чарльзом Боуденом, с Оуэном Латтимором, а также с секретарем Тувинского обкома КПСС 80-летним Того.

Он собирается писать историю Кобдо, насчитывающую 209 лет, и превратить свой музей в центральное хранилище материальной и духовной культуры ойратов. Он всегда с одобрением отзывался о советских монголоведах — Э. Новгородовой, Ю. Волкове и др. Интересно, что он потом будет говорить обо мне?

Были мы и на генеральной репетиции праздничного концерта в Национальном музыкально-драматическом театре по случаю 11 июля, всенародного *надома* и 50-й годовщины революции. Первое отделение состояло из 3 действий: 1) театрализованное представление о дореволюционной Монголии (ставка князя и его окружение); 2) восставший народ и победа народной революции; 3) танцы всех 10 народностей, проживающих в аймаке, в красивых национальных одеждах; и во втором отделении — большая концертная программа.

Театральный коллектив — 80 человек, среди них 2 заслуженных деятеля искусств и 4 заслуженных артиста республики. Театр награжден орденом «Полярная звезда» — единственный среди театров МНР. В концертной программе было яркое выступление — горловое пение (*хоомий*) Сундуя, обладателя золотой медали одного из международных фестивалей молодежи.

В целом мы получили большое удовольствие от всего концерта — это было красочное зрелище, вполне профессионально поставленное. И среди этого великолепия поступило страшное известие — о гибели наших космонавтов.

Один день у нас был посвящен выезду в Кобдо-сомон — СХО «Тариалан» («Нива»), что в 30 км от города. Это пригородное овоще-бахчевое хозяйство. В нем жили и работали казахи, халха, урянхайцы, олеты, торгуты. Председатель — казах Ходен, дядя нашего сопровождающего Силама. На вид — крепкий, хитрый мужчина. После беседы состоялся обед в семейной гостинице с *айраком* (кумысом), *морьсарлаком* (коньяком) и полным набором *цагаан идээ* (молочных продуктов).

После обеда мы посетили юрту казаха-скотовода. Хозяин 65 лет выглядел здоровяком, со щеточкой усов и оригинальной веревочной повязкой на голове — красавец! И в большой, просторной юрте все было опрятно и красиво. Ковры, соломенные шторы по стенам. Там нас уже ожидало щедрое угощение. Я был морально и физически не готов к такому приему и потому потерял бдительность с учетом количества тостов. И последствия не замедлили сказаться. Вспоминаю,

что никогда в Монголии мне не было так плохо, как в тот вечер в сомоне Кобдо. По-моему, перепугались и хозяева. Меня под белые ручки увели и положили в постельку в отдельном номере. Сквозь сон до меня смутно доносились звуки домбры, бас аккордеона, в клубе шел концерт сомонных самодеятельных артистов. А вот бешбармака — главного блюда казахской кухни, увы, попробовать не пришлось, хотя очень хотелось.

А Галине Ивановне пришлось провести беспокойную ночь, терпя соседство в одном номере разгоряченного питьем и бешбармаком Силама. Но она выдержала...

Утром следующего дня мы вернулись в Кобдо и после небольшого отдыха пошли гулять по центральной улице имени С. (Хатан-Батор) Максаржава, известного революционного полководца. До революции 1921 г. это была главная торговая улица Их Зээл — по ее правую сторону стояли лавки русских купцов, по левую — китайские. На правой же стороне была резиденция русского консула. Теперь там работала кинопередвижка.

Более 600 русских семей жили в Кобдо в первые годы революции. Ныне русских нет, но остались 20 китайских семей и примерно 10 узбекских. Они выращивают дыни, арбузы и овощи. Город полностью обеспечивает себя местными овощами.

Затем мы прошли мимо широкоэкранного кинотеатра к стадиону. Он травяной, зеленый, с трибунами и плавательным бассейном, который, правда, почему-то был без воды. Здесь же аллея молодежи: деревья высажены 6 лет назад, но уже вполне крепкие, раскидистые, через несколько лет образуют целую лесную полосу. А в центре города деревья вдоль арыков — 100-летней и большей давности.

Осмотрели мы памятник легендарному арату Аюуши — руководителю антиманьчжурского *дугуйлана* в первом десятилетии XX в., также памятник Амурсане — вождю антицинского восстания в середине XVIII в.

В городе работали 15 советских механиков, водников, проживавших в деревянных домиках рядом со школой-десятилеткой.

У них был свой магазин, с довольно скудным ассортиментом товаров, особенно в сравнении с расположенным рядом местным «Их Дэлгууром» (Универмагом). Мы тем не менее извлекли из магазина все необходимое для организации вечером импровизированного приема в честь наших друзей — ответственного секретаря исполкома хурала депутатов трудящихся Энхтувшина, Дулхажава и Силама. Ничего, прошло неплохо.

За столом Силам рассказал о государственном визите в Монголию Николая Чаушеску с супругой, оставивших у монголов скверное впечатление. «Румынский лидер, — сказал корреспондент “Унэн”, — вел себя, как король. Он приехал в Улан-Батор из Пекина, где имел длительную беседу с Мао Цзэдуном, а с Ю. Цеденбалом общался 10 минут». Дополнительные подробности этого скандального визита я узнал уже в Улан-Баторе от Дашзэвэга и Сандага.

Этим приемом мы и завершили свой первый выезд на запад Монголии, где самое большое впечатление оставил город Кобдо с крепостью времен маньчжурского владычества, от которого сохранились все глинобитные стены, а внутри нет ничего, кроме деревьев и травы. Но вообще город Кобдо — это то место, куда хочется возвращаться.

Мы вернулись в Улан-Батор 3 июля. Город встретил прохладой, озоном, свежестью и густой зеленью вокруг аэродрома. Никто нас не встречал, и до дома добирались на посольской машине: ее прислали за цветами, отправленными из Иркутска для супруги нашего посла Марии Ивановны, но было воскресенье, и они оказались запертыми на складе до понедельника. Так что вместо цветов едем мы.

Комнату, да и всю квартиру, я нашел в полном запустении и целый день, 4 июля, приводил ее в порядок. И началась городская жизнь, украшенная празднованием 50-летия Народной революции.

Праздник: 50 лет революции 1921 г.

Весь июль я провел в Улан-Баторе — нарядном, праздничном, полном иностранных гостей. Прошла торжественная встреча нашей правительственной делегации во главе с А. Н. Косыгиным. Объявились и видные западные монголоеды — Оуэн Латтимор, Ургунге Онон с супругой, Петер Фитце привез целую немецкую делегацию.

В 9 утра 18 июня нам с Галиной Ивановной наш дорогой куратор Цэгмид в президиуме АН МНР вручил пакет с приглашительными билетами на все праздничные мероприятия. Там мы поздравили Ширендыб-гуая с праздником и с присужденной ему Государственной премией (20 тысяч тугриков). Затем мы наблюдали за тем, как цирики в новой блестящей форме с иглочки и в белых перчатках возлагали венки к памятнику В. И. Ленину. Потом последовала церемония возложения венков к усыпальнице Сухэ-Батора и Чойбалсана. Туда двинулись делегации, и мы «дуриком» присоединились к нашим посольским, ничего — те стерпели, только консул очень косился.

Затем был зал заседаний ВНХ и съездов МНРП. Зал отличный, но небольшой, кондиционер не работает. Ложи, бельэтаж — для дипкорпуса: приехали представители 54 стран. На втором этаже — много ветеранов, бывших партизан. Среди них мой старый знакомый Дэндэв-гуай, я его в Ленинграде водил к зубному врачу. Их сопровождал мой друг Банзрагч.

Радостно было обняться с Оуэном Латтимором. Он сдал, пережил тяжелую сердечную болезнь, живет один. Сын Дэвид живет в 400 милях от него, защитил докторскую диссертацию. Оуэн собирается пригласить японскую монголистку Гудзи-хо Исоно — она сейчас в Токийском университете, переводит с монгольского биографию Делибо (Дилова) — хутухты. Он в Монголию приехал на 2 месяца, потом поедет на месяц в музей в Данию, затем на конференцию ПИАК в Будапешт. Чувствовалось, что он одинок, даже как-то держался особняком.

С докладом на торжественном собрании выступил Ю. Цеденбал, приветственные речи произнесли представители СССР, Вьетнама, Венгрии, ГДР, Румынии, Польши, Чехии, Югославии, Индии, ОАР, Кубы, Алжира.

В президиуме все Политбюро МНРП, правительство, наша делегация, космонавт В. В. Горбатко, посол С. Н. Щетинин и др.

Почетный караул меняли каждые 15 минут. В заключение все проходы в зале заполнили шеренги пионеров, одетых в костюмы всех народностей Монголии. Собрание продолжалось до 16 часов, потом последовал шикарный обед в ресторане гостиницы «Улан-Батор».

Вечером я побывал в школе-интернате у моего коллеги В. В. Грайворонского, ежедневно работавшего референтом на советской юбилейной выставке достижений народного хозяйства СССР, развернутой в Улан-Баторе в честь юбилея. Туда поместили советскую делегацию, экскурсоводов и Владимира Викторовича. В помещении было чисто, благоустроено, в холле стоял телевизор, и хотя не было горячей воды, зато рядом находилась баня.

11 июля — погода как на заказ, чистое небо, солнечно, но днем очень жарко — от солнечного удара спасает бумажная шапочка. С утра мы на правительственной трибуне, на усыпальнице Сухэ-Батора и Чойбалсана наблюдали большой военный парад. Он прошел четко по графику — объезд войск и традиционная речь министра обороны, оглушительный салют. Затем театрализованное представление: воины времен революции, тачанки; затем армия времен Халхин-Гола, броневика. Далее уже современность — офицерский корпус, стрелковые подразделения и кавалерия, мотомеханизированные части, артиллерия, минометы, «Катюши», ракеты, танки, самоходные орудия, 5-й эскадрон, сводный оркестр с юными барабанщиками. Парад продолжался 30–40 минут и был уменьшенной копией парада на Красной площади. За ними пошли нескончаемые потоки физкультурников, молодежи. Похоже, что все школы были выведены на улицы: три сводных пионерских оркестра, море желтых, красных и синих флагов на тыльной стороне площади и море бумажных цветов.

Живые цветы детишки подносят руководителям партии и правительства. На трибунах масса разноцветных парашютиков и флажков с надписями «МНРП», «Мир», «Дружба» и др. И демонстрация: в центре ряды красочных колонн с плакатами, транспарантами, с макетами на платформах и т.п. Несколько колонн целиком из работников советских организаций. Араты с верблюдами, овцами. И в конце — национальные танцы.

После демонстрации пошли на стадион, перед входом на который скопилось множество машин. Прошли на трибуну для дипкорпуса. Решетчатая крыша спасала от палящих лучей солнца. Поблизости Ю. Цеденбал мирно беседовал с кем-то, появилось несколько иностранных делегаций. Праздник начался с парада физкультурников, демонстрирующих гимнастические упражнения. На противоположной трибуне море ярких японских зонтиков от солнца, образующих красочную картину.

После выступлений физкультурников начальство начало покидать трибуны. Уходим и мы — в Драматический театр на большой эстрадный концерт артистов из социалистических стран и национальных коллективов. Зал горячо принимал протяжные песни, огненный танец «Спартак», выступление детского оркестра скрипачей.

Из театра пошли в Ордон (Дом правительства) на праздничный прием. С трудом нашли отведенное нам место в одном из залов для гостей. Там фуршет, изобилие еды и питья, жареный поросенок как украшение стола, свободное общение гостей между собой. Общались с интересным человеком — начальником партии геологов профессором Зайцевым Александром Ивановичем, замечательным собеседником.

Гуляем до вечера, а в завершение — чаепитие у меня с Владимиром Грайворонским.

На следующий день — снова стадион: национальная борьба, стрельба из лука и награждение победителей скачек.

Все, праздники кончились. После них я более полумесяца жил в городе, который, и здесь уместно отметить, за прошедшие с 1966 г. 5 лет в целом позеленел, изменился, но не кардинально. Новый облик центру города придавал комплекс посольства СССР: продолговатое двухэтажное здание, где размещались

также консульство и торгпредство, и 12-этажный жилой дом с продуктовым и промтоварным магазинами, сауной на первом этаже. Это было единственное в те годы высотное здание в столице, и оно, мне кажется, не могло не мозолить глаза монголам. Когда я приехал, солдаты заканчивали работы по благоустройству территории посольства, обнесенной железным частоколом, шло устройство газонов, строительство клуба, теннисных кортов, волейбольной площадки.

Масштаб комплекса, в который переезжало посольство, потрясал, как и соответственно большой штат сотрудников: посол С. Н. Щетинин, советник-посланник посольства Ш. Г. Надилов, затем А. Н. Катеринич, два советника по внутренним делам — Э. Н. Зверев, Н. Г. Торбенков; три советника по внешним отношениям; Смирнов — по монголо-китайским отношениям; Федорцов — по культуре; С. К. Роцин и В. Ткачев — первые секретари; Сергеев, Б. Е. Низовцев — вторые секретари, толмачи и др. Торгпредство возглавлял Н. А. Симагин, консульство — не помню кто. Был освобожденный парторг.

Из новостроек следует отметить тяжеловесное четырехугольное, четырехэтажное здание Музея революции, тоже в центре города, которое открыли сразу после надомы, жилые современные дома не то в 12-м, не то в 15-м микрорайоне города, выставочный зал около реконструированного и обновленного внутри «Ленклуба», который в 1950 г. казался большим сараем, а сейчас приобрел вид настоящего культурного учреждения с книжной лавкой, библиотекой, широкоэкранным кинозалом и богатым буфетом, какой и в Москве не везде увидишь: бутерброды с икрой, с семгой, разнообразные конфетные коробки, боржоми, печенье, коньяки и т. п. Когда я туда как-то заглянул в первые дни приезда, там было полно наших офицеров, и веселые, игривые буфетчицы просто таяли. Вообще, в городе было много наших военных.

В центре, как и в 1966 г., оживленное движение, новым было то, что появились желтые такси «Москвич», регулярно подходят к остановкам чешские автобусы, дома почищены, покрашены, много стендов в честь 50-летия революции и XVI

съезда МНР, милиционеры в белых перчатках регулируют движение — в общем Улан-Батор выглядит празднично.

Обновлен и «Их Дэлгуур» — на полках много тканей, интересных рубашек монгольского производства, телевизоры, фотоаппараты, посуда, появились разные мелкие товары — зубные щетки, скрепки.

Монголы о Чаушеску

Во второй половине июля я работал в библиотеке и много общался с друзьями. Первыми, кого я навестил после приезда, были доцент Высшей партийной школы, историк и политолог Б. Дашзэвэг и его супруга Нэргуй.

Они жили с двумя маленькими сыновьями в уютной однокомнатной квартире на первом этаже четырехэтажного панельного дома недалеко от гостиницы Баянгол. Д. Дашзэвэг и Нэргуй были необычайно гостеприимны, у них всегда был свежий кумыс и вкусные блюда национальной кухни. В оживленной беседе за замечательным *суутэй*-чаем (чай с молоком) Дашзэвэг дополнил сведения о недавнем государственном визите в Монголию правительственной делегации Румынии во главе с Н. Чаушеску.

Известно, что Чаушеску занимал прокитайские и националистические позиции, был своего рода *enfant terrible* среди коммунистических лидеров. Он прилетел из Пекина, где, как поведал Дашзэвэг, Мао Цзэдун принял его с распростертыми объятиями, более часа вел с ним переговоры, называл его самым «выдающимся борцом против великодержавного гегемонизма, т. е. против политики СССР».

По словам Б. Дашзэвэга, Н. Чаушеску три раза звонил Ю. Цеденбалу, согласовывая дату прилета и процедуру встречи, на аэродроме в Улан-Баторе вел себя как хозяин, все пытался усадить во вторую машину не румынского премьера Маурера, а свою жену Еву Чаушеску, на что монголы не согласились. Сразу после прибытия стал нарушать протокол встречи,

заставил публику 3 часа ждать открытия митинга монголо-румынской дружбы, отказался предоставить монголам текст своего выступления, и в итоге вместо речей, рассчитанных на час, ограничились краткими приветствиями. Ю. Цеденбал был взбешен.

Во время переговоров Н. Чаушеску был категорически против осуждения маоизма и политики Пекина, заявил, что не видит в ней ничего предосудительного, а решения международных совещаний коммунистических партий 1967 и 1969 гг. считает не во всех пунктах правильными.

Зато Н. Чаушеску был очень доволен монгольским подарком — национальной одеждой *дэли*. Как иронически заметил Маурер, все национальное ему по сердцу всегда, а пролетарский интернационализм иногда!

Судя по рассказу Б. Дашзэвэга, монгольская общественность осудила скандальное поведение Н. Чаушеску во время визита.

Посещали мы и нашего коллегу по сектору Монголии Института востоковедения С.К. Рощина. В Улан-Баторе он был в должности первого секретаря посольства, курировал вопросы культуры. Сережа только что переехал в квартиру в высотном посольском здании. По сравнению с тем, где я жил, это были настоящие хоромы. Да и сам хозяин выглядел представительным, в служебном помещении он восседал в отдельном кабинете. Сережа неизменно угощал нас с Галиной Ивановной жареной уткой и «Цинандали». Он вел очень размеренный образ жизни и регулярно по воскресениям совершал моцион по *бага тойрог* — «малому кольцу» города и по *их тойрог* — «большому кольцу». Мы сватали ему Потемкину — монголистку из Института экономики АН СССР, но безуспешно.

И конечно, я чаще всего гостил у Аюра — не было у парня хлопот, так он купил машину «Москвич», держал ее во дворе и каждый вечер снимал аккумулятор и таскал его в квартиру на третий этаж. Но Аюр был доволен — теперь не стало проблем с выездами на рыбалку, откуда он привозил рыбу мне и Галине Ивановне — я их познакомил, и они подружились.

Улан-Батор — Мурэн: начало путешествий

Эта поездка состоялась с этнографическим отрядом советско-монгольской историко-культурной экспедиции, работавшей здесь уже много лет. Руководила отрядом ныне ставшая большим ученым — крупнейшим этнографом-монголоведом — Наталия Львовна Жуковская. Наш общий друг, она и пригласила меня с Галиной Ивановной присоединиться к ней в этой поездке. А в отряде было всего 2 человека: этнограф Г. Цэрэнханд — скромная и мудрая женщина с очаровательной улыбкой — и тюрколог М. Шинэху — талантливый специалист по руническим надписям и вообще хороший парень. Передвигались мы на экспедиционной машине, крытом грузовичке-полуторке, заполненном запасами продовольствия, воды, спиртного, спальными принадлежностями и вообще всем, что было необходимо для работы в полевых условиях. Всем этим хозяйством ведал на правах завхоза шофер из Новосибирска Миша — здоровый, крепкий мужик, отличный водитель, но такой куркуль, каких свет не видывал.

Выехали 31 июля 1971 г., путь лежал в Мурэн — центр Хубсугульского аймака. По прямой до него 3 суток езды, но, увы, этот путь был закрыт из-за наводнения. Так что пришлось добираться в объезд через шесть аймаков: Центральный, Селенгинский, Булганский, Архангайский, Завханский, Хубсугульский. Это заняло 9 дней, я даже бороду успел отрастить. Запомнились четыре ночевки на природе, в живописнейших местах, суп и мясо барсука, затравленного дикими собаками, которого подхватил предприимчивый Миша, естественно приватизировавший затем его шкурку.

В уютной, внешне изящной деревянной гостинице Орхонсомона Селенгинского аймака, нашей первой ночевки, произошла неожиданная встреча и потом совместное застолье с драгоманом нашего посольства Юрием Ивахиным. Посол Щетинин направил его и других переводчиков на полтора месяца

в глубинку Монголии для совершенствования языковых знаний. Юра жил здесь как в раю: кругом потрясающей красоты природа, рядом река Орхон, за 6 тугриков на целый день можно взять верховую лошадь до аймачного центра города Булган, т.е. масса культурных развлечений; у Юры — персональный повар-китаец, готовит очень вкусно, да и запасов посольской икры и других деликатесов хватало.

В Сайхан-сомоне Булганского аймака, куда приехали вечером голодные и мучимые жаждой, мы в гостинице центра сомона осушили большой чан с кумысом, не ведая того, что он был приготовлен к приезду большого начальства.

И наконец, из дорожных приключений запомнилось, как у центра Бурэн тогтох-сомона нашу машину вытащила из трясины упряжка из быков. Руководил этой операцией владелец быков чабан Намнандорж из ближнего аила. Он, как настоящий степняк, сразу пришел нам на помощь и долго возился с нашей машиной, хотя у самого как члена СХО и так забот было полно: он пас 400 овец общественного стада, да и своего скота у него было немало. Довольный успехом, Намнандорж угостил нас на радостях целым чайником *шимийн архи* — легким малоградусным молочным самогоном.

8 августа, переправившись на пароме через реку Мурэн, мы въехали в центр Хубсугульского аймака Мурэн. В гостинице неожиданные встречи: О. Латтимор и сопровождавший его хорошо нам знакомый ведущий китаист Ч. Далай только что вернулись из сомона Улаан Уула и собирались в Бурэнт Цогт-сомон по личному приглашению его председателя, в прошлом советника посольства МНР в Пекине, где он и познакомился с американским ученым. Оуэн был очень доволен поездкой: записал песни цатанов, ловил рыбу, охотился. Из Бурэнт Цогт намерен был поехать к озеру Хубсугул.

Мурэн — милый город. Там почти не видно юрт, три параллельные улицы застроены деревянными 3-этажными домами с наличниками и резьбой, там же одноэтажные каменные здания трех школ-десятилеток, одной — восьмилетки, двух начальных школ и большое четырехэтажное здание межрайонной больницы, сданное в эксплуатацию перед праздником

50-летия Народной революции, с поликлиникой, родильным отделением; близко от мебельного и пищевого комбинатов. Много магазинов, есть ОРС. В городе — 100 семей советских специалистов, в монгольских магазинах торгуют среди прочего шоколадными медалями по цене 1 тугрик 30 мунгу. Есть городской пляж со скамейками, Дворец культуры, внешне напоминающий Большой театр, широкоэкранный кинотеатр, танцплощадка в небольшом скверике. Дома не жмутся друг к другу, все очень просторно и нарядно.

Ближе к вечеру 9 августа мы с Галей расстались с этнографическим отрядом, договорившись встретиться в начале сентября в Тонхил-сомоне Гоби-Алтайского аймака, а 10 августа мы на АН-2 (это биплан, «кукурузник» или «стрекоза») отправились к цатанам — монгольским кочевникам-оленоводам в сомон Улаан-Уул. Там нас встретил дарга сомона и СХО «Счастливая жизнь» Лурзэд.

Центр сомона расположен на плато, со всех сторон окруженного горами, покрытыми лесом. Лес подступал к самой гостинице.

За 2 дня в сомоне я познакомился с хозяйством объединения и сомона, а главное — увидел деревянные домики, построенные правительством Монголии в 1961 г. согласно Программе перевода цатанов на оседлость. Они стоят в два ряда: 8 домиков с одной стороны и 7 — с другой. В этом сомоне 20 семей цатанов, живут здесь зимой, а летом, конечно, в лесу, в шалашах. В одном из домиков я побеседовал с цатаном — заведующим цехом в пекарне в СХО — симпатичным мужчиной средних лет, ничем внешне не отличавшимся от монголов, но прекрасно говорившим на своем языке — диалекте монгольского, знавшим свою родословную и 20 представителей своего рода (см. далее).

Летом в домиках жили монголы, в одном из них — обслуживавшая нас 47-летняя дархатка Бямба. Сомон часто посещают иностранцы, и она набила руку на их обслуживании: не успели мы с Галей расположиться в гостинице, как на столе появился горячий чай, масло (продукция местная), очень хорошее, похожее на русское топленое, *аруул*, отличный хлеб,

а затем огромный бидон с кумысом. И все эти два дня она нас отлично кормила и обихаживала. За два дня мы с Галей выпили 2 литра кумыса, съели 1 кг мяса, 1 кг конфет и пр. Все за 60 тугриков + 15 тугриков в пользу одинокой, без мужа и детей Бямбы, и по 15 тугриков за постель.

Но мы не только ели и пили. Мне удалось побеседовать с председателем СХО «Счастливая жизнь» Авэрзэдом и с заведующим отделением Общества монголо-советской дружбы и заведующим отделом агитации и пропаганды Комитета МНРП Сурэнхорлоо. В результате я собрал подробные сведения об экономике и культуре сомона и современном состоянии СХО и, конечно, цатанах.

Двадцатиминутный полет на АН-2 — и 12 августа мы оказались в центре сомона Ринчен Лхумбе СХО «Золотая степь». Это тоже сомон цатанов и дархатов. Его уникальная достопримечательность — деревянные жилые и административные здания, похожие на искривленные терема, некоторые на каменном фундаменте, все — творения местного архитектора-самоучки, прораба, проектировщика и строителя Лувсандоржа. Ему 65 лет, и формально он бригадир строительной бригады. Эту архитектуру надо видеть: огромная входная лестница, и вдруг — хрустальная люстра, вестибюль, похожий на колодец, и потолки 2-го этажа, похожие на своды пещеры. Несоразмерность зданий друг с другом поразительная. Видно, что это кустарные сооружения. Но снаружи домики кажутся игрушечными, неправдоподобно живописными, а главное, что совершенно удивительно, они пригодны для жилья монголов. В день нашего приезда тут шло строительство под руководством бригадира огромной одноэтажной школы, гостиницы и здания музея: каменный первый этаж и деревянный — второй.

Гостиница же пока была просто сараем с двумя комнатами-общежитиями и кухней. Итак, цатаны в 1971 г. в Хубсугульском аймаке жили и работали в двух сомонах Улаан-Уул и Ринчэн-Лхумбэ и состояли членами двух СХО, «Счастливая жизнь» и «Золотая степь», куда вступили в 1957–1958 гг. В 1971 г. здесь уже проживало по 20 семей цатанов: 160 человек в Ринчэн-Лхумбэ и 160 — в Улаан-Уул.

В СХО «Жаргалант амидрал» («Счастливая жизнь») 635 хозяйств и 2700 человек и в «Алтан-Тала» «Золотая степь» — 700 хозяйств и свыше 3 тыс. человек. Оба СХО, нацеленные на развитие молочного животноводства, были крепкими хозяйствами: первое имело почти 35 тыс. голов скота всех видов, 3 млрд тугриков основного капитала, более 1 млн тугриков годового дохода, второе — свыше 50 тыс. голов скота и 3–4 млн. годового дохода. В «Счастливой жизни» и в «Золотой степи» были оленеводческие бригады, имевшие 680 и 70 оленей соответственно в общественной и частной собственности. Личного скота приходилось в среднем от 2–3 до 10 оленей на хозяйство. В 1960 г. была проведена перепись цатанов, они были освобождены от поставок государству мяса, шкур. Им были определены денежные пособия в размере в среднем 220 тугриков в месяц на человека, 30 тыс. тугриков в год и другие льготы. Их дети учились в интернатах при школах 8-летках (до 1971 г. — затем в школе-семилетке) в Улаан-Уул сомоне и средней школе в центре Ринчэн-Лхумбэ сомона.

Оба центра представляли собой обычные цивилизованные сомонные поселки, в которых были, в частности, поликлиники и стационары на 10 коек, квалифицированный медперсонал, отделения аймачной аптеки и, конечно, домики для цатанов.

Побывав в этих центрах, мы почувствовали, что государство заботится о своих кочевниках-оленоводах, старается приобщить их к нормальной оседлой жизни. На примере биографии нашего нового знакомого — начальника цеха в сомонной пекарне — можно увидеть, как менялась жизнь цатанов.

Донжингэ Ганжим родился в 1946 г. в шалаше. Родители имели 30 оленей и 3 лошади и кочевали по лесистым горам за озером Цагаан Нуур. Их уже нет в живых, но вот теща Ганжима по-прежнему пасет 10 своих оленей и 70, принадлежащих СХО «Счастливая жизнь», живет в лесу и кочует в 60 км от центра сомона Улаан-Уул.

В 7–8 лет наш знакомец пас овец одной монгольской семьи, его приютившей. Благодаря общению с монгольскими сверстниками овладел грамотой, работал на рыбозаводе, затем в СХО «Счастливая жизнь». В армию его призвали в 21 год,

когда он учился в 3-м классе школы. Служил в Улан-Баторе. После армии по путевке ревсомола был направлен работать на местный деревообрабатывающий комбинат. Там трудился 7 лет, обрел рабочую профессию крановщика, окончив месячные курсы.

В 1970 г. он вернулся в родной сомон Улаан-Уул, где возглавил цех в сомонной пекарне. Жена Чулууна трудилась в деревообрабатывающем цехе СХО Улаан-Уул. У них трое детей: старший сын, 5 лет, говорит на родном языке, младшие — понимают родную речь, но пока не говорят. У семьи 2 оленя, несколько овец и 3 лошади. Биография Чулууна — зеркало судьбы многих цатанов.

Из Ринчэн-Лхумбэ-сомона мы на Газ-69 доехали до реки Шигшид, переправились на плотах на другой берег, откуда на попутном грузовике добрались до рыбозавода на озере Цагаан Нуур.

На рыбозаводе

Озеро представляло собой цепочку водоемов разной величины, соединенных протоками и живописно окруженных густыми зарослями кустов и деревьев; протяженность 100 км и ширина — 50 км. Отсюда мы должны были ехать к цатанам, но чувствовалось, что монголы не испытывают особого желания пропустить нас к ним: мол, и дорога очень плохая, и 80 км можно проехать только верхом да с проводниками, и ночевать придется в лесу и т.п. Что же — насильно мил не будешь. Короче, мы все воскресенье, 15 августа, плавали на катере по озеру в обществе директора рыбозавода Пумцуг, завхоза Ламжава, главного инженера Сундуя и еще пятерых гостей завода, проводящих здесь свой отпуск. Остановку сделали в рыболовецкой бригаде в 8 км пути по воде от завода. Там мы неводом поймали тайменя и 5 крупных сига. Поставили на берегу две большие палатки и на костре сварили уху по-монгольски — без перца, лаврового листа, специй —

просто вода, соль и рыба. Но бульон получился вкуснейший, да и отварная рыба была не хуже. Это сказки, что монголы не едят рыбу — еще как едят! С большим удовольствием!

Заехали в аил овцевода дархата Гомбо, у которого за 130 тугриков купили барана на ужин. Худощавый, высокий, крепкий на вид, 65-летний Гомбо-гуай слыл знатоком местного края. Он поведал мне, что родина дархатов — Булганский аймак, у них 7 родов, как и у цатанов, что до революции они были шабинарами богдо-гэгэна, что они всегда поддерживали тесные торговые связи с цатанами. Хотя они традиционно шаманисты по вере, сейчас среди них много ламаистов, есть даже два хамбо-ламы (настоятеля монастыря).

Сам Гомбо — тертый калач: грамотен, знает немного русский язык, работал кузнецом, мебельщиком, бригадиром строителей. Он — друг академика Ринчэна, который не раз оставался в его юрте, знает он и этнографа Бадамхатана, умеет гадать на костях, предсказывать погоду.

Он производил впечатление умудренного жизнью человека: специфический дархатский говор, похожий на китайский язык, очки на носу, придававшие ему еще более серьезный вид.

10 августа мы с Галиной Ивановной почти целый день провели в палатке, лил дождь и был сильный ветер. У палатки оригинальная конструкция — она очень вместительная, 5–6 человек чувствуют себя здесь свободно, и можно стоять во весь рост. Я уговорил даргу Пунцага — веселого и общительного, довольно красивого мужчину, халха-монгола — сыграть в подкидного дурака. Он был очень азартен и потому почти весь день резался в карты, а вообще он по профессии кондитер, 2 года проходил стажировку на фабрике «Красный Октябрь» в Москве и Ленинграде, несколько лет заведовал кондитерским цехом на фабрике в Улан-Баторе. Но партия — а он член МНРП — сказала: надо ловить рыбу, и он уже 5 лет, как рыбачит на Цагаан-Нууре. По секрету сообщил мне, что в этом году собирается сбежать в родной Завханский аймак.

Я беседовал с водителем заводского катера. Он по специальности механик, обучался ремеслу в армии, а по национальности — метис, мать цатанка, а отец — урянхаец. Его сестра

и брат при демаркации границы между Тувой и Монголией в 1930 г. остались в Туве. Он все собирается к ним поехать. Мать живет в горах, в одном из звеньев (*сууре*) СХО, отсюда 60 км на лошадях. У него трое детей, зарплата 450 тугриков. Рассказал мне, что в этом же звене работает цатан, тувинец, некто Цэвэг, многие годы проживший в СССР, а затем принявший монгольское подданство.

К 7 часам вечера вернулись охотники за тарбаганами с добычей. Голодные, они кинулись жарить баранину и варить суп из нее и тарбагана, блестяще разделанного Пунцагом, в одном котле. Пунцаг-дарга объяснил мне, что у больных тарбаганов — разносчиков чумы — припухлые подушечки лапок и они красного цвета, а убитый тарбаган совершенно здоров. Я попробовал и бульон, и мясо сурка — баран вкуснее.

После ужина и быстрых сборов мы отплыли. Сказочно плыть по озеру в темноте, по сторонам причудливые очертания берегов, ощущение какой-то торжественности. Все в катере сидели молча, задумчиво. Но вот появился «гусиный остров» — место обитания черных гусей, кто-то заметил одного из них, большого и видно травмированного, — он не взлетел от звука мотора, а стал метаться в прибрежных кустах. И мгновенно катер ощерился почти десятком стволов, монголы сгрудились у одного борта и в охотничьем азарте, толкаясь и ставя ружья чуть ли не на плечи друг другу, открыли бешеную стрельбу по несчастной птице. Гуся, конечно, убили и захватили с собой, у него оказалось подбито одно крыло. А катер между тем вполне мог перевернуться, и жертв было бы не избежать, включая Галину Ивановну, — глубина здесь была 10–15 метров. Слава богу, все обошлось, и ночевали мы в своем поселке в гостинице рыбозавода.

На следующий день, 17 августа, с утра Пунцаг-гуай и главный инженер Сундуй-гуай, оба в хороших костюмах при галстуках, повели меня в директорском кабинете историю завода. В кабинете у стены — знамя, врученное Иркутским обкомом КПСС передовому предприятию в честь 50-летия Великого Октября.

Оказывается, рыбный промысел на Цагааг-Нууре существует с дореволюционных времен. Его вели как монголы, так и русские купцы и промышленники. Из тогдашней столицы

Монголии того времени Урги ловить рыбу приезжали ежегодно 9–10 сезонных партий. Русские предприниматели тоже активно промышляли здесь рыболовством: в канун и во время революции 1921 г. здесь работали 2 русские фирмы. Владелец одной из них, по словам Пунцага, весьма прогрессивный человек, был убит монголом, который до сих пор живет в Улан-Баторе. Вторая фирма — старинная, была основана неким Михаилом. Во время революции ею владел некий Андрей, промышлявший кроме рыбы пушниной. В 1921 г. его охрана вступила в бой с частями Красной Армии, 10 человек были убиты, а сам он взят в плен.

На заводе считают началом своей истории 1945 г., когда здесь впервые прошел сезонный рыбный промысел — хотя собственный небольшой заводик был пущен только 1 мая 1956 г. Подчинялся он пищекомбинату в Мурэне. А построили его в местечке Ончот в пади Хонголын ам, у реки Шигшид. И лишь в 1960 г. его переместили на современное место — на берегу озера Цагаан-Нуур. 1 апреля 1962 г. завод был передан в ведение Министерства легкой и пищевой промышленности, стал предприятием республиканского значения.

После кабинетной беседы пошли осматривать хозяйство завода: цех обработки рыбы, который действует только летом, а зимой рыбу не вялят, а просто замораживают и отправляют на экспорт, для внутренних нужд оставляют только по специальному заказу. Затем нам показали складские помещения, баню и, конечно, открытый в 1960 г. музей с богатой коллекцией предметов быта, одежды, утвари цатанов. Рядом с территорией рыбозавода, обнесенной забором, вырос целый поселок со зданиями начальной школы, детсада, яслей. Главное — появилась целая деревня (*тосгон*) — построенные в 1962 г. правительством Монголии 16 деревянных домиков, каждый на 2 семьи цатанов: 11 с одной стороны улицы и 5 — с другой. 20 семей цатанов жили здесь зимой, но в целом проблему перевода цатанов на оседлость это далеко не решило. В этом меняшний раз убедило знакомство и беседа после обеда с настоящим цатаном из цатанов, тем самым Цэвэгом, о котором мне рассказывал водитель катера вчера.

Крепкий мужчина с хитрым-прехитрым прищуром глаз, характерной бородкой и усами, желтыми зубами по краям в общем беззубого рта, он преодолел 60–70 км тяжелого спуска, чтобы повидать сыновей, работающих на рыбозаводе. После «обработки» в конторе он был представлен пред наши светлые очи.

Биография Цэвэга примечательна. Родился он в 1905 г. в пограничном Тонкинском хошуне в семье потомственного оленевода из рода Белый Коштал Оонакаевича. Сейчас в роду осталось примерно 20–30 семей (юрт), причем, за исключением Цэвэга и его младшего брата, сейчас все живут в Тувинской АССР в трех днях верховой езды от Цагаан-Нуура. В семье кроме Цэвэга было еще двое родных сыновей и четверо приемных детей. Сейчас в живых остались пятеро. Мать умерла в 1949 г. в Туве, отец — в 1969 г. — в Монголии, в Халха сомоне. Родители Цэвэга были свободными кочевниками, занимались оленеводством, охотой, сеяли немного картофеля. Часть родичей принимала активное участие в революционных событиях 1921 г. в Урянхайском крае.

После утверждения в Туве народной власти с 1924 по 1930 г. существовало свободное общение между населением пограничных районов: урянхайцы очень любили брать в жены дархаток и наоборот. После проведения в 1930 г. демаркационной линии переход границы был запрещен. Но в годы Отечественной войны тувинцам разрешалось в случае тяжелого материального положения откочевывать в пограничные районы МНР — при соответствующем оформлении документов. Отец и младший брат Цэвэга перешли в МНР, а он в период коллективизации вступил в колхоз и в годы войны выдвинулся в ответственного секретаря сомонного управления, затем 2 года работал заместителем начальника и 5 лет — начальником сомона в Туве. В 1947–1949 гг. был торговым агентом. Видимо, тогда возникли какие-то обстоятельства, которые заставили его внять содержащихся почти в каждом письме уговорам отца и брата переехать к ним.

И вот в 1949 г. Цэвэг решил. Бросив почти все, включая жену и сына, он тайком с тремя попутчиками пересек границу.

Целый год батрачил в аиле у богатого арата в районе Улаан-Уула, скрывался. В 1950 г. добрался до отца и брата и 6 лет жил с ними. В 1959 г. женился, обзавелся хозяйством — олени достались от жены — и переехал в район Цагаан-Нуура, нарожал 5 детей: 2 сына и дочь работают на заводе, один сын — в армии, младшая дочь перешла в 6-й класс.

В 1956 г. была проведена перепись цатанов, и в 1957 г. Цэвэг получил паспорт гражданина МНР. В том же году цатанам была впервые оказана единовременная государственная помощь: бесплатно выданы ружья, патроны, одежда, утварь, определены пособия.

В 1959 г. Цэвэг вступил в СХО «Алтан Зам» («Золотая дорога»), но работал там не постоянно, а периодически, причем в основном на подсобных промыслах: сенокос, рубка дров, охота. А так он по статусу — единоличник: у него 52 оленя и лошадь. Живет в тайге, в *суури* (звене), где 7 шалашей, без кроватей, без печки — костер, кошма. Перекочевывают каждые 15 дней, зимой олени зарываются в снег и набирают вес, а при малом снеге — тащатся далеко и худеют.

В 1961 г. цатаны заняли все 16 домиков, построенных для них правительством, и не кочевали. Но вскоре среди них начался раскол: 6 семей, преимущественно молодежь, согласились стать рабочими рыбозавода, остальным было предложено оставаться членами СХО «Золотая дорога». Они, кроме двух семей, отказались от этого предложения и тоже записались рабочими завода, но скоро снова вернулись к своим шалашам, в леса. Домики — это, конечно, прогресс, это даже шаг к полуюседлому образу жизни.

С образованием плохо у всех, а их около 46 человек, выше начального образования ни у кого. Очень распространены вера в *онгонов* — различных духов и шаманизм.

Цэвэг пьет портвейн, ест гуся, причем, поднимая рюмку, каждый раз надевает кепку. Он образован, знает латинскую письменность, кириллицу, хорошо понимает и говорит по-русски.

Беседу прерывает сообщение, что из Ринчэн-Лхумбэ вылетел самолет, который через 15 минут должен был быть здесь, но,

увы, полетел прямо в Мурэн. Таким образом, нам предстояло спокойно попрощаться с Пунцагом и его командой и улететь на следующий день в город, в наш гостиничный номер.

Поездка на озеро Хувсугул

Мурэн встретил нас жарой и семинаром учителей, проходившим в здании школы-десятилетки. На нем присутствовало почти все аймачное начальство. Мы с трудом договорились о машине по безналичному расчету на завтра в Хатгал. Каждый раз клянчить машину на этих условиях было неловко, неудобно. Тем более досадно, что деньги в Академии для наших передвижений были: на каждого стажера — 5 тысяч тугриков.

После семинара был беглый объезд города, знакомство с типографией, редакцией газеты «Эрх Чөлөө» («Право»), посещение объединенной больницы, открытой в канун праздника — ее только осваивали, многие палаты были еще закрыты, и поскольку для нас не нашлось лишних двух халатов, осмотр не состоялся. Была закрыта и душевая, но главврач обещал пустить нас помыться вечером.

В городе 4 детсада, начальная, 8-летняя и 10-летняя школы, 7 столовых и много магазинов, спортивный зал, мясобойный и мукомольный комбинаты, кварталы хашанов и 3 улицы в центре с каменными и деревянными жилыми домами. В хашанах, т. е. дворах, обнесенных заборами, как правило, деревянный домик или сарайчик, юрта, телеги.

В целом Мурэн производил впечатление вполне благополучного аймачного центра; вечером мы смогли-таки смыть дорожную грязь в больничной душевой.

Следующий день мы провели в Хатгале — большом поселке со статусом города и даже городской управой. Расположен на берегу южного залива озера Хувсугул. Достопримечательность городка — продолжавшая действовать с 30-х годов шерстомойная фабрика — первенец, наряду с Уланбаторским промкомбинатом, монгольской индустриализации. Мы посетили

фабрику, беседовали с заместителем ее директора У. Дугаржавом. Потомственный рабочий с 25-летним стажем, он не скрывал трудностей: давно устаревшее оборудование выпуска 1931 — 1933 гг., ручной труд, низкое качество шерсти, антисанитария. Особенно архаично выглядела электростанция при фабрике: динамомашинка, дедовский паровой котел, топка, загружаемая огромными поленьями.

Зато новая нефтебаза с четырьмя резервуарами по 600 т каждый, сданная в эксплуатацию в канун праздника 50-летия революции, со своими складами масла и запчастей, выглядела вполне современно.

И конечно, впечатление производил причал, где у недавно заасфальтированного пирса были пришвартованы крупный буксирный пароход «Сухэ-Батор» и две баржи: одна нефтеналивная — «Ургац» («Урожай»), другая сухогрузная — «Долгион» («Волна»).

В Хатгале работала старейшая торгово-перевалочная база с отделениями в Турку (Ханха) и Бор Бургас. Расстояние от Хатгала — 155 и 180 км соответственно. Летом все грузы везут по воде, зимой — на машинах и санях по льду. Эти сведения нам сообщил директор перевалочной базы Д. Гэндэн-сурэн. Он в этой должности с марта 1971 г., а сейчас, когда все государственные и партийные руководители в отпуске, он главный начальник в городе.

После осмотра Хатгала возвращаемся в маленькую, уютную гостиницу: четыре комнаты на две-три кровати, два общежития, заполненные отпускниками, которые остановились здесь по пути в дом отдыха республиканского значения Баян-Уул. Нас поселили в трехкомнатном номере, по соседству с таким же номером, где вечером поселился прилетевший из Мурэна наш торгпред Николай Алексеевич Симагин с двумя сотрудниками. Туда сразу же потащили чашу с кумысом, «Архи», «Долгион» (водка местного производства), мясо и прочие восточные яства. А мы опять наслаждаемся чистейшим бельем: номер предназначался замминистра торговли МНР, но тот где-то застрял.

Отвратительная погода 20 августа: сыро, холодно, все в тумане, надо сидеть и ждать сигнал с парохода. Гудок раздался

около 20 часов, когда на улице просветлело. На причале — суэта, много разных людей, пробираясь сквозь толпу, матросы, их около 20 человек, тащат на борт какие-то коробки, арматуру, бидоны, мешки с зерном, картофелем и т. п.

Пароход двухпалубный, буксир по назначению, но приспособлен и для перевозки пассажиров — 8 трюмо-мест на 16 человек, на первой палубе одна каюта на четыре человека, на второй — каюты I класса для капитана и почетных гостей. Галина Ивановна пошла в каюту, а мне постелили на скамейке в носовой части парохода, чему я был очень рад — в каютах тесно.

Корабль располагает двумя 12-местными шлюпками, но вот спасательных кругов я не видел, хотя убежден, что большинство матросов не умеет плавать.

Пароход построен в 1955 г., в эксплуатации — с 1956 г. Первым капитаном был Чадраавал, отец нынешнего командира Бата — стройного, высокого выпускника астраханского морского училища; он уже три года на этом посту. Сумятица на пирсе, какой-то подвыпивший монгол спрашивает у меня, где у парохода зад, а где перед. Наконец пароход плавно отчаливает от берега, ведя за собой нефтеналивную и сухогрузную баржи и спокойно движется по узкому горлу залива протяженностью 9 км к выходу на просторы озера Хубсугула.

Жалко, что темно, да и холодно. Согреваюсь в рулевой рубке, куда меня пригласил капитан и где я познакомился с торгпредом Николаем Алексеевичем Симагиным — весьма скромным и приветливым человеком. Рубка оборудована по последнему слову техники. Капитан сообщает, что пароход и три баржи — нефтеналивная и две сухогрузные, «Долгион» и «Хувьсгал» («Революция»), в течение навигации, которая продолжается с середины июня по первое декабря, перевозят 23–24 тысячи т груза и приносят государству 1 млн тугриков чистого дохода. Механизация погрузочно-разгрузочных работ пока в Хадгале и Турку слабовата, на самих баржах дело обстоит лучше.

Итак, ночь в монгольском море! В Ханху прибываем утром, в 8 часов. Это «морской» поселок, деревянные домики, склады,

магазины в два ряда жмутся к кромке воды, между ними проезжая дорога шириной в несколько метров ведет к границе, до которой 22 км, а до станции Култу на Транссибирской магистрали — 242 км.

Н. А. Симагина и его спутников встречает местное начальство и, «прихватив» нас, как бедных родственников, отвозит в гостиницу — находящийся в просторном хашане маленький домик в две комнаты с печкой; там же стоят еще три юрты: председателя сомона СХО, секретаря партийкеи и бухгалтера. Хозяйка гостиницы — жена сомонного дарги, веселая, разбитная дархатка — тотчас же моет пол, разжигает печь, готовит чай, кипяченую воду и прочее. Но я иду в сомонное управление, где веду беседу с секретарем местной ячейки МНРП Дондогуаем. Это пожилой человек, 15 лет на партийной работе, выпускник Высшей партийной школы, очень доброжелательный.

От него я узнал, что история Турку началась с проектов строительства города на этом месте, разработанных до революции несколькими русскими фирмами. Они здесь даже начали уже засыпать берег, но ничего из этого не получилось, разве что появились «гнездовые цапли».

Сейчас изучением возможностей развития в Турку промышленного районного промысла и использования месторождений фосфоритов в районе озера Хубсугул занимается, в частности, экспедиционный отряд Иркутского госуниверситета в составе 60 человек — будущих географов, геофизиков, ихтиологов, биологов, — уже второй год приезжающих сюда на лето.

Нам показали лагерь отряда — это большой двухкомнатный барак, уставленный раскладушками и лабораторным оборудованием, ведрами, приборами и т. п. В распоряжении экспедиции были пять лодок, катера с моторами. Но пищу ее участники готовили преимущественно на костре. Исследования о возможностях промышленного отлова рыбы на Хубсугуле продолжаются.

Турку вообще — райское место, шедевр монгольской природы. Чистый морской воздух, прозрачные, кристально-изумрудные воды Хубсугульского моря, живописные окрестности, а вдали — снежные вершины Восточных Саян с их

царственной горой Мунх Сардыг — 3800 м над уровнем моря. Монголы зовут гору Бурэнхан. Эта вершина делит Саяны на Восточную и Западную части. И леса, леса вокруг.

Не успели как следует отдохнуть в гостинице, как в 21 час раздался первый пароходный гудок. Идем пешком на корабль, опять сутолока на причале, опять кто-то спрашивает, один ли шофер управляет этой машиной. «Сухэ-Батор» на сей раз тянет две сухогрузные баржи. А мой уголок забит детворой. Сплю в четырехместной каюте на второй полке — с разными соседями. Душно. За этот ночлег пришлось заплатить 27,5 тугриков.

22 августа утром причаливаем к пирсу Хатгала — все, прогулка по монгольскому морю закончилась.

Помимо ярких впечатлений об озере и двух портовых городах было приятно наблюдать, с каким почтением относились к официальному советскому представителю и как сдержанно и тактично он себя вел.

На попутке добираемся до знакомой гостиницы. Там застаем тех же веселых монгольских парней: оказывается, они вовсе не отпускники, а проектировщики из проектного института, восстанавливающие смытый наводнением мост через Эгийн-гол. Их начальник с бритой головой, загорелый здоровяк, 6 лет проучившийся в Будапештском технологическом институте, самостоятельно учит английский язык и со мной здоровался только по-английски, внятно выговаривая *good day* и *good morning*. Интересуется иностранной литературой по Монголии, спрашивает о книге Светланы Сталиной и пр. При этом он запросто расхаживал по гостинице либо нагишом, либо в плавках, либо в джинсах и панаме. Его помощник, симпатичный кудряш, тоже ходил постоянно полуобнаженным. Начальник — явный сибарит, ему 40 лет, но ни жены, ни детей иметь не желает. В той же компании — благообразный старичок и еще пара сотрудников их института. Здесь уже 20 дней, 25 августа уедут. Едят купленного за 140 тугриков барана, загорают, спят и опять загорают.

К 16 часам нам нашли попутный грузовик в Мурэн, и мы стремглав бросаемся в кузов, я даже пиджак забыл в

гостинице. Через три часа яркой и красивой дороги мы были в Мурэне в своем трехкоечном номере. Проходя по коридору, я заметил, что в другой такой же номер из столовой несут блюда с едой, а в приоткрытые двери я увидел Володю Грайворонского, принимавшего гостей-ревсомольцев. Последовали приветствия, объятия, а потом, когда гости ушли, мы втроем засиделись далеко за полночь, рассказывая друг другу о наших путешествиях. Владимир Викторович с 6 по 20 августа ездил с польскими этнографами по Булганскому аймаку, сейчас направлялся в Кобдо и оттуда в Увс. На следующий день — 23 августа — Володя уехал, вернув мне 200 тугриков долга и вручив драгоценный подарок — воблю.

К пещере

А наш путь лежал на правобережье Хубсугула, в сомон Цагаан Уурь, но отправились мы туда лишь через день после отъезда Грайворонского, так как выяснилось, что ни один из двух аэродромов в сомоне не мог принимать самолеты: один был залит водой после наводнения, а другой — покрыт копнами свежескошенной травы: был сенокос, и косили все, что можно.

Взлетели мы на огромном военно-транспортном вертолете МИ-6. С пятью летчиками и их командиром-подполковником мы познакомились накануне вечером и даже получили приглашение на уху, но у нас была своя «evening party». Вертолет был направлен в Мурэн в связи со стихийным бедствием — проливными дождями и наводнением — для снабжения продовольствием и другими необходимыми вещами населения отдаленных сомонов, включая Цагаан Уурь. Это целый товарный вагон, крупнее его только МИ-12, который пока в эксплуатацию еще не запущен.

Впечатление потрясающее: внутрь может запросто въехать автобус, троллейбус, грузовик. Когда поднимались, грохот стоял оглушительный, а винт поднял целый вихрь песка,

пыли, трясло так, что летели на каком-то особом режиме, бог его знает. Внизу — пелена тумана и облаков, вроде перины. Землю совершенно не было видно, только пики гор торчали как копья, и казалось, вот-вот заденут, оцарапают днище.

В салоне, вернее, в вагоне — только бортмеханик, а вся команда — в кабине. Летели 45 минут, потом началось приземление. Вертолет шел по ущелью, пробивал облака, прошел над какими-то убогими строениями и сел на довольно мокрой площадке в 15 км от центра сомона. Летчики вышли, закурили. У них впереди еще два рейса — в Чандамань-сомон и на какой-то завод.

Через некоторое время к вертолету подъехал ГАЗ-69, там — сомонный дарга Жамц, секретарь ячейки МНРП Лхагвасурэн и два представителя из аймака: зав. сельхозотделом исполкома и председатель Совета СХО. Знакомимся, начальники оповещены о нашем приезде и отвозят нас в гостиницу: деревянный дом с двумя параллельными флигелями, в одном — столовая, в другом — две комнаты: одна, проходная, на 5 кроватей для представителей аймачного комитета и одна, задняя, на 3 кровати — для нас.

Весь центр заполнен деревянными и бревенчатыми домами: школы, детсады, метеостанции, промтоварные и продовольственные магазины, почта и др. Юрт нет, в них живут зимой.

Жилые дома построены бессистемно, разделены речкой Баян-гол и многочисленными ручьями, канавами, рвами, протянувшимися на два-три квартала. В столовой тут же дежурная горничная, хозяйка (все в одном лице), пожилая бурятка в белом больничном халате затапливает печку, приносит *урум* (взбитые пенки — вместо масла), хлеб, чай, а затем — и вкусную лапшу с говядиной и какой-то приятной травкой.

К 10 часам пришли Жамц и Лхагвасурэн. Жамц — мужчина в годах, с умудренным жизнью лицом, всего 2 дня, как заступил на должность председателя сомона и СХО «Цог» «Огонек» в связи с неожиданной смертью предыдущего дарги. До этого он работал председателем Чандамань-сомона.

Лхагвасурэн держался как-то напряженно. Дарги спешили на заседание сомонного хурала депутатов трудящихся,

на котором должна была состояться презентация нового председателя депутатам хурала. И потому я только информировал их, что главная цель нашей поездки — посещение знаменитой сакральной пещеры Даян Дээрхийн агуй; мы договорились еще встретиться в 12 часов после заседания хурала и обговорить все детали нашего путешествия.

В перерыве приходила девушка-бурятка — фельдшер местной амбулатории — и принесла *танилцуулги* — справочные сведения о сомоне и СХО. Она работает здесь всего год, после окончания медицинского техникума в Улан-Баторе, собирает-ся через 2 года поступать в медицинский институт.

Точно в 12 часов появляются дарги, они немного дополняют сведения о сомоне и СХО, которые содержались в кратких путеводителях. Они предупреждают, что дорога к пещере трудная, лесная, проехать можно только верхом на лошадях, причем нужно будет перейти через реку.

Мы решили — едем после обеда, сопровождать Галину Ивановну поручили заместителю парторга Сэрэну, а меня — освобожденному секретарю ревсомольской ячейки Дэмиду — выпускнику Одесского артиллерийского училища, который 7 лет прослужил в армии и демобилизовался в связи со смертью родителей. Он женат, имеет 5-летнего сына, жена — заведующая сомонной библиотекой (4 тысячи книг).

У Сэрэна открытое, хорошее лицо спокойного, уверенного в себе человека. У Дэмида — лицо разбойника, но удивительные зеленые продолговатые глаза и приятная улыбка. Он в 1972 г. поедет на 3 года в Центральную комсомольскую школу в Москве. Он хорошо рисует, пишет стихи, говорит по-русски. Смелый, добрый, душевный парень. Про себя говорит: «Я — сын Доржа» (*Доржийн хуу*; Дорж — в то время министр обороны). Сэрэн более сдержан, замкнут.

До обеда нам подобрали лошадей, мне привели коня по кличке Цагаан Ундур, как сказал Дэмид, спокойного как «стол» (*ширээ шиг номхон морь*) с бурятским седлом и немного разными по длине стремянами. Гале тоже дали белую лошадь под какой-то странной кличкой Улаан Бууда (Пшеница). Сэрэн гарцевал на могучем гнедом иноходце, Дэмид —

на жеребце коричневой масти. Оба — с серебряными уздечками.

Наконец все готово, и провожаемые толпой любопытствующих, оживленных и улыбающихся жителей сомона мы в 14 часов тронулись в путь. Сопровождали нас все дарги и все верхом, так как предстояла опасная переправа через далеко не успокоившуюся после паводка реку — Угийн-гол в 5 км от центра сомона. Глубина — по грудь лошади, но переправа прошла благополучно. Правда, кружилась голова, казалось, быстрое течение вот-вот снесет тебя вместе с лошастью.

Проехали рошу, затем двинулись по долине. Впереди 20 км лесной дороги, настоящей тайги, кругом бурелом, лиственницы, березы, сосны. Ехали рысцей, по довольно широкой просеке, но при въезде в долину у еще одной реки — Уялген-гола — пошел дождь. Над долиной — тяжелые грозовые тучи, а время 8 часов вечера, сумерки, холодно, сыро. Решили заночевать, остановились у айла пастуха Доржпалам. Здесь это не юрта, а деревянный дом с плоской крышей. Дом типа сарая с кое-как сколоченными стенами. Хозяин встретил приветливо, он член объединения «Цог», передовой скотовод, жена Хандсурэн — доярка, взрослая дочь и маленький прихворнувший сынишка — вот и вся семья. В доме — интерьер юрты: 4 *авдара* (сундука) в *хойморе* (почетная северная сторона), в левой половине две кровати, у входа — постельные принадлежности, пожитки; в правой — детская кроватка и хозяйственные вещи. На потолке подвешены связки *ааруула* — сушеного мяса. Сквозь большие щели в потолке по стенам просачивается вода. Пол земляной, на задней половине войлочные матрасы, железная печь топится дровами. Доржпалам пасет 250 голов общественного скота, дом построен 20 лет тому назад, и это чувствуется — за шиворот падают капли воды. Но от печки идет тепло, чай вкусный, свежайшего ааруула и урума — полно. Угощаемся *шимийн архи* — это молочный самогон, абсолютно чистый, без всяких примесей и запахов, единственный недостаток, а скорее, и достоинство — мало градусов, вроде пива — и замечательной лапшой с мясом косули: хозяин недавно подстрелил двух косуль, вот и угощает.

Хандсурэн сделала мясо для лапши, поджаренное на сале, — очень вкусно. И спать — на кроватях под тонким, но из верблюжьей шерсти одеялом, и потому очень теплым. После 25 км скачки ложе прекрасное. Сэрэн, Дэмид и хозяйка легли спать на полу — это очень неловко, но таков обычай.

26 августа. Чистый воздух и глубокий сон до 5 утра. Хандсурэн встала в 4 утра, затопила печь, сварила свежий чай. А Доржпалам спал на кровати вместе с сыном как ни в чем не бывало. На дворе — злая собака лаяла спозаранку, боязно было выходить. Тем не менее, в 6 часов выехали. Все вокруг в тумане, но без дождя. Двигаемся опять в сторону леса мимо палатки и хозяйственных строений аила Доржпалама и амбарчиков других аилов. Сэрэн отделяется и мчится за проводником. Ундур Цагаан идет шагом, видно, еще окончательно не проснулся. У опушки нас догнал Сэрэн вместе с проводником — местным аратом, хорошо знавшим дорогу в пещеру. Въехали в лес и, продираясь сквозь ветки деревьев, двинулись то рысью, то шагом к перевалу Тарбаган Даваа. Он крут, болотист, спуск скользкий. Но места вокруг — загляденье: пихты, лиственницы, какие-то красные травы и цветы, поляны, горы — мечта! Переезд через горные речки, через бурную реку Дээрхийнгол, и вот уже мы в ущелье Сайхан перед хребтом Алтан. Туман совсем рассеялся, и вся округа предстала во всей своей неповторимой красоте. Лучших мест я в Монголии не видел. Увы, проезжей дороги нет. Лошадь то по колено утопала в болотистой жиже, то преодолевала завалы, но красота, повторяю, была неописуемая. Впереди уже стала видна почти квадратная дыра на склоне горы — вход в пещеру, который издали казался искусственным, специально придуманным. Склон очень крутой, поднялись до середины горы, потом спешились и вели лошадей на поводу по тропе, проложенной тысячами паломников и лам. Почти дошли до входа и остановились.

В стороне и ниже входа большое *обо* (сакральная насыпь в виде холма) с деревянной скульптурой всадника — духа пещеры, с ободранными, обветшалыми иконами — с изображениями Будды, тибетскими письменами, лентами хадаками, бусами, четками, денежными купюрами и множеством монет.

Вот где могли здорово пожитья Миша и Шинэху. А у самого входа — скромное *обо* из камней. За входным отверстием каменный зал с закопченным потолком. Видно, немало церемоний выдержал он, когда горели лампы, ламы молились, паломники жгли факелы, палили костры, в жертву приносили баранов, коз, коров.

А на полу, сразу за входом — огромная лужа от растаявшего снега — его остатки еще сохранились на той стороне. Первым в резиновых охотничьих сапогах пошел Сэрэн, он скоро вернулся, не повернув к углублению, где стояла деревянная лестница высотой 10 метров. Затем в его сапогах пошел я, поднялся по лестнице до конца, но уперся в гладкую отвесную стену. Проход был где-то слева, но до него не добраться. Пришлось вернуться. Удачливым оказался Дэвид — он обнаружил на выступе справа от большой еще одну короткую лестницу, которая вела к узкому проходу.

Пошли вдвоем. Я перенес его через лужу на спине. Залезли наверх по первой лестнице. Оттуда — по второй лестнице и с нее по выступу к проходу. Продрались через него, попали, видно, на один из главных проходов, который вел вниз с впадинами по сторонам, с обрывами. Проход настолько узок, что приходилось местами буквально передвигаться по-пластунски, местами спускаться на руках.

Таким манером добрались до места, откуда можно только ползти. Тьма кромешная, фонарь и свечка слабо освещали дорогу. Сыро, скользко, темно. Решаем возвращаться, но попали в отсек, который явно вел не к выходу. И тут пришло странное чувство растерянности и страха: ведь здесь пара пустяков заблудиться и никогда не выбраться. Чувство потерянности, оторванности от всего живого, от внешнего мира — потрясающее. Дэвид — мой бесстрашный, заботливый проводник — на какое-то время потерялся. В его голосе слышались тревога и боязнь.

Слава богу, мы нашли дорогу и стали взбираться круто вверх через множество препятствий. Через 40 минут мы добрались до лестниц. А всего провели в пещере почти полтора часа, прошли метров 500. Ходили легенды, что один лама

провел в пещере целый месяц, что за неделю по ней можно выйти на территорию России, что никто еще не добирался до ее конца. Не знаю, насколько это все достоверно. Могу только сказать, что там действительно страшно и что проход очень тяжелый.

Я могу считать себя одним из первопроходцев среди монголистов, которые побывали в пещере Дээрхийн агуй. До меня это были только немец Шуберт, чех П. Поуха и монгол Ринчэн Бимбаев. Итак, к 12.30 выбрались к свету, к солнцу, к неземной красоте хребта Сайхан. Где-то далеко внизу развалины небольшого храма, от него дорога тянется извилисто к входу в пещеру. Рассказывают, что еще до Чингисхановских времен здесь скрывался и умер некто из тюркских батыров Лхачин. В перерождении он получил имя Дээрх. Отсюда и название пещеры и ближайшего монастыря, основанного одним из первых монгольских хамбо-лам. Основатель умер примерно в 1914 г. А в 1937 г. монастырь был сожжен, ламы рассеяны. До ламаистов пещеру эксплуатировали шаманы.

Обратный путь занял почти целый день. После лапши с костра выехали часа в 2 дня, под конец попали под дождь, промокли до костей и в 10 часов вечера в полном изнеможении добрались до гостиницы. Там все были потрясены нашим подвижничеством: никто раньше чем на третьи сутки нас не ждал. Еще бы, за два дня мы проехали 100 км, причем сегодня все 75 км. Рысью и шагом, по болотам и через чащобы, через 4 переправы — на реках Бургултайн-гол, Уялган-гол и Дээрхийн-гол, через два перевала, вверх и вниз по горе Сайхан — я был поражен, как Галя смогла все это выдержать! У меня лично болело все от макушки до пяток.

На следующий день, 24 августа, думал, что не встану. Встал и провел день весьма активно: утром прибежал Дэмид и потащил нас осматривать достопримечательности центра сомона Цагаан Урь. Несколько лет назад на территории сомона упал зонд геофизической экспедиции со всеми приборами, арапы разобрали его на личные и общественные нужды. Дэмид завладел пластиком и, будучи умельцем, сделал из него доску почета.

По дороге к нам присоединился молодой парень городского вида. Он с высшим образованием, работает и живет в Улан-Баторе. Проводил здесь свой отпуск вместе с очаровательным сыном-малюткой, просрочил отпуск на 7 дней — никак не мог выбраться отсюда. Беседуем на общие темы, а главное — любуемся окрестностями Цагаан Урь, действительно достойного места для отдыха. Пожалуй, это самый красивый сомон из всех виденных мною за время разъездов.

Возвращаемся в гостиницу, чтобы, сидя на завалинке, коптить свое брненное тело и писать дневник, предварительно пообедав с бутылкой противного «Долгиона», который, не обладая достоинствами архи, был еще менее крепок.

Угощаем дежурную и зампреда сомона. А на завалинке ко мне присоединяется небольшого роста мужчинка в *дэли* и кожаной кепочке, лицом — ну чисто Лука из пьесы «На дне» М. Горького. Он заведует здесь местным метеопунктом, капитан в отставке, долгие годы служил на границе с Китаем в Гоби-Алтайском аймаке.

Он рассказал интересные подробности об известном монголо-китайском конфликте 1945–1946 гг., который послужил формальным предлогом для отказа Монголии в приеме в ООН в 1945 г.

Оказывается, казахская банда Османа, орудовавшая в приграничье с Синьцзяном, насчитывала 500 сабель и одно время была в прекрасных отношениях с монгольскими властями. Сам Дорж — в то время начальник погранохраны на западной границе, а сейчас генерал-полковник, министр обороны МНР — принимал Османа в Кобдо, заключил с ним соглашение, по которому монголы передали атаману немало оружия. Затем Осман ушел в Синьцзян, и только после его неожиданного возвращения и начала грабежей, что было расценено как предательство, монгольские армейские части окружили его и уничтожили. А боевые действия МНР на границе с Китаем привели к обвинениям МНР в агрессии.

Далее местный Лука высказал ряд любопытных соображений о текущей жизни в худоне: ныне, мол, все уравнины, нет богачей, владевших когда-то тысячами голов скота, нет богатых

караванщиков, нет богатых монастырей и т.д. В голосе Луки чувствовалась не тоска, но явная грусть по ушедшим навеки временам. Правда, он признал, что все-таки 100 голов скота можно иметь в личном хозяйстве (в Хангайской зоне — только 50), что за домик, в котором он живет, берут всего 25 тугриков в год и за топливо 35 тугриков. Однако в былые времена были многодневные надомы, скачки. Люди ходили в национальной одежде, была вольная жизнь. Увы, все ушло. Я смотрел на Луку и видел в его лице типичного, всегдашнего крестьянина с его мечтой о легкой, свободной жизни и без родного коллектива.

Наша беседа продолжалась до 3 часов, когда из отделения связи прибежал мальчишка и передал, что из Мурэна вылетели 2 самолета и скоро будут здесь. И тут появился Дэвид с зампредом и ответственным секретарем сомонного управления — смешным толстячком в запятнанном светлом костюме. Сэрэн с утра уехал на сенокос и передавал привет — толстячок как раз вернулся оттуда. Познакомившись со мной, он сказал, что хочет поговорить. Пришлось идти в комнату. Разговор состоялся простой: ответственный секретарь извлек из сумки злополучный «Долгион» от зампреда, потом еще один — от себя, и мы вчетвером «оживленно побеседовали» без всякой закуски. Оказалось, что толстячок и есть владелец «Ундур Цагаана» и кобылы, на которой ехала Галина Ивановна. Он быстро захмелел, глазки оживились и забегали, и он сообщил, что собирается бежать отсюда в родной Шинэ-Идэр-сомон.

Между тем к гостинице подкатил грузовик, набитый людьми, и мы спешно погрузились и поехали на аэродром, тем более что в небе уже появились два самолета АН-2. Они сели на старый, еще не совсем просохший аэродром, а на новом по-прежнему лежали валки сена. На аэродроме собралось почти все население центра сомона. Летчики оказались знакомые; и мы поздоровались за руку: с одним мы летели из Уула в Ринчэн-Лхумбэ, с другими — из Цагаан Нуура в Мурэн. Командир-капитан обошел поле и сказал, что, по его мнению, почва — не подходящая для взлета. На мой непросветленный взгляд — вполне нормальная. Наш вертолет увязал значительно глубже. Неужели летчики так неуверены в себе?

Ведь АН-2 должен, вроде бы, садиться и взлетать где угодно. Но им виднее.

После рекогносцировки местности командир объявил народу, что его самолет возьмет только нас двоих, а второй — аймачное начальство — наших соседей по гостинице, т. е. тоже двоих.

Очень я переживал за уланбаторца с ребенком — такой очаровательный малыш, да и папа, несмотря на молодость, необыкновенно, трогательно заботливый. Он, несмотря на запрет, сел в самолет, первый самолет взлетел, наш капитан завел мотор, но потом заупряился: «Сказал — не возьму, значит, не возьму» и потребовал, чтобы молодой человек покинул самолет. У того в глазах мольба, молчать мне, конечно, было подло, но я иностранец, Галина Ивановна тоже как в рот воды набрала. В итоге парень сошел, а мы преспокойно взлетели, могли бы вполне захватить его, тем более что он такой худенький, ничего не весит. И вещей всего сумка и небольшой мешок. Типичный пример того, когда из принципа поступают не по-человечески.

В Цагаан Урь остались друзья, на прощание подарил Дэмиду пачку сигарет «Fillip Morris», он радовался как ребенок, а Сэрэну — бутылку нашей водки. Дэмид собирается организовать молодежный поход в пещеру, а результаты переслать в ЦК Ревсомола.

Самолет летел быстро, и меньше чем через час мы приземлились рядом с нашим громадным вертолетом. Вертолетчики оказали нам последнюю услугу — подбросили на санитарно-транспортной машине к гостинице, где наступил желанный отдых.

На следующий день, 28 августа, я попрощался с Галиной Ивановной — она еще вчера вечером почувствовала недомогание и решила вернуться в Улан-Батор.

Должен сказать, что всю дорогу я восхищался мужеством и терпением, с какими она переносила все тяготы нашего пути, как спокойно выслушивала мои беседы с монголами и как вообще вела себя очень достойно, вызывая уважение и расположение всех, с кем пришлось нам общаться.

Все остальные путешествия по стране в 1971 г., а их было немало, я совершил в одиночестве.

Начались они 28 сентября в кабине мощного бензовоза ЗИЛ-730, перевозившего 6 тысяч литров горючего из нефтеналивной базы в Хатгале в Улясутай — центр Завханского аймака, на расстояние 570 км.

В Мурэне у бензовоза была первая остановка для перезаправки, и второй секретарь аймачного комитета МНРП Хубсугульского аймака Гэлэн распорядился определить меня в попутчики шоферу бензовоза. Кабина просторная, там спокойно разместились мои чемодан и сумка, и в 13 часов дня мы тронулись в путь.

Дорога Мурэн — Улясутай

Едем знакомой дорогой к переправе через реку Мурэн у Бурэн-Тогтох-сомона. 18 дней тому назад я здесь не стал дожидаться парома и переплыл реку Мурэн на удивление всего честного народа, ожидавшего переправы. Но на этот раз я спокойно переправился в кабине бензовоза. От парома дорога сворачивает в живописную долину, которую я не сразу, но постепенно начинаю узнавать. Да, именно здесь наш экспедиционный грузовик подвез нас к Мурэн-голу. А когда бензовоз начинал взбираться в гору, я окончательно все узнал: это перевал Цагаан Бургас, здесь наша машина застряла, здесь Шинэху и Миша провели обряд «обо», т.е. собрали жертвенные монетки с обо, ритуального искусственного холмика. Все правильно, все повторяется, только прошло немало времени, трава пожелтела, дует холодный ветер. Короче, уже осень.

От перевала поворачиваем в сторону Бурэнхан-сомона все еще Хувсугульского аймака. Дорога хорошая, машина катит ровно, в кабине нет той удручающей тряски, что в ГАЗ-69.

Знакомлюсь с шофером. Его зовут Дашдонров, он уроженец Завханского аймака. Родители были до революции шабинарами Дэлиб-хутухты, монастырь, который был где-то во владениях хана Намнансурэна — видного политического деятеля времен автономии — ныне Завханского аймака. В семье было

пятеро детей — четыре мальчика и одна девочка. Дашдонров «унаган хуу» — старший сын; один его брат служит в армии, другой — студент IV курса Монгольского университета, третий — арат-скотовод, его сестра — медицинская сестра. Родители живы, работают и живут в СХО. Сам Дашдонров — здоровяк в вельветовом пиджаке и штанах, борец, бывший сомонный *заан* (слон). Это почетное спортивное звание получил, трижды став победителем в соревнованиях по национальной борьбе на сомонных надомиах, занимал 2-е и 3-е места на аймачных соревнованиях борцов.

У него за спиной 4 класса начальной школы и служба в столичном гарнизоне. Был в почетном карауле в 1960 г. во время приезда в страну китайского премьера Чжоу Эньлая, а в 1956 г., переодетый в гражданское, принимал участие в драке с китайскими рабочими у вокзала в Улан-Баторе. Говорит, что зачинщиками драки были местные жители, которые притащили даже ломы и топоры, а поводом стало высокомерное отношение китайцев к монголам, их издевательства над ними. С 1964 г. Дашдонров работает шофером на бензовозе на 24-й Хатгальской автобазе. Там же и живет в юрте с семьей: жена без образования, работает уборщицей, два сына-школьника и дочь-малолетка.

Зарабатывает в среднем 1000 тугриков. В зимнее время за перевозки грузов по льду Хувсугула платят по повышенному тарифу, шоферы базы получают до 4 тысяч тугриков. За прицеп тоже положен повышенный коэффициент. Отпуск — 26 дней в году.

Летом 2 раза в неделю возит дизельное топливо в Улясутай из Хатгала. Это три дня пути — 570 км. Обрато едет порожняком. ЗИЛ-130 получил в 1968 г. Все эти машины-цистерны сосредоточены на автобазе в Хатгале, которая обслуживает два аймака — Хувсугульский и Завханский.

Такова производственная биография шофера Дашдонрова, которому я был, прямо скажем, навязан в попутчики. Во всем этом не было бы ничего необычного, если бы Дашдонров не оказался самоучкой-энциклопедистом. Интересовался он буквально всем: от космоса и телепатии до биографии

Гитлера и проблем христианства и положения церкви в СССР. Свои знания он черпает в основном из кинофильмов, радиопередач и каких-то детских книжонок. Он буквально замутил меня вопросами: почему Гитлер не хотел обменять сына Сталина на Паулюса? Правда ли, что в Москве есть церкви из золота? Какие отношения были у калмыков с Петром I? Вымирают ли в Австралии кенгуру? Есть ли в СССР пещеры, подобные Дээрхийн-агуй? Водятся ли у нас львы? Что делает Никита Сергеевич Хрущев и зачем он поссорился с Китаем? Действительно ли Италия на карте похожа на сапог? Могучее ли государство Албания? Самостоятельны ли малые государства в Европе — Дания, Нидерланды, Швейцария? Правда ли, что Ленин — монгол? Жив ли Де Голль и что он делает? И т. п.

Наше знакомство началось, собственно, с его рассказа о Делибе-хутухте. Потом пошли Христос и Будда и международное положение, и австралийские кенгуру.

Причем, хотя Дашдонров и говорит, что он чистый халха из рода Шар Сартаков, но, по-моему, он — китаец или японец, или хотогойт, потому что говорит с таким акцентом, что сразу понять ничего невозможно.

За светской беседой с моим эрудитом мы догоняем еще одну цистерну-«компань» Дашдонрова. Там двое — шофер, усатый, пожилой монгол с плутоватым лицом, смахивающий на непутевого казака (*базаахгуй хун*), и кассир автобазы, похожий на нашего институтского помощника ученого секретаря. Сверху на их бензовоз прикреплены какие-то ящики и бидон. Знакомимся — моя борода и звание кандидата наук производят впечатление, хотя, по правде говоря, я похож больше на бродягу, чем на советского ученого.

Проехав мимо большого, длинного красивого озера Сангийн Далай, останавливаемся на ланч у безымянного ручья. Мой нож и две банки сайры, захваченные в ОРСе в Мурэне, опять впечатляют.

Затем заезжаем в какой-то аил, где пьем чай, потом еще в один — там отличный кумыс, но что удивительно, за деньги — 90 мунгу (копеек) за литр. Выпили с моим

водителем 3 литра, а его сослуживцы даже не притронулись, так как только вернулись после лечения на источниках. А после минеральной воды кумыс в течение месяца не положено пить.

Между тем быстро стемнело, но не настолько, чтобы я не успел осмотреть развалины монастыря Джалханзы-хутухты. Рядом с ними, словно лермонтовская одинокая сосна в степи, высились три лиственницы или пихты, высаженные когда-то ламами и избежавшие уничтожения. Пока я рассматривал развалины, Дашдонров умудрился посадить нашу машину в трясину, из которой ее за передок вытянули наши спутники.

Стало совсем темно, время 9 часов. Едем, и впереди над угольно-черным хребтом повис мутно-желтый, весь в каком-то мареве серп луны, почти касаясь гор своим острым концом — протяни руку и достанешь его. Увы, это сделали пока только американцы. А вот до Марса, что ярким пятном висит повыше луны, еще никто не дотянулся. А мы все едем и едем, причем чем темнее, тем быстрее. Это уже территория Шарга-сомона Хубсугульского аймака. До автодорожной станции 45 км, но водители, вопреки первоначальной задумке остановиться там, решают заночевать в ближайшем аиле.

Когда я с Дашдонровым вошел в большую шестиханную (т. е. с шестью решетчатыми стенами) юрту, там уже у печки сидели наши попутчики. При тусклом свете свечи я почему-то принял усатого за хозяина юрты и стал расспрашивать его о житье в аиле. «Вот дурак», наверное, подумал он, но разобрался. Хозяином юрты оказался некто Очир Дорж — овцевод местного СХО. Его дома не оказалось, был на сенокосе. Вместо него на кровати слева от входа спал какой-то тоже проезжий мотоциклист. Юрта, похоже, была некоей полевой гостиницей: заходи — не хочу!

Хозяйка поднялась с постели и затопила печь — было очень холодно, у меня вся спина заколела. Скоро появились чай, *урум ааруул*. И повторилась история с ночевкой по дороге на Гурван-Нуур в 1966 г. На этот раз в роли бродячего рассказчика-бадарчина выступил усатый. До 12 часов ночи он разводил турысы на колесах о каком-то шамане Дамдин

Гончике, который якобы может читать мысли на расстоянии и потому не вылезает из тюрьмы. После очередной отсидки он каким-то образом возвращал свое конфискованное имущество и на 6 верблюдах кочевал по округе. Жена и дети у него были в каждом аймаке, и якобы сейчас он живет в Улан-Баторе и торгует на рынке.

Любят монголы слушать побасенки, особенно в ночные часы. Все — хозяйка, Дашдонров, кассир, даже сквозь сон маленькая 7-летняя дочка, развесив уши, внимательно слушали все это. А я умирал от усталости и желания соснуть.

Наконец тема о сверхъестественном исчерпана после того, как я заявил, что и у нас есть такие Дамдин Гончики и что все это от магнетизма мозговых клеток, и мы стали стелиться спать. На этот раз на полу в красном углу юрты. По левую сторону мы с Дашдонровом, по правую — кассир с усыатым. У всех них были свои спальные принадлежности: матрац — монгольский легкий тюфячок, одеяло из верблюжьей шерсти в пододеяльнике, сверху — дэли на мерлушке. У меня один из тюфячков моего шофера, крахмальная простыня, верблюжье одеяло и сверху еще одно шерстяное, которым меня заботливо укрыла хозяйка. Раздеваюсь, как дома, и мгновенно засыпаю, несмотря на то что соседи слева и справа продолжают свои научные разговоры.

29 августа. Дорога продолжается

Хорошо спится в юрте, воздух — как лекарство. Я прекрасно понимаю, почему юрта — желанный ночлег для всех монголов, где бы они ни оказались в пути. И что удивительно — было тепло, чисто, никакой живности, несмотря на то что матрастики лежали на подстилках, по которым днем ходят.

Хозяйка, как всегда, поднялась спозаранку, затопила печь, поставила котел варить чай. Мы встали часов в 8, умылись по-походному водой из консервной банки, позавтракали свежим урумом с чаем.

Постоялец, не прощаясь, уезжает. Шоферы дарят хозяйке буханку хлеба, вафли, конфеты. Встает дочка лет 6–7, симпатичная девчушка, и сразу начинает помогать матери катать тесто, резать лапшу и вяленое мясо косули. Будем питаться. А пока зовут в соседнюю юрту, где живут родители хозяйки — престарелый, но бодрый и крепкий отец хозяйки Давааням и его тоже крепкая и высокая, статная жена. Оба с открытыми, умными, приветливыми лицами. Услышав про меня, тотчас пригласили к себе, достали 2 бутылки замечательной, прозрачной, без запаха самогонки, *шимийн архи* (молочной водки), хрустальные бокалы. Подложив под бокалы всем нам четверым по три тугрика в знак уважения, поднесли их нам.

Давааням рассказал, что его отец служил в войсках богдо-гэгэна, участвовал в освобождении Кобдо от китайцев в 1912 г., был *красный ахмад* (ветеран-партизан). Он умер недавно в возрасте 83 лет.

Сам Давааням с начала до конца участвовал в боях на Халхин-Голе, был дважды ранен. Сейчас живет в одном аиле с дочерью. Очень симпатичный старик.

После угощения возвращаемся в юрту, где ночевали, едим свежеприготовленную лапшу и опять с бутылкой шимийн архи. Дарю хозяйке зеркальце, значки, усатому и кассиру — карманный календарь и открытки. Жалкие подарки, но что делать. Сердечно распрощавшись, выезжаем в 10 часов. Путь идет мимо захоронений времен киргизского каганата (IX в.) — 5 больших каменных нагромождений, окруженных выложенными в земле камнями. Машина наших попутчиков едет впереди и скоро уходит по-английски, без прощаний, прямо вдаль. Может, усатый и кассир обиделись за ничтожные подарки — не знаю. Мы сворачиваем налево на территорию Цэцэрлэгсомона Хувсугульского аймака, переезжаем через реку Тос-гол и у небольшого ручейка в местечке Шагт бурэ, неподалеку от ночевки, мой эрудит садится задним колесом в глину. Идем пешком в ближайший аил Гуржава. Там я получаю мелкокалиберное ружье, которое Дашдонров оставил здесь в свой прошлый заезд, и иду охотиться на уток: тут полно озер боль-

ших и маленьких и множество птицы. С первого выстрела я, конечно, случайно, по-моему, ранил утку.

Она бросилась к берегу, но взлететь не смогла. Кинулась в воду, окунулась, затем появилась снова на поверхности и затем ушла на дно.

Я стрелял еще раз пять, но все мимо. Моя добыча гордо умерла в родной стихии. Ждать пока она всплывет, времени не было, и, вообще, я понял, что охота — не моя стезя.

Между тем Дашдонров при помощи лошадок и домкратов вытащил свой бензовоз. И попив чаю, мы в 2 часа пополудни ринулись к автозаправочной станции, до которой вчера не доехали 45 км.

Автозаправку я увидел впервые. Там работают два диспетчера, один автослесарь. Большие бензобаки, несколько юрт, одна из них пятиханная — столовая. Там работают повар, солидный мужчина в галифе и майке, две девушки с 10-летним образованием — помощницы и официантки.

Вообще, по дороге я видел много молодежи: демобилизованных, выпускников школ и профтехучилищ, работавших в худоне, особенно в сфере животноводства. Видимо, действительно идет приток молодежи в сельское хозяйство.

В столовой чисто, два сдвинутых в один стола, покрытых клеенкой, в центре две печки, аккуратно сложены дрова, вдоль стен стоят ящики с продуктами; мясные консервы, сахар, соль, перец, лавровый лист, хлеб, с потолка сверху свисает туша косули.

Заказ принимают и тут же, на китайский манер, исполняют специально для заказчика. Мы моментально получили отличный *харшоол* — бульон с кусочками мяса, *бозы* с пылу-жару и чай. Продукты поставляют в город Тосон Цэнгол, где работает крупный цементный завод.

Готовят вкусно и быстро, но цена высокая: обед на двоих — суп по 4 бозы и чайник с чаем — 11 тугриков.

Станция работает круглый год, персонал постоянный. От нее дорога ведет к перевалу Соготын даваа на границе между Хубсугульским и Завханским аймаками. От перевала мы попадаем на территорию Тэс-сомона Завханского аймака, в долину реки Идэр-гол. Здесь проезжаем через бригадные центры.

Сразу в глаза бросается их благоустроенность, компактность и то, что это — самые крупные по размеру из виденных мною бригадные центры. Отличные помещения для скота — типа наших коровников. Постройки аккуратные, добротные. Кроме того, в долине идет строительство канала, в юртах строителей живет человек 30, рядом экскаваторы, землечерпалки, тракторы. Канал начали строить в этом году, сдавать будут в 1972-м. Он рассчитан на орошение больших посевных площадей под зерновые и кормовые культуры.

Строители живут в местности Чулуу Могой (Каменная змея). Здесь, на склоне горы, природа выложила из камней фигуру змеи без головы. По преданию, через перевал Согойтын Даваа переползла огромная змея, чтобы убить все вокруг в этих местах. До революции здесь все принадлежало Ялгуусан гэгэну, т.е. Делиба-хутухе. По словам моего шофера, тот был человеком ловким, смелым, лихим наездником, метким стрелком и хорошим охотником. Он взял свой лук и первой же стрелой снес голову чудовищной змее.

Но в долине кипела работа: даже в воскресенье строители досыпали дамбу, разгружали камни из грузовиков, причем работали преимущественно женщины. Мы не успели проехать и пары километров, как дорогу нам преградили двое наших строителей — один пеший, другой на лошади. Они попросили Дашдонрова повернуть к берегу и помочь вытащить из воды один из грузовиков.

Сворачиваем, там, на берегу, целая компания наших работников с комбикормового завода в Тэс-сомоне приехала половить рыбу. Думали форсировать Идэр-гол и добраться до дальних ручьев. Не тут-то было: их грузовик застрял в реке, а сами целый день загорали, хотя и рыбы наловили в реке немало. Их шофер — молодой парень с рыжей бородой и в плавках — рассказал, что он сам из Ялты, уже год и два месяца работает в Монголии. По манерам и разговору похож на одессита. Кого только не встретишь на дорогах этой страны!

При помощи еще одной монгольской машины — шофер оказался знакомым Дашдонрова — вытаскиваем соотечественников из Идэра.

После этого мчимся в конец долины к айлу старого Жамца — бывшего солдата богдо-гэгэна — единственного такого человека, по словам моего энциклопедиста. Он настоятельно рекомендовал мне поговорить с этим 82-летним стариком, живущим вместе с дочерью и ее мужем, тоже солидным персонажем в летах с окладистой бородой титулярного советника. Дочь — весьма бодрая, энергичная женщина, а сам Жамц — сморщенный и выживший из ума дед с почти провалившимся носом. Ничего путного он мне не сообщил, кроме каких-то бытовых сведений — он служил в 1912–1913 гг., 18 раз участвовал в боях с китайцами под командованием чахара Жигжида, был в Хух-Хото во Внутренней Монголии, был дважды ранен. И сейчас, по-моему, все на свете путает.

Вообще, не стоило заезжать в эту богадельню — все обитатели айла, насколько я понял, были убежденными ламаистами и начали отвлеченную дискуссию о том, был ли Христос, действуют ли в Москве церкви, какие направления сейчас в христианстве.

Ничего, кроме возможности подхватить бытовой сифилис — пришлось пить шимийн архи из одной рюмки по кругу, включая Жамца, я здесь практически не почерпнул. На этом программа дня была исчерпана. Да и день уже клонился к ночи, было уже больше половины восьмого, а до Улясутая оставалось еще около 101 км. И тут еще мой сердечный друг из лучших чувств стал нести какую-то ахиною о том, как в 1911 г. избили китайского амбана Сандо. А потом снова засыпал меня вопросами — почему то, а почему это — пополнял свои познания. Меня же жутко клонило ко сну, я еле сидел в кресле, и разговоры о Тито и Голде Меир меня не привлекали.

Быстро стемнело. Опять взошла луна, но на этот раз обычная, свойская. Подъехали к Загастай-голу, и, желая похвалиться рыбными богатствами своего края, Дашдонров подвел машину к кромке реки, достал светильник, зажег его от аккумулятора и поднес к воде, но я, увы, не увидел ни одной рыбы. Затем начался мучительный и бесконечный подъем на перевал Загастай-даваа — опасный, особенно зимой, на высоте около 3000 метров. По крутизне он не уступал Крестовому перевалу на Кавказе и Яблоневоу в Карпатах.

Вокруг горы, темные пропасти, а на самом верху — огромный обо, особой круглой формы с воткнутым в середину шестом, обвешанным всяческими тряпицами.

Потом начался такой же долгий спуск. Казалось, ему никогда не будет конца. Затем вдали узким браслетом замаячили огни Улясутая. Их близость была обманчивой, до них, до города добирались еще полтора часа. В крошечной тьме, в черном колодце гор эти огоньки были настолько незначительны, что город показался маленьким, со спичечный коробок. Дорога по-прежнему шла по выдолбленному выступу на склоне горы, пока наконец мы не свернули куда-то совсем в сторону от этих огней и по темным улицам, минуя большой пустырь, не подъехали к зданию гостиницы. Была полночь, а выехали мы в 10 часов утра.

Гостиница сразу же произвела впечатление хорошо содержащегося заведения. А когда меня провели в отличный номер-люкс из двух комнат, с кафельной ванной, махровыми полотенцами, огромной кроватью-«саркофагом», немецкой полированной мебелью, немецким радиоприемником, телефоном, балконом — это впечатление укрепилось. Все работает, чисто, уютно, по-современному, нет только горячей воды. Разбираюсь, моюсь и около 2 часов утопаю в «саркофаге».

Утром 30 августа я попрощался с Дашдонровом, который подбросил меня в захиргаану (администрацию). Подарил ему две банки растворимого кофе, а он — вырезанную из циркулярного бланка фигурку лошади — оказывается, он увлекается вырезанием бумажных фигурок. А также он обещал потребовать моего выхода в эфир в радиопередачах на Монголию. Станный этот человек, Дашдонров: лицо боксера и разбойника, а душа младенца. И когда только он успевает всем интересоваться — ведь сплошные разъезды: только вчера прикатил сюда, а сегодня уже обратно — 570 км.

В аймачном исполнительном управлении — *захиргаане* — мне обещали оказать всяческую помощь, кроме машины по перечислению, выделили сопровождающего — заведующего аймачным архивом Ендон-гуая — пожилого мужчину с испуганными глазами. Он обещал прийти за мной в гостиницу к 3 часам. А пока я отправился знакомиться с городом.

Улясутай

Как мне сказали, город ведет свою историю с 1733 г. Это бывшая резиденция маньчжурского цзянь-цзюня — губернатора Монголии. Сохранились остатки глинобитной крепости, окружавшей его резиденцию. Сейчас Улясутай — центр Завханского, самого богатого по поголовью скота аймака.

Город расположен в междуречье — Богдын-гола и Чигээт — и окружен, буквально стиснут, суровыми, скалистыми, без всякой растительности горами, и потому кажется довольно скученным, в отличие от Мурэна. Дома буквально лезут друг на друга, юрты только на окраинах. Административно город разделен на 18 районов, но практически состоит из 4 крупных массивов, разделенных между собой упомянутыми речками. Центральную часть образуют две улицы. На одной — административные учреждения, музей, Дворец культуры, кинотеатр с хорошей рекламой советского фильма, аптека, почта; на другой — универмаг, гастроном, магазин самообслуживания, столовая, больница и т. п. Работает большой книжный магазин с отделом литературы на русском языке, открыта книжная ярмарка. На административной улице проложен забетонированный арык, растут тополя, но асфальта нет, только кое-где уложены крупные квадратные плиты.

Над центром возвышается гора Жавхлант Толгой (Счастливая сопка), на вершине которой в 1964 г. была сооружена смотровая беседка с колоннами.

Вообще центральная часть Улястая напоминает провинциальный среднеазиатский городок — пыльный, душный и многолюдный. Оживленное движение на улице действительно удивляет — повсюду снуют школьники, молодежь, куда-то спешат горожане.

В городе в деревянных домиках живет аймачное начальство: председатель аймачного хурала, секретарь аймачного комитета МНРП и др. Домики неказистые, но все же нечто типа

особняков. Пыльный пустырь отделял эту часть города от гостиницы и строившегося рядом дворца спорта, а также от главного украшения города — комплекса ультрасовременной школы-десятилетки — одного из 5 подобных подарков Советского Союза МНР в честь 50-летия Монгольской революции.

Школа представляет собой длинное двухэтажное здание с классами, многочисленными кабинетами, спортивным и актовым залами. Рядом три трехэтажных корпуса интерната и три зеленых деревянных дома на 36 учительских семей. У школы своя дизельная электростанция, котельная, прачечная. Во дворе высажены деревья, разбиты клумбы. Есть два артезианских колодца, небольшое водохранилище.

Я с моим сопровождающим Ендон-гуаем зашел в школу, где шли последние приготовления к открытию на следующий день — 31 августа. Ряд кабинетов был еще заперт, а кабинеты химии и физики были оборудованы необходимыми приборами, кабинет географии — глобусом, картами, компасом. В общем, все было на современном уровне, и мне показалось, что поддерживать этот уровень будет непросто, недаром из Союза уже были выписаны сантехник, электрик, водопроводчик, да и директор школы вполне ей соответствовал — молод, энергичен, одет с иголочки. Бюджет школы на 1971 г. — 3 млн тугриков (свыше 2 млн — на электричество, 700 тыс. — на топливо: дрова, уголь). Школа рассчитана на учащихся 7 сомонов. В аймаке есть еще две школы-десятилетки — в Тосон-Цэнгэле и в Номрог-сомоне, но таких, как в Улясутае, не видели даже в Союзе. Такие же комплексы подарены еще четырем аймачным центрам: Алтаю Баруун Урт, Цэцэрлэгу, Далан-Задагаду.

После школы мы поднялись на смотровую площадку. Я сделал несколько снимков панорамы города.

За нашей гостиницей была еще одна достопримечательность: небольшая площадка, выложенная булыжником. Окажется, тут до революции было лобное место — сюда свозили со всей Монголии преступников и здесь их казнили.

Вообще, Улястай производил впечатление старинного большого и богатого города, где магазины, в отличие от других аймачных центров, ломились от изобилия товаров,

в гастрономе, например, был богатый выбор вин, печенья, вафель, консервов, салатов, продавались свежая капуста, мясо и др. У большого книжного магазина развернута книжная ярмарка. В городе чувствовался порядок: на каждом учреждении, на магазинах, поликлиниках, почте висели таблички с указанием часов работы соответствующего заведения. Рабочая часть города отнесена на окраину, на противоположный от центра берег речки Чигээ-Тэнгола, куда ведут два параллельных деревянных моста: там, на склоне самой высокой в округе горы Товцог Хайрхан, расположены аккуратные склады комбикормов для строящегося в ближайшем сомоне Тэс 7-этажного комбикормового завода. Здесь есть корпус авторемонтного предприятия, введенного в эксплуатацию в канун 50-летия революции одновременно с таким же в Кобдо.

В Улястае жили около 100 семей наших специалистов. Для них был магазин Дарханского стройтреста — ничего интересного, хуже, чем в Мурэне. И снова — много любопытствующих и стремящихся проникнуть туда местных жителей.

Таким я увидел Улястай за один день — 30 августа. Общее впечатление портила пыль. Ее поднимали столбом проезжавшие машины, ветер, поднимали прохожие.

Утро 31 августа прошло в хлопотах о машине, на которой предстояло добраться до центра Гоби-Алтайского аймака в г. Алтай. И зав. автобазой Идэш, и заместитель председателя исполкома Ламжав отказались дать машину за оплату по перечислению, но пристроили меня в кабину грузовика ЗИЛ-64, в кузове которого 18 девушек и юношей, выпускников 8-летней школы, направлялись на учебу в профтехучилище аграрного профиля в г. Алтай. Вместе с ними ехали еще какие-то старик со старухой, учитель профтехучилища со странным именем Маам и профсоюзный деятель из Улясутая. Последний направлялся в Алтай обговаривать с родителями невесты своего младшего брата сроки и регламент предстоящей свадьбы. По дороге он рассказал мне, что его младший брат уже обзавелся юртой, войлочной кошмой для юрты (сам сделал ее), деревянным полом, печкой, сундуками, кроватями, что все это обошлось ему тысяч в шесть тугриков при зарплате примерно

600 тугриков в месяц. Невеста — воспитательница в детском саду, получает около 400 тугриков. Так что молодые рассчитывают приобрести за год радиоприемник, покрывало для юрты, и прочие атрибуты крепкого аила. Свадьба будет стоить тоже не меньше 6–7 тыс. тугриков, так как гулять будут, как обычно, от 3 до 7 дней при 200–300 гостях. Регистрируют брак уже после свадьбы и в случае задержки подвергаются штрафу до 50 тугриков.

А Маам рассказал мне о профтехучилище. Оно открылось в 1968 г., состояло из 6 отделений и было рассчитано на 250 учащихся, которые обучались по специальностям водников, зоотехников, строителей, механизаторов, агрономов, экономистов. Училище дает полное среднее образование и для отличников — право поступать в вузы. Все получают стипендию в 165 тугриков, а иногородние еще и трехразовое питание. Одежду сезонную предоставляли бесплатно. Учителей — 18, работали с большой перегрузкой до 37 часов в неделю. Но и заработки были большие — до 2,5 тыс. тугриков, при этом 15 дней зимнего отпуска и 56 дней летнего. Школа подчинялась в экономическом отношении Министерству сельского хозяйства, а по учебно-воспитательной — части Министерству культуры. Ежегодно в училище поступали 25–30 человек.

Все эти сведения я почерпнул во время 8-часового пути до Алтая, пока проезжали через довольно благоустроенные центры Цагаан-Чулуут и Цагаан-Хайрхан-сомонов. Мы посетили юрту председателя Цагаан-Чулуута, где застали его отдыхающим на широкой кровати — он был в отпуске. Его жена — торговый агент-кооператор — тут же в юрте развернула лавку с товарами. Такой богатой юрты я еще не встречал: она вся была обвешана расписными ковравыми занавесями, вместо дешевых сундуков-авдаров были современный комод, трельяж, шкафы и красиво орнаментированные стойки у печки. И потрясающие какой-то смуглой цыганской красотой хозяйка юрты и ее дочь — обе высокие, статные, с длинными косами, с правильными чертами лица. Угостили нас скромно — чай, *борцоги*. Молодежь их расхватала, а бедному Мааму ничего не досталось.

На берегу реки Завхан в 45 км от города подобрали болгарина, строителя кирпичного завода в Алтае. Приехал сюда половить рыбку. Здесь мы сделали последний привал, откушали вместе с болгаринном наскоро сваренную лапшу и уже без остановок поздно вечером добрались до города. Там в хашане училища выгрузились ученики, Маам и прочие пассажиры, а меня подбросили к двухэтажному зданию гостиницы, где поселили в более скромный, чем в Улясутае, номерлюкс с ванной, затянутой грязноватой тряпкой. Здесь, однако, есть немецкий радиоприемник Wartburg-300. Берет Москву, «Маяк» — как дома.

Располагаюсь, гоняю чай и около 12 ночи заваливаюсь спать. Холодно, как в склепе, даже под двумя одеялами.

В Гоби-Алтайском аймаке

Вчера, по приезде, город показался мне большим, но сегодня, 1 сентября, осмотреть его не удалось, — полдня приводил себя в порядок, помылся в бане с замечательной горячей водой, хотя в городе говорили, что воды мало и она плохая. Обслуживание на высшем уровне: отдал постирать и погладить нательное белье, а вечером его вернули — сырым, но относительно чистым.

Во второй половине дня вместе с работником орготдела исполкома, зоотехником по образованию, Хурэлдоржем идем в замечательную школу-десятилетку, подарок нашей страны к 50-летию монгольской революции. Комплекс здесь, в отличие от Улясутайского, не был компактным, его части размещались между трехэтажным учебным корпусом и интернатом, жилым зданием для преподавателей. Он не оставлял цельного впечатления, хотя каждый объект сам по себе выглядел свежим, с иголочки. Это была единственная десятилетка в аймаке, в отличие от Завханского аймака, где их было три, а потому в Алтае школьники были из всех 18 окружающих сомонов.

Нам показали все учебные кабинеты — физики, химии, географии и др. Все они были прекрасно оборудованы, особенно кабинет домоводства — там было все: от швейных машинок, печек, электроплит до столовых приборов. Зашли мы и в здание интерната — дай бог, чтобы в гостиницах был такой роскошный холл и отличные комнаты на 4–7 человек.

Что касается города Алтай, то это чистый, беленький студенческий городок типа Сорбонны с тремя школами — начальной, средней и десятилетней, с большим профтехучилищем, с массой молодежи, живой, радостной, активной.

Но большее впечатление, чем город, на меня произвели центры сомонов Халиун и Бигэр в Гоби-Алтайском аймаке, куда меня привез заместитель председателя аймачного исполкома Санжижав — сравнительно молодой человек, экономист по образованию, после окончания МонГУ обучавшийся на курсах в Москве и Ленинграде. Центр Халиун-сомона, расположенный на земле каменистого плоскогорья Шаргын Гоби, в 100 км от Алтая, названный так по имени близких источников, является одновременно центром старейшего СХО «Вперед к коммунизму». Он поразил меня своей обустроенностью, каменными, добротными, приземистыми домами, сверкающими свежей побелкой зданиями гостиницы, клуба, *захиргаана*, парком — в здешних условиях это просто оазис — напротив гостиницы, где росли тополя 12-летнего возраста, облепиха и совершенно необычный сорт сирени (крупные закрытые бутоны, похожие на маленькие колокольчики).

Кроме того, перед гостиницей на клумбе уже несколько лет подряд, как мне сказали, прекрасно цвели декоративные растения, а рядом расположено небольшое искусственное озеро до 4 метров глубины, воду в которое поставляют по трубам из источников. СХО, кроме скотоводства, разводит на 30 га овощи и снабжает капустой, картофелем, свеклой, луком почти весь аймак. Территория перекопана каналами, рвами — и все с водой для орошения. Собираются строить плодоовощной завод. У сомона СХО своя племенная станция, уже есть успехи в скрещивании монгольской козы с диким козлом-янгиром и др.

У центра сомона — уникальная достопримечательность — нечто вроде зоопарка: большой огороженный забором травянистый пустырь, где в относительной свободе бегали около десяти сайгаков — стремительных, нервных, непокоренных, а также годовалый жеребчик дикой лошади Пржевальского — *тах*и — необыкновенно красивое животное с тонкими, но стройными и крепкими ногами, с черными умными глазами и мягкой, как фланель, шерсткой. Его поймали грудным в мае этого года, и он признает только сторожа, который его кормит и вообще ухаживает за ним, этому старичку, с таким же печальным и настороженным взглядом, жеребенок позволяет обнимать себя за шею, тычется мордой к нему между ног, но к посторонним поворачивается задом, готовясь взбрыкнуть и ударить.

В небольшом закутке росла пара милых ласковых детенышей степной антилопы — *гурээс*, а в клетке метались два волчонка, вернее, уже два взрослых волка, которых поймали тоже весной, а к сентябрю они вымахали, превратились в крупных собак-овчарок. А у входа в «зоопарк» толпятся и с криком бросаются на людей прирученные дикие жирные гуси.

К достопримечательностям центра Халиун-сомона, безусловно, относилась и двухэтажная гостиница с входной аркой, большими, похожими на ворота, двумя дверями, обитыми снизу орнаментированной медью. Они вели в прекрасные апартаменты: одна дверь — в комнату с немецким полированным спальным гарнитуром, а вторая — в буквально ханскую опочивальню: низкие монгольские кровати-«саркофаги», резной столик с монгольским орнаментом, трельяж, тумбочки. Обе комнаты — с высоким потолком, светлые, просторные, пол и все постели застланы красивыми коврами.

Столовая в гостинице была прямо дворцовая, с массивной хрустальной люстрой. Клуб выглядел как сельский Дворец культуры: на стенах — пропагандистские материалы, Доска почета с портретами передовиков производства, большой, на 400 мест, кинозал, комнаты для кружков. Вечером мой сопровождающий Санжижав затащил меня сюда смотреть вторую серию фильма «Освобождение», но вместо нее пришлось третий

раз смотреть фильм Ширендыб-гуая «Исход». Но настроения это не испортило, а когда мы вышли из клуба, я восхитился сияющими огнями сомонного центра — совсем, как в столице: свет фонарей отражался в окнах жилых домов.

Чувствовалось, что все здесь сделано с любовью и, конечно, немалым трудом. Свои восторженные впечатления о центре Халиун-сомона оставили в книге отзывов и мои коллеги Клара Яцковская и Оуэн Латтимор с сыном Дэвидом, как и многие американцы, приезжавшие сюда на охоту.

Четвертого сентября с 7 утра я, Санжижав и присоединившийся к нам начальник строительства школы-десятилетки Каширский Николай Иванович, уроженец Волгограда, заочно окончивший Саратовский строительный институт. Он приехал в Халиун-сомон из Алтая вчера вечером. Едем по долине, с двух сторон зажатой горами, в Бигэр-сомон, по хребту Бурхан Сайхан (3753м над уровнем моря) к его снежным вершинам. Дорога местами в песчаных кочках, прикрытых порослями черной, похожей на чернику, но более мелкой, сладкой ягодой, хотя и с колючками — *хармакой*. По-научному она называется селитрянной ягодой, здесь служит сырьем для местного уникального винно-водочного завода — одной из главных достопримечательностей Бигэр-сомона и СХО «Эрх чөлөө» («Свобода»).

Естественно, что после размещения в гостинице — обыкновенной, совсем не Бахчисарайском дворце, как в Халиун-сомоне — мы во главе с встретившим нас у гостиницы председателем сомона СХО сомона Чулууном отправляемся на завод. Его три цеха — бродильный, перегонный и разливной — производили в год 200т коньяка, ликеров, водки, десертного и сухого вина. Работала лаборатория: в дегустаторской нам подали в маленьких рюмках попробовать 4 сорта коньяка и в бокалах — сухое и крепленое вино, а также немного ликера из облепихи. По цвету все напитки соответствовали своему сорту и были необычными по вкусу, особенно десертные вина. За сдачу 1кг селитрянки платят 1,5 тугрика, за 1кг облепихи — 13. Готовая продукция — по доступной цене. В книге отзывов о заводе восторженные отклики оставили мои коллеги

К. Н. Яцковская, С. Г. Кляшторный и др. Из других достопримечательностей Бигэр-сомона отметим парк в центре поселка и, конечно, большой яблоневый сад. Здесь выращивают всего три сорта яблок — китайку (культурная и дикая), полукультурная (помесь дикой и культурной китайки) и симиренко — крупные, сочные яблоки, их немного, но в этом году заложены дополнительные участки — свыше одной тысячи саженцев, привезенных Чулууном из Алтайского края в прошлом году.

Сад орошается водой из канала протяженностью 17 км от родников, расположенных высоко на склоне горы в 20 км от центра сомона. Из канала орошаются также ягодные плантации и посевы ячменя. И все это в суровых условиях Шаргын-Гоби — каменистой пустыни с горным хребтом — на высоте 3000 м над уровнем моря — можно только восхищаться трудовыми усилиями людей.

Ко времени нашего посещения сада школьники, учащиеся 7-го класса, уже собрали 10 т яблок и продолжали сбор. В отличие от Халиун-сомона, где садом занимался садовод-любитель, здесь работал дипломированный агроном, выпускник биофака университета, очень культурный парень. Там, в Халиун-сомоне в саду, в 1971 г. вообще ничего не уродилось. Правда, в Бигэр-сомоне, на один километр ниже, — особый климат, можно и зимой ходить без пальто.

В первый день пребывания в Бигэр-сомоне Чулуун-дарга отвез нас на прогулку к водопаду в ущелье Цагаан Хаалга, за 38 км от центра сомона посмотреть еще одну достопримечательность этой местности. Вода падает с высоты 60 м, по дну ущелья протекает горная речка, вокруг высокие горы, некоторые — с сыпучими склонами, причудливыми скалами.

У водопада летом в течение 2 месяцев работает объединенный дом отдыха. Здесь богатая фауна, каких только замечательных животных нет — дикие ослы *хула*ны, лошади Пржевальского — *тахи*, дикие верблюды, дикие козлы *янгир*ы и дикие бараны *архар*ы, антилопы *дээрэ*ны, совершенно непугливые зайцы и даже дикие куры — *холиги*, мясо которых обладает целебными свойствами и специально заготавливалось для «серого российского кардинала» М. Суслова и К°. Холиги

водились в основном только здесь и лишь немного — в Коб-доском аймаке.

Природа здесь воистину потрясающая. Нам довелось еще полдня 5 сентября, в воскресенье, любоваться красотой и другого живописного ущелья — Байрын Сарийн у подножия горы Бурхан-Будда, где Чулуун устроил для нас с Санжижавом и для Каширского пикник с вареной козлятиной (несчастный козленочек со смертной тоской в глазах ехал вместе с нами за задним сиденьем), с диким луком и чесноком и, конечно, с продукцией «Бигэр завода» с бутылками напитков. Объединением был сорс — печень козленка, поджаренная в обертке из нутряного сала.

Расположились мы недалеко от места, где был разбит палаточный лагерь американских охотников за янгирами и архарами, туда вела утоптанная тропа, которую местные жители окрестили «дорогой американцев».

К 17 часам мы вернулись с прогулки в центр Бигэр-сомона, где получили в подарок от Чулууна по две бутылки хармаковского вина. Попрощались с даргой, и он, по-моему, с облегчением помахал нам вслед рукой — надоели, видно, ему все эти гости, жадные до дармовой выпивки и абсолютно безразличные ко всему остальному. А ведь ему надо было работать: помимо СХО и завода на нем лежали соляные промыслы на озере Бигэр, сад, благоустройство поселка — там уже работало центральное отопление, парк и шло строительство новой гостиницы.

Едем в Алтай с частыми остановками. Николай Иванович в порыве чувств поведал мне о том, что его толкали в консерваторию — Львовскую и Саратовскую — что он чувствовал в себе силы быть, по крайней мере, Муслимом Магомаевым, да вот, судьба не сложилась, пришлось идти в дорожные мастера, затем закончить заочно строительный институт, а душа до сих пор, мол, не лежит к строительному делу. Хотя, надо отдать ему справедливость, это дело он знает и делает неплохо. И поет тоже хорошо!

Да, возможно, было бы лучше, если бы он занимался музыкой. Хотя, на мой непросвященный взгляд, слух у него немного хромает и общей культуры тоже маловато. А вообще, Николай

Иванович — мужик свойский, и, не будь он искренним поклонником Сталина, можно было бы даже быть с ним в приятелях.

В итоге с остановками мы приехали в Алтай в 12 часов ночи, и ночевать меня определили в обычный гостиничный номер. И слава богу, надоело быть генералом!

На следующее утро 6 сентября 1971 г. Санжижав не приехал проститься, видно, здорово обиделся — я ничего ему, к сожалению, не подарил. Но он прислал машину с необыкновенно милым пареньком-шофером, который и отвез меня на аэродром. Два пилота АН-2 были очень любезны, предложили мне сесть между ними на жердочку, так что в Тонхил-сомон я, можно сказать, не летел, а парил в воздухе, замечательный самолет, этот биплан 1937 г. выпуска: скорость 260 км в час, грузоподъемность до 10 человек. В войну самолет служил десанникам, партизанам. Два пилота с автономным управлением, короткий разбег, возможность посадки в тяжелых условиях.

Пассажиров, кроме меня, всего двое: парень — выпускник пединститута в Улан-Баторе, назначенный преподавателем истории и географии в школу 8-летку Тонхил-сомона, и мальчик-школьник, направлявшийся в Дарви-сомон — конечный пункт маршрута АН-2. Расстояние от Алтая до Тонхил-сомона 200 км, и мы проделали его ровно за 1 час над Шаргын Гоби. С высоты центр сомона кажется удивительно правильно спланированным: четкие квадраты хашанов, отдельно — квадрат административных, служебных и учебных зданий, двухэтажная школа.

Санжижав действительно очень обиделся — даже не сообщил о моем приезде. Пришлось добывать машину самому: случайно оказавшийся на аэродроме зампред исполкома по моей просьбе съездил на автобазу, и через сорок минут меня доставили в гостиницу — здание, обмазанное глиной, внутри страшно холодное, с флигелем-столовой. Внутри узкий коридор с почти сводчатым потолком, двойные деревянные двери номеров, типа дверей в айкомовских кабинетах. Проходная комната вела в номер-люкс, а там — две деревянные кровати, трельяж, длинный заседательский столик, 2 полированные тумбочки. На стенах ковры с изображением не то Тадж-Махала, не то Самаркандской мечети, пол застелен ковром, отлич-

ная люстра — плафон из чешского стекла золотистого цвета. В комнате — маленький репродуктор.

Отличный зал столовой: два ряда столиков, покрытых белыми скатертями, с чешскими вазами для салфеток, с картинками на стенах, чистый, просторный, уютный.

А центр сомона производил странное, угрюмое впечатление какого-то закрытого поселка — улиц практически не было, были проходы между высокими заборами или обшарпанными глинобитными чуть ли не крепостными стенами, за которыми таилась какая-то глухая жизнь. Никаких столичных светильников, как в сомонах Халнун или Бигэр.

Вокруг высокие горы, 3000 м над уровнем моря, иногда казалось, что поселок весь в облаках.

Тонхил-сомон — излюбленное место зарубежных охотников. Мне бойкая 32-летняя хозяйка гостиницы дала посмотреть книгу отзывов, которая вся пестрела восторженными отзывами о потрясающих возможностях охоты и гостеприимстве монголов. Она уже 8 лет на этой работе, получает 165 тугриков в месяц и очень довольна. Говорит, что с образованием СХО жить стало хорошо. Муж ее работает завхозом в 8-летней школе, зарплата 225 тугриков, у них 5 детей, старшему 15 лет, он в 8-м классе, остальные — тоже школьники. У них в хозяйстве 45 овец, 2 коровы, 2 лошади. У нее начальное образование, но знает новую письменность, свободно читает журнал «Здоровье». Много родственников в Улан-Баторе, один из братьев 5 лет учился в СССР — инженер-водник. Она всего один раз была в столице, мечтает поехать в СССР.

Еще с одним интересным человеком я познакомился в столовой. Это Цэцэндорж — художник, в этом году окончивший художественное училище в Улан-Баторе по классу живописи. Направлен на работу в отделение Союза художников в г. Алтай. Здесь он уже 10 дней в командировке и за это время нарисовал большое панно-картину в сказочно-лубочном стиле: озеро в окружении гор с лебедями и какими-то богатырями, выходящими из воды. Слепил глиняную скульптуру — архара, — которую установили на каменном постаменте в саду, т.е. в огороженном травяном участке. И это все по заданию

местной администрации за 2500 тугриков, из которых ему лично будет выплачено 20–25%, остальное перечислят на счет отделения. А так у него неплохая зарплата — 500–600 тугриков. Завтра он собирался вернуться в город. Симпатичный парень с большим творческим воображением!

На третьи сутки моего пребывания в Тонхил-сомоне, 8 сентября, когда я готовился познакомиться со школой и предвзвешенно зашел в захирган, туда прибежала какая-то девушка и сообщила, что перед гостиницей появился грузовик, и из кабины вышла женщина. Все, это — наши: Миша, Наташа, Шинэху и Цэрэнханд. Они возвращались в Улан-Батор, экспедиция была завершена. Сказать, что встреча была очень радостной — не могу, все они были взвинченные, нервные. Но мы все-таки выпили моего *хармака* из даров Чулууна за встречу, я быстро собрался, успел попрощаться с местными даргами, и мы тронулись в сторону Алтая.

Шаргын Гоби предстал во всем своем великолепии просторе, покрытом оранжевыми красками и голубым маревом. Через 100 км примерно, прямо в степи под палящим солнцем, раскинулись скромные постройки центра Шарга-сомона. А еще через 100 км где-то к семи часам вечера въезжаем в Алтай и останавливаемся у знакомой гостиницы. В городе — перемены: правая сторона центральной улицы полностью заасфальтирована. Асфальтом покрыты и подъезды к гостинице.

Разместились в смежных номерах-люкс и бегом строем — я, Миша и Шинэху — в баню. Было прекрасно помыться под душем, а потом поужинать жареной картошкой и архи от Шинэху. А после ужина предстояло окунуться в экспедиционные дрязги: Шинэху хотел на следующий день посетить краеведческий музей, а Наталья Жуковская была против — желала к 10 сентября быть в столице. Вообще, она была на грани истерики, с Шинэху отношения испорчены вдрызг, он тоже озлоблен. Она обвиняет его во всех смертных грехах — в ячестве, настырности, нежелании искать наиболее короткие переезды, склонностью к скандалам и т.п. И чуть было не ссорится со мной — я, мол, тоже такой-сякой, «неуместно поддерживаю Шинэху», не работаю, а развлекаюсь. В общем, после дли-

тельного перерыва все это было очень неприятно. Я глубоко уважаю Наташу Жуковскую как большого ученого, специалиста в области этнографии и монголоведения, но тогда мне казалось, что ладить с монголами она не умеет и ей трудно быть руководителем.

На следующий день, 9 сентября, в музей мы, конечно, не пошли — настояла Наташа, и рано утром выехали в сторону Баянхонгора. До него — 450 км, дорога скучная, да и настроение поганое, не спал всю ночь. Но постепенно солнышко оживило округу, и на душе стало легче. Примерно через 10 км проехали центр Гроблин-сомона — это Горный Алтай. В центре — большая водостроительная контора прокладывала канал через долину Гроблин-гол. Много техники, типовые домики наших строителей, столовая, где, как мы заметили, кормили пшеном и супом, плохо очищенным картофелем и скверным мясом. Рванули обедать в Хуршалин-сомон — это уже территория Баянхонгорского аймака. Но там обед не готов, а ждать некогда, и потому едем в Бугэр-сомон. Там очень своеобразная гостиница: центральная входная часть — деревянная, строение, к которому вплотную примыкали две стилизованные юрты — из кирпича, а крыши монгольские — с тонами. В одной юрте общежитие — там 12 кроватей, 5 постояльцев, в другой — всего три кровати-«саркофага», резные столики и тумбочки, монгольские шахматы, причудливая люстра в виде лепестков — в целом ханский номер, но очень холодный и с очень жесткой кроватью. Это была последняя ночь, проведенная мною вместе с членами этнографической экспедиции.

Снова в Баянхонгоре

Десятого сентября. Встали рано, хотя спится в юрте как нигде — и в путь. Через 3 часа, миновав перевал Эгийн-даваа через главный Хангайский хребет, подъехали к знакомой трехэтажной гостинице в городе Баянхонгор, с которой у меня связаны прекрасные воспоминания о поездке в эти места с Ширендыб-гуаем в 1966 г.

За 5 лет город настолько изменился, разросся, что я решил здесь остаться, вникнуть в перемены и, возможно воспользовавшись добрым знакомством с секретарем аймачного комитета МНРП Баянхонгорского аймака Бунчином, отправиться кочевать с аратской семьей. Но, увы, Бунчин оказался в Улан-Баторе, он отдыхает и лечится в санатории «Аршаан» до 4 октября. Но я знаком был и с его заместителем Рагчей... В общем, я окончательно решил не ехать с друзьями в Улан-Батор.

Отобедали все вместе, а затем я с тяжелым чувством покинул наш грузовик. И стоило ему скрыться из виду, как меня охватило жгучее сожаление и предчувствие какой-то неминуемой катастрофы. По-моему, я совершил огромную ошибку.

Это чувство несколько притупилось, когда в *захиргаане* меня принял первый заместитель Бунчина, молодой и энергичный Рагча. Он обещал всяческое содействие и тотчас отдал некоторые соответствующие распоряжения.

Меня переселили во вполне сносный номер — полулюкс на 3-м этаже. И скоро в номер пришел неуклюжий и неловкий, но довольно милый человек, техник по имени Аюулдиш, которому поручено было меня сопровождать. Мы познакомились, и он пошел договариваться о машине. Вернулся довольно быстро, и мы поехали осматривать город. За прошедшие 5 лет он вырос вдвое. По центральной части Баянхонгора пролегла прямая, широкая, выложенная бетонными плитами магистраль длиной почти в 2 км. Она вела от гостиницы до нового массивного, продолговатого трехэтажного здания захиргаана, где работали исполком хурала депутатов трудящихся, аймачный комитет и горком МНРП, некоторые центральные административные органы и муниципальные службы. Здесь проводились аймачные съезды и конференции МНРП, сессии аймачного и городского хуралов депутатов трудящихся.

По обе стороны от этой новой магистрали были выстроены жилые дома, новое здание почтамта, корпуса профтехучилища строителей и школы-десятилетки, магазины.

Завершалось строительство стадиона на 5 тыс. зрителей с футбольным полем, беговыми дорожками, с каменными

трибунами на 15 тыс. мест, со служебными помещениями и тренировочным залом, гардеробом и душевыми под трибунами и проч. Стадион сооружался силами молодежи методом народной стройки целиком на взносы горожан (шестидневная зарплата). Здесь же сооружался Дворец спорта.

Строились также с помощью СССР авторемонтный завод, один его цех при автобазе уже работал, кирпичный завод, школа-восьмилетка и музыкальный театр.

В заключение, после объезда всех этих объектов, мы поднялись на ближайшую вершину, откуда открывался вид на всю панораму города — динамичного, быстроразвивающегося.

Какой-то сумасшедший день: прощание с друзьями, сколопалительное посещение новостроек, смотровой площадки на вершине горы. Гостиница была набита командировочными, слышалась русская речь.

Одиннадцатого сентября 1971 г. я, в сопровождении заведующего орготделом исполкома Баянхонгорского аймака Рэмбо, еду к целебным источникам Шаргалжуут аршаан. До этого я в захиргаане, в кабинете у первого заместителя председателя исполкома Рагчи, впервые летом 1971 г. работал за письменным столом — изучал интересные материалы о достижениях аймака.

Обедал я в рабочей столовой, в одном из типовых вагончиков, которые квадратом расположились рядом с огороженной стройплощадкой авторемонтного завода. В вагончиках жили наши строители и водники — в Баянхонгоре их было 70 семей.

Шаргалжуут аршаан летом 1971 г.

Здравница на горячих источниках Шаргалжуут аршаан расположена в 65 км от города. Едем сначала по хорошей государственной грунтовой дороге, затем сворачиваем в сторону — и по ущелью, вдоль реки Шаргалжуут-гол. Здесь дорога тяжелая, каменистая и кажется бесконечной: вот впереди она вроде бы заперта белой горой, за которой, казалось бы, должен быть открыт вид на санаторий. Ан нет, поворот — и снова

уходящая вдаль лента реки, валуны и змейка дороги по склону горы, опять поворот и все то же самое.

Наконец проезжаем пару юрт, у которых стоят скреперы, трактор и экскаватор — это база автодорожных строителей, за ней еще один трудный участок дороги и вот уже знакомая лысая гора и пар источников на другой стороне реки.

Шаргалжуут аршаан... Я его не узнал. В 1966 г. тут был скромный дом отдыха нескольких объединений, а с 1967 г. — это профсоюзная здравница-санаторий республиканского значения. Выстроены двухэтажный лечебно-спальный корпус с открытыми верандами по фасаду и по бокам здания, новый клуб с кинозалом, большая столовая, парники.

В глубине ущелья продолжал работать и дом отдыха, там тоже было несколько новых построек, но две гостевые юрты как стояли, так и стоят.

У бильярда, что в клубе, познакомились с новым директором санатория Дэлэгом, носившим значок отличника профдвижения, а также с толстым и веселым, подвыпившим отдыхающим подполковником Давадоржем из какой-то ведомственной охраны. Он мне тут же сообщил, что прекрасно отдыхает, что его 20-летняя пониженная кислотность пришла в норму и что сегодня он по этому поводу кушал тарбагана. И этим, и временем, проведенным со своей знакомой на природе, остался очень доволен!

Дэлэг-дарга сказал, что нам приготовлена ванна, и проводил нас через знакомый деревянный мостик, по тем же выложенным крупными камнями дорожкам к источникам, где по-прежнему со склонов текли горячие и холодные воды, температура горячей воды доходила до 90 градусов, а целебных грязей — до 76, вода местами просто кипела, садись на ближайший валун и лечи радикулит. Над некоторыми источниками воздвигнуты стойки, похожие на уборные. Есть два павильона, напоминающие летние душевые в московских парках. В каждом из них по две вделанные в землю под уклоном ванны с проточной водой. Они разделены перегородкой. Рядом с каждой есть скамейка и вешалки для одежды. Ванны чистые, удобные, мы с удовольствием погружаемся

в них, вода — под 38° тепла с запахом смолы и большим содержанием соды, так что потом почти не надо мыться.

После ванны пошли в столовую, где нас в отдельном кабинете ждал отличный санаторный ужин: гуляш (*хургаа*) с лапшой, свежий, спелый, вкусный помидор, сливочное масло, чай. На ночь поселили в двухкомнатный номер — каждому по комнате — где на столах стояли кастрюли с кумысом и черпаками. Холодно, корпус пока не отапливается, хотя батареи, а также умывальники и унитазы завезены, но ждали подключения. Пока же туалет был расположен почему-то на склоне горы выше крыши спального корпуса, туда вела выложенная из камней лестница.

Любопытный эпизод, свидетельствующий о душевной простоте монголов, случился на следующее утро, 12 сентября. Когда я собирался идти на завтрак, в дверь постучали. Я открыл и увидел перед собой незнакомого мужчину в дэли. «Врач есть? — спросил он по-монгольски. — Нет, — ответил я. — А кумыс? Вижу, есть», — сказал он и молча подошел к столу, налил кружку, выпил и, ни слова не говоря, вышел из комнаты.

За завтраком мы побеседовали с врачом, крупным мужчиной спортивного типа, сообщившего, что в смену здесь отдыхают и лечатся 150–160 человек, что с этого года санаторий будет работать круглогодично. Затем мы с Рэмбо еще раз обошли источники, фотографировались, я даже кое-что постирал — вода здесь отмывала всю грязь.

В целом у меня сложилось впечатление, что это место воистину уникальное, что тут можно развернуть курорт международного значения, можно устроить свои парники, свою паровую систему отопления, прачечные — все, что угодно. Директор санатория Дэлэг рассказывал, что здесь два года работал советский специалист по минеральным водам, и он был в восторге от местных источников. Судя по всему, по своим целебным свойствам, а главное, их разнообразию и широкому бальнеологическому диапазону Шаргалжуут аршаан превосходит во многом и Мацесту, и Цхалтубо, и Эссентуки, и Друсkenинкай, и Карловы Вары.

И все это можно получить в совокупности в одном месте. Поэтому отрадно, что курорт развивается. Но пока из 400 источников используются только 40 (это официально, а на практике меньше).

Целебные, ценнейшие воды и грязи уходят просто в реку. Ей-богу, жалко все это видеть, но уверен, что рано или поздно этот курорт прославится далеко за пределами Монголии.

Итак, после бесед с врачом, прогулки по территории санатория, встречи с полковником Давадоржем — он опять навеселе и в приподнятом настроении — рассказывает, что провел замечательную ночь в одном аиле, но, увы, вольнице и утехам конец — завтра к нему приезжает жена, после возвращения из туристической поездки в Болгарию и Венгрию. После превосходного обеда со свежими зеленью, огурцами и помидорами трогательно прощаемся с Дэлэгом. Он целует меня по-монгольски — обнюхивает мое лицо. Отправляемся в путь, едем по немного знакомой дороге, но затем сворачиваем в падь, по которой Рэмбо-гуай лет 20 назад ездил верхом на перевал. Но так как 20 лет — срок немалый, оказалось, что мы попали не в ту падь и не на тот перевал, поскольку там, где ехали мы, даже верблюдов не водят.

Последние дни в Баянхонгорском аймаке

Действительно, никакой дороги нет, а склоны все круче и круче, вот уже машина наклоняется градусов на 40, а то и на 50. А кругом Хангайские горы с их вызывающей обнаженной красотой: черные и белые, гладкие и изрезанные продольными морщинами, громоздящиеся одна на другую. Немного жутковато, честно говоря. Но самое страшное — это спуск после перевала, очень крутой, по каменистому склону с угрозой перевернуться или стремглав скатиться вниз.

Мы с Рэмбо давно на ногах и занимаемся каким-то новым видом спорта — уцепившись руками за задний бампер (это чтобы удержать машину и не дать ей сорваться

с тормозов и ринуться вниз), медленно сползаем по склону. Наш водитель — типично монгольский шофер, здоровый, крепкий, улыбчивый — отлично справляется с управлением, мы спускаемся и въезжаем в недавно построенную молочную ферму СХО «Бат зам» («Крепкая дорога») Эрдэнэцогт-сомона. Это, видимо, типовый проект, и он удачен: чистенький домик правления, отдельно «домик» клуба и библиотеки, перед ними — детский сад: три аккуратные юрты в ограде, затем за длинным забором два двора по 8 юрт в каждом — зимнее жилье для двух звеньев (*суурей*) доярок.

Отдельно стоят юрты служащих: заведующего фермой, бухгалтера, зоотехника и др. Из одной из них, когда мы подъехали, раздавались песни: фельдшер, только что поставивший новую юрту, справлял новоселье. Из нее вышел одетый по последней моде геолог — здесь шла разведка на воду, — а за ним и сам заведующий фермой Намжин, толстый, хромой, выпивший довольно *шимийн архи*, но трезво выглядевший и с плутоватыми глазками. И явно с опытом по части приема гостей: он прекрасно знал все показатели фермы и так и сыпал цифрами, видно, не терпелось вернуться в праздничную юрту. Но дело свое, похоже, знал неплохо: утверждал, что новый коровник на 250 голов на зиму не годится, экскременты замерзнут, будет скользко, коров нельзя будет доить; говорит, что пока нет помещений для молочного поголовья и приема молодняка... Общая беда — нехватка воды, пробы пока неудачные: один раз бурили — не добурили, уехали, другой раз — пробурили на 19 м, наткнулись на каменную гряду — уехали. Поблизости же колодцев нет, есть только небольшие роднички, а их явно недостаточно.

Вода — главное беспокойство зав. фермой. Ее обязательно должны найти аймачные организации — сомону это не под силу. Зато ему под силу сделать что-то вроде подстилок. Иначе — тоже гибель.

Плохо со складскими помещениями — сено пока лежит под открытым небом — маленький домик-склад всего не вмещает. Но зато есть генеральный план дальнейшего благоустройства фермы, согласно которому к 1975 г. здесь планируют выстроить гостиницу, стадион, киноустановку и т. д.

Надо сказать, что клуб благоустроен, чист, красиво оформлен. Но в целом в этой ферме есть что-то от потемкинской деревни.

Мы задержались на ферме и к двухэтажной сомонной гостинице подъехали уже поздно вечером. У гостиницы каменный цоколь, и Рэмбо сказал, что эти плиты — остатки одного из самых крупных, если не самого большого монастыря Ламын-гэгээний хурээ, основанного в 1685 г. Он стоял здесь, в этой живописной местности — Баян Зурх. В его 8 дацанах (храмах) молились 1700 лам, а 14 *джас* (монастырских хозяйств) выпасали огромные стада.

По существу, это был целый город, с сооружениями высотой с многоэтажный дом. По своему великолепию и красоте монастырь не уступал Гандану, а сейчас от него остались только каменные плиты, разбросанные по округе, и часть фундамента.

Поскольку административное здание сомонного управления только строилось, все сомонные службы временно разместились в гостинице, а для гостей была оставлена только одна комната, перегородженная фанерной ширмой на две половины, в которые вели из общей прихожей две фанерные же двери. Нас разместили в левой трехкочной половине, переселив оттуда в соседнюю половину двух командировочных из Министерства культуры. С ними мы познакомились еще в санатории. Они едут проверять работу клубов, библиотек и прочих культурных учреждений.

Рэмбо сообщил, что сомонное начальство куда-то подевалось — кто-то в отпуске, кто-то на сенокосе. Однако мне все-таки удалось познакомиться и поговорить с председателем сомона и СХО Шагдаром — усталым, пожилым монголом, так и не сумевшим до конца использовать свой отпуск — дел по горло, он на короткое время появился в гостинице и после беседы со мной быстро исчез. А мы с Рэмбо легли спать.

13 сентября стал последним днем моего пребывания в центре Эрдэнэцогт-сомона, и в 1971 г. это был довольно большой, как мне показалось, неустроенный, разбросанный, строящийся поселок, с 7-летней школой в юртах и небольших домиках, кварталами хашанов с массивными входными жестяными воротами, как в Улан-Баторе, с частоколом заборов, с редкими

современными зданиями и чудовищными на вид глиняными изваяниями янгиров, верблюда и овец у парка из засохших елок. Чем больше я всматривался в поселковые строения, тем сильнее у меня возникало чувство, что я здесь был в 1966 г. вместе с Ширендыб-гуаем. Окончательно я в этом убедился, когда мы подошли к легкому, воздушному, двухъярусному зданию «Байнгын хийд» — в прошлом монастыря, точнее, зимней резиденции настоятеля Цэрэндоржа-хутухты. Он был построен китайцами (1 столяр, 1 резчик по дереву, 1 декоратор, 1 монтажник) в 1903 г. и носил название «Цветок мира, благоденствия и красоты». Это наименование выписано на монгольском, тибетском и китайском языках на специальном щите, висящем над входом. Там же выгравирован на старомонгольской письменности витиеватый текст благодарения светским и духовным владыкам за помощь и содействие в строительстве монастыря и за распространение веры.

Да, это были те самые замечательные резные карнизы, которыми я восхищался в 1966 г., и прекрасно сохранившиеся лаковая роспись стен, особенно внутри, на первом этаже, и монгольский орнамент на втором ярусе и по галерее. Вся постройка — из дерева, искусно раскрашенного и хорошо скомпонованного. Это сокровище чудом сохранилось в лихие 30-е годы. В 1966 г. внутри помещения царил пустота, а рядом, в хашане, расположился бойкий приемно-заготовительный пункт: резали баранов и взвешивали шерсть.

Теперь в обители краеведческий кабинет с весьма жалкой экспозицией, но зато с хвалебными отзывами моих коллег — археолога В. Волкова и К^о в книге отзывов. Оставил свою подпись и я.

Рядом уже не заготовки кооператива, а хранилище кормов СХО — приятно пахнущее сено.

Да, был я здесь, и хорошо, что побывал во второй раз. Кое-что в сомонном центре изменилось, шло строительство, но тогда он мне понравился больше. Это не касается хозяйственных достижений, о которых мне рассказал дарга Шагдар.

В час дня мы выехали по направлению к Баянхонгору. До него 45 км, по дороге мы посетили юрту овцевода из Баян

Овоо-сомона, где я 2,5 часа расспрашивал хозяина о системе оплаты труда в СХО и бюджете аратской семьи.

Аил небогатый, обстановка в юрте скромная, хозяину 42 года, у него 5 детей, он очень доброжелателен и словоохотлив.

Такое впечатление, что араты плохо знают, за что и как им платят в СХО, например, на сенокосении и сеноуборке, на строительных работах и др. Но в целом работа в СХО и личное хозяйство с правом иметь 50–75 голов своего скота в Хангайской зоне и до 100–150 голов в Гобийских районах приносят неплохие доходы. У хозяина юрты, например, было 2 верблюда, 5 коров, 10 лошадей, свыше 20 овец и коз.

Кочует он на верблюдах объединения, ухаживает за скотом на лошадях объединения, во время сенокоса или строительства питается за счет объединения. Плюс задешево покупает у СХО скот, а свой — продает уже по рыночным ценам. Есть, есть денежки у аратов — членов СХО.

Через полчаса после беседы мы подъезжаем к знакомой трехэтажной гостинице, она переполнена — в городе проходит XIII аймачная профсоюзная конференция, работают комиссии госплана (5 человек), Министерства культуры, Министерства здравоохранения, Центрального совета профсоюзов — каждая по 2 человека. Так что поселили меня в номере на 7 коек, где пока жил скульптор-самоучка из Улан-Батора, лепивший здесь чудовищных янгиров и архаров. Я их видел на всем протяжении своего пути — это монументальное искусство, и его пропаганда производила удручающее впечатление. Забросив вещи, я отправился в кино смотреть фильм «Доктор Шастин». Это краткая биография трех поколений Шастиных — основателя династии Павла Николаевича, работавшего в Монголии одним из первых врачей в 20–30-е годы XX в., его дочери Нины Павловны Шастиной, крупного ученого Института востоковедения АН СССР, и внука Павла Николаевича, врачевавшего в стране в 50–60-х годах: я общался с ним в 1966 г. в Улан-Баторе.

Четырнадцатое сентября я провел до 4 часов дня с перерывом на обед за переписыванием сведений о развитии аймака в 1967–1970 гг. из альбома объединения. А после четырех меня привезли в краеведческий музей, где я общался с моим старым

знакомым Юнденбат-гуаем — директором музея. Ему исполнилось 59 лет, жаловался на нервное напряжение, головные боли, обмороки. Однако это не помешало ему в 1970 г. родить близнецов — двух девочек. Так что теперь у него четверо детей: старший сын 7 лет, дочка — 5 и две годовалые девочки.

За 5 лет музей обогатился новыми чучелами и, главное, старинной посудой из кожи и бересты, монетами, анатомической картой, по которой ламы изучали структуру человеческого тела, 30 томами писаного золотом Ганждура и т.п. И это помимо того, что у него еще в 1966 г. была богатейшая коллекция монастырского реквизита из Ламын гэгэний хурээ и других монастырей. Музею тесно, и для него строится 2-этажное здание, через которое будет вход на новый стадион, тоже строящийся ударными темпами.

Вообще Юнденбат-гуай — знающий и увлеченный своим делом краевед, доброжелательный и радостный человек. Я пригласил его в гостиницу, подарил последнюю коробку конфет и открытки для детишек. А он мне вручил набор фотографий с портретами всех маньчжурских императоров.

Побывал я и на Хөх Толгой, голубой вершине, где устроена смотровая площадка и город виден как на ладони. И наконец, вечером меня пригласили на ужин в честь окончания работы комиссии госплана, а затем на концерт самодеятельности по случаю завершения работы профсоюзной конференции.

Конечно, это самодеятельность, но, во-первых, на большом энтузиазме, во-вторых, без различия в возрасте участников. Наоборот, чем старше выступающие, тем они были активнее. И в-третьих, выступления — на довольно высоком уровне и в богатых национальных костюмах. Удивительно, как они поют свои протяжные песни при туго затянутых поясах. Вообще, все удивительно! Конферансье — молодой парень в коротких брюках, выпаливающий как из пулемета объявления номеров, дирижер в модном пиджаке с двумя разрезами, мальчишки-джазисты, некоторые в белых рубашках и при галстуках.

Публика, битком набившаяся в зал, прожекторы — все настоящее.

Возвращаемся в гостиницу пешком, в темноте и при теплой погоде.

Пятнадцатого сентября думал уехать в Арвайхээр с полком — представителем Всемирной организации здравоохранения, высоким, тощим, с бородкой и в потрясающих, предел всех мечтаний, джинсах. Но он был вынужден остаться, ждать какой-то прибор для объединенной больницы. Была еще одна оказия: утром перед гостиницей стояли два грузовика и газик геологов, направляющихся в Увэрхангайский аймак: три молодых бородача-геолога в тренировочных штанах и две девицы в штормовках копошились около машины. Они согласились взять меня, но пока я бегал в захиргаан прощаться с Рэмбо, они уехали.

Пришлось остаться и провести еще один день в Баянхонгоре. До 3 часов я знакомился с нашими специалистами, в гостинице временно проживали 2 семьи водников, а всего их в городе было 8 семей, и 20 семей строителей. Жили они в двухкомнатных квартирах в домах с центральным отоплением, воду им возили, платили от 1228 до 1360 тугриков в месяц. Есть продуктовые лавки, а одежда и прочее по заказам. Охотились, ловили рыбу, стреляли дичь. Ничего, жить можно, тем более что было полно работы.

В обед объявился мой хороший знакомый художник Санжид и, конечно, с «архи» и кумысом. У него 7 детей, старший в армии, один в 10-м классе, младшим 2–3 годика. Жена — воспитательница в детском саду. У него есть юрта и квартира с телефоном. Подумать только, в Армении, куда он ездил туристом, его принимал сам знаменитый художник М. Сарьян.

А вечером в ресторане ко мне подошел совершенно незнакомый парень — член комиссии Министерства культуры — и потащил в номер к Лувсаншараву — еще одному культуртрегеру, с которым я вчера познакомился. Он в 1969 г. окончил Центральную комсомольскую школу, был в гостях у моего коллеги и друга В. В. Грайворонского, причем настолько «хорошо» помнил его, что в переданной для В. В. Грайворонского записке написал «Дорогому Коле». Знает он и мою коллегу Галину Сергеевну Матвееву — тоже по ЦКШ. После учебы он

работал секретарем горкома МРСМ, а теперь стал инструктором Министерства культуры.

А в моем номере — полно гостей: самолеты из Баянгульгея и Кобдо садятся в Баянхонгоре. Улан-Батор не принимает — погода нелетная. Всех расписывают по номерам, у меня теперь полный комплект — 7 человек. Поначалу мои новые сожители бегут на концерт, а когда возвращаются, я проигрываю одному из них две партии в шахматы и, удрученный, ложусь спать.

Шестнадцатого сентября в 6 часов утра в комнате вспыхнул свет — кобдосцы спешили на самолет. У меня — последний завтрак в Баянхонгоре. Говорили, что в городе работает молочная столовая: каши, тарак, манты. Но я завтракаю в гостиничном ресторане. Там официантки в белых, накрахмаленных кофточках, и туалет более благоустроен. Город строится, но уже обретает столичные черты. Сходил в лавку к строителям — растворимого кофе навалом, бери — не хочу.

Домой в Улан-Батор

К гостинице в 13 часов подъехал крытый газик, который принадлежал больнице, и был он полон: подполковник-связист с женой и двумя детьми ехал в Хужирт на 14 суток отдыха; старик, по виду — бывший лама, держал путь туда же, к своим младшим братьям; мужчина с тремя детьми мал мала меньше направлялся на работу, и какой-то начальник спешил в Хар Хорин по делам. Тесно, неудобно, но ехать надо, самолет, черт его знает, придет или нет. До Арвайхээра 210 км, машина шла со скоростью 60 км в час, но реально проехали за час 45–47 км. Остановились на обед в первом встречном сомоне, где наши строители сооружали два современных кормохранилища из стекла и панелей, вроде выставочных павильонов.

Выехали в 13 часов и в 16 были в городе Арвайхээре — центре Увэрхангайского аймака. Замерз по дороге: резко похолодало, и дует пронизывающий северный ветер.

Размещаюсь в чистенькой, свежеекрашенной гостинице, один в двухместном номере, на столе графин, стаканы, блюда, тумбочка у кровати, ковры. Бегу в захиргаан, с ответственным секретарем Адъей, договариваемся отправить меня завтра в Улан-Батор.

Город сразу же производит хорошее впечатление: он весь белый, отремонтированный к 50-летию революции. Возвращаюсь в гостиницу и иду в ресторан. Зал большой, светлый, с двумя опорными колоннами, обслуживается бригадой официанток, носящей звание коллектива социалистического труда, на стенах портреты аймачных передовиков, стеллажи с маленькими книжечками для отзывов. Готовят прилично, есть кумыс. Вообще, гостиница лучше, чем в Баянхонгоре, хотя всего двухэтажная. В холле на 2-м этаже подшивки газет: «Известия», «Унэн» — все до последних номеров, шахматы, удобные журнальные столики. Хорошо, ей богу, пожалуй, это лучшая из всех гостиниц, виденных мною в аймаках.

В 18 часов с Адъей поехали осматривать город, помню, он еще в 1966 г. мне очень понравился, — был компактным и чистым. Сейчас уже совершенно четко оформлены две улицы, одна из которых заасфальтирована. Здесь расположены гостиница, краеведческий музей, два новых 4-этажных жилых дома на 36 квартир каждый, здание пищевого комбината, дежурный магазин, работающий до 10 часов вечера, здание детсада и др. Тротуар обложен бетонными плитами.

Параллельная улица обсажена деревьями, здесь расположены Центральный универмаг с продовольственными и промтоварными отделами и жилые дома. Обе улицы выходят на большую площадь, где стоит выразительный памятник арату Аюуши (1853–1945) — герою освободительной борьбы в Монголии в первое десятилетие XX века. Памятник представляет собой фигуру воина, занесшего над головой винтовку и с развивающимся плащом — лицо несколько грузное, но все равно из памятников Аюуши, а они есть и в Мурэне, и в Кобдо, это лучший.

На этой же улице здание *захиргаана* и новое современное здание отделения связи (почта и телеграф), а также строяща-

яся объединенная больница, куда в конце года должны переехать все медицинские службы, которые пока занимают одноэтажные домики — целый городок.

В юго-западной части города кипит стройка — возводится небольшой цементный завод — работают 60 наших строителей.

А в городе строятся также широкоформатный кинотеатр, новая гостиница и новое здание музея, будет свое профессионально-техническое училище, Дворец культуры и новое здание библиотеки. В городе — 10-летняя и 8-летняя школы, действует ветеринарная служба.

В целом, повторяю, городок чистенький, аккуратный, выбеленный и радостный. Много молодежи на улицах. После экскурсии по городу листаю газеты, затем бегу в кинотеатр смотреть узбекский фильм об узбекском разбойнике Хасан-беке, затем — снова газеты и спать. Завтра конец летним путешествиям, все!

Вечером следующего дня, 18 сентября, я на комфортабельном ИЛ-14 (по сравнению с АН-2 он кажется гигантом) прилетаю в Буянт-Уха, где, к моему удивлению, меня встречает Цэгмид, который на следующий день вместе с ученым секретарем АН МНР Сэрээтэром и директором Института истории Монгольской АН Ш. Нацагдоржем вылетает в Румынию на встречу начальников иностранных отделов президиумов Академий наук. 1 октября он отвозит меня домой, где в комнате спит Шагдар, — Люся еще не вернулась из отпуска.

Подведу некоторые итоги своей деятельности. Я с 3 июля по 17 сентября вновь знакомился с художником, проехал по суше около 5 тыс. км, по воде — 450, по воздуху — около 2 тыс., верхом — 100 км; побывал в 6 аймачных, 9 сомонных центрах — СХО, сведения о которых записал в полевые тетради. Они в целом свидетельствовали о безусловном росте количественных и качественных показателей развития народного хозяйства МНР за время III и IV пятилеток, о явном прогрессе в модернизации быта и жизни сельского населения. Забегая вперед, дабы подвести черту под своими впечатлениями о монгольском художнике 1971 г., я хочу кратко остановиться на поездке в Сухэ-Баторский и Восточно-Гобийский аймаки

в октябре 1971 г. Это были последние из 18 аймаков того времени, которые довелось объездить за 1966 и 1971 гг.

Каждое новое место в Монголии самобытно и интересно, эта поездка была тоже весьма познавательной. К глубокому сожалению, я не могу проследить ее день за днем, так как дневниковые записи о ней потеряны — приходится опираться на память и записки в полевых тетрадях.

На юго-востоке Монголии

В Баруун-Урт — центр Сухэ-Баторского аймака — я прилетел 15 октября. Осмотр города показал, что это небольшой ординарный аймачный центр, с 8000 жителей, проживавших в основном в юртах. Украшение городка, безусловно, современный комплекс школы-десятилетки со спортивным залом, зданием интерната, с домом для преподавательского состава — подарок Советского Союза к 50-летию Монгольской революции.

Другое отличие Баруун Урта, вообще Сухэ-Баторского аймака — пестрый этнический состав населения. Здесь много выходцев из Внутренней Монголии — узэмчинов, чахаров, тумэтов, даригангов и др. Аймак на протяжении почти 756 км граничат с Внутренней Монголией, причем в 20-е годы XX в. граница была довольно условной, и эти родственные халха-монголам народности тесно общались с Халхой и наконец часть их окончательно осела на территории МНР.

В Сухэ-Баторском аймаке я познакомился с двумя сомонами — Дариганга и Баян-дэлгор — и двумя СХО — «Дариганга» и «За Родину» («Эх орны төлөө»).

Следует сказать, что территориально оба сомона, как и еще три сомона, до национально-освободительной революции 1921 г. входили в большой Дариганга хошун, араты которого выпасали многотысячный скот, принадлежавший лично маньчжурским императорам, т.е. были пастухами императорского стада. До начала массового кооперирования

в середине 50-х годов 88% жителей Дариганга-сомона были середняками, многие имели по 1000 голов скота. Умелыми хозяйственниками они оставались, и став в 1957 г. членами СХО «Ганга», в апреле 1959 г. преобразованного в СХО «Дариганга», которое объединило еще два сельскохозяйственных кооператива. На 1970 г. это было крепкое хозяйство, имевшее 68 836 голов общественного скота, объединявшее 4000 членов, из них 500 работников, доходы которого с 1969 г. составляли не менее 2 млн тугриков, и основные производственные фонды — около 4 млн. С 1962 г. СХО перешли на денежную оплату труда. Все маточное поголовье крупного рогатого скота, коз, овец обеспечено хашанами. В СХО — 7 тракторов, 30 конных сенокосилок, плуги, сеноукладчики. В 1971 г. заготовлено 2370 т сена — 140 т СХО покупает на стороне. При хозяйстве функционировали 2 молочные фермы. Одновременно развивается и центр Дариганга-сомона: там работали медицинский пункт на 12 коек, ветпункт, школа 8-летка, клуб, детсад на 45 мест, ясли, магазины, почтовое отделение, телефонная связь; строились складские помещения, 2-этажный интернат на 100–250 школьников. В IV пятилетке намечено построить новую амбулаторию на 30 коек, клуб на 200 мест, 2 детсада, ясли. Со всеми этими показателями я ознакомился по «Исторической справке о сомоне — СХО Дариганга», составленной местным краеведом Л. Галсондоржем, и узнал их из бесед с заместителем председателя сомона СХО Цэгмид-гуаем — местным уроженцем, работающим в СХО с 1956 г.

А в Эрдэнэ Цогт-сомоне — СХО «За Родину» я — тоже по справке местного краеведа Маджийнсурэна — разобрался в стандартной организационной структуре СХО «За Родину» — также крепкого хозяйства с миллионными доходами. Высший орган СХО — его Совет, состоящий из 150 человек, выбираемых тайным голосованием по норме 1 человек от 10 членов коллективного объединения сроком на 2 года. Совет руководит всей работой СХО, собирается не реже 3 раз в год. Совет избирает президиум в составе 9 человек: председатель СХО, который одновременно становится председателем сомона, заместитель председателя (практический руководитель

СХО), бухгалтер, ветеринарный врач, зоотехник, секретарь сомонного управления, 1 скотовод (в данном случае — герой труда Дугаржав), бригадир строительной бригады, экономист. Президиум собирался не реже 1 раза в месяц.

Совет избирает тоже тайным голосованием ревизионно-контрольную комиссию из 9 человек, комиссию по охране труда — из 7, комиссию по социальному страхованию.

По мере необходимости в СХО создавались комиссии, курировавшие прием молодняка, ход подготовки к зиме, выполнение госпоставок.

Совет СХО распределял среди звеньев (*суурей*) технику, обеспечивал СХО транспортом, доставал необходимые материалы, получал на свои административные нужды 50% от доходов СХО. В объединении 165 суурей, все кочевые, переход к оседлости совершался по мере обеспечения для скота постоянной кормовой базы, строительства хашанов и колодцев.

В 1971 г. заготовили 1200 т сена. Этого хватит на подкормку молодняка, у СХО — 3 артезианских и 5 шахтных колодцев, 70% пастбищ обводнено.

В целом СХО «Дариганга» и «За Родину» оставили благоприятное впечатление, у них хороший потенциал для дальнейшего развития, как и у сомона Дариганга, с системой управления которым мне также довелось познакомиться. Высшим органом самоуправления здесь был хурал депутатов трудящихся из 30 депутатов — 1 от 50 человек населения. Его сессии проводились 3–4 раза в год. Хурал избирал исполнительное управление — захиргаа из 7 человек: председатель (он же председатель СХО Дариганга), заместитель председателя по административной работе, члены управления: 1 секретарь ячейки МНРП, заместитель секретаря, заместитель председателя по СХО, член совета СХО, председатель профсоюза.

Хурал избирал также две постоянные комиссии. Одна из них занималась вопросами сельского хозяйства. Ее функции — контроль за выполнением соответствующих решений партии и правительства, контроль за выполнением решений местных органов, контроль за ходом выполнения плановых заданий; комиссия, состоящая из 6–7 человек (ее председатель —

секретарь ячейки МРСМ) собирается 1 раз в сезон для распределения обязанностей среди членов, подготовки предложений для сомонного управления. Вторая комиссия — по торговым заготовкам, в составе 6-7 человек. Председатель — бригадир строительной бригады.

В сомоне 40 человек с высшим образованием, 60 — со средним специальным и 100 — с полным средним.

В сомоне — несколько общественных организаций:

1. Комитет ревсомола.
2. Женсовет из 7 человек, представляющий 2 тыс. членов.
3. Комитет профорганизации.
4. Отделение Общества монголо-советской дружбы.
5. Комиссия помощи партии и государству (состоит из представителей всех слоев населения, председатель — зам. секретаря ячейки МНРП).
6. Отделение общества «Красного Креста».
7. Спортивное общество (во главе с секретарем Комитета ревсомола).
8. Общественная бригада помощи милиции.

Обогащенный этими сведениями, я на ГАЗ-69 поехал в центр Восточно-Гобийского аймака — Сайншанд.

Город производил двоякое впечатление: с одной стороны, это — обычный аймачный центр с рядами домов, хашанов, кварталов юрт, с другой — наши военные части, дислоцированные в самом Сайншанде и поблизости, придавали ему черты гарнизонного городка. Важная особенность Сайншанда — та, что он был последней железнодорожной станцией перед конечным пунктом УБЖД в Замын-Удэ у границы с Китаем.

В Сайншанде, после осмотра города, я в сопровождении сотрудника орготдела исполкома хурала депутатов трудящихся Эрэнцогта познакомился с школой-десятилеткой, где преподавателями химии, физики и русского языка работали советские педагоги. Из ее выпускников 1970 г. 56 поступили в столичные вузы, остальные пошли работать в животноводство, туда же пришли более половины из 126 выпускников двух седьмых классов. При школе действовала и вечерняя школа, дававшая среднее образование.

В промысловой артели впечатление хорошо налаженного производства детской и взрослой обуви, рабочей одежды, дэли, нижнего белья, одеял, изделий для юрты, мебели для юрт и домашнего квартирного хозяйства оставили соответствующие цеха.

Побывали мы в Далан-Жаргалант-сомоне — объединении «Туяа» («Сияние»), расположенном в 156 км от аймачного центра. На территории сомона работал также и единственный в МНР каракулеводческий госхоз. Что касается СХО «Туяа», созданного в 1939 г., то оно было старейшим объединением в аймаке.

В 1971 г. у СХО было больше 60 тыс. голов общественного стада, 30 тыс. овец и 20 тыс. коз, около 3 тыс. голов крупного рогатого скота, 8 тыс. лошадей, около 1400 верблюдов.

Территория сомона и СХО расположена в основном, как, впрочем, и большая часть Восточно-Гобийского аймака, в зоне пустыни, и поэтому земледелием здесь не занимались — почва не позволяла. Работали две животноводческие бригады, 1 племенная ферма, бригада, занимавшаяся строительством хашанов и колодцев и уходом за ними; в СХО было 108 суурей.

В 1972 г. СХО собиралось получить 1 млн 600 тыс. тугриков дохода, чистая прибыль должна составить 200 тыс. тугриков; члены СХО зарабатывали в среднем 1500–2000 тугриков, в личной собственности 20–25 тыс. голов скота — до 75 голов на человека.

В СХО велась селекционная племенная работа — скрещивание овец местной породы — их больше 50% от общего поголовья овец — с овцами шерстно-мясной породы «чамар».

Большое преимущество СХО «Туяа» по сравнению с другими объединениями заключалось в том, что благодаря близости центра Далан Жаргалант-сомона к железной дороге объединение ежегодно получало 20 тыс. тугриков дополнительного дохода за счет экономии на перевозках необходимых материалов, кормов.

Племенная ферма при СХО работала с 1969 г. У нее три пункта, в каждом из которых скрещивали по 250–300 овец.

К 1971 г. на ферме уже насчитывалось 346 голов помесной породы, и каждая давала 1600 грамм шерсти — на 200 грамм больше, чем здешние овцы. По плану выход шерсти должен составить 2000 грамм; а мяса овца породы «чамар» дает 40 кг, т.е. на 10 кг больше, чем местная.

На каждом пункте работали 3 человека: 1 зоотехник со средним профессиональным образованием (он получает в месяц 400 тугриков), 1 чабан, 1 уборщица, которые зарабатывали, в среднем, 1–2 тыс. тугриков в год. Кроме того, к каждому пункту было прикреплено 7 суурей, выпасавших 3 тыс. овец. Работник фермы в среднем зарабатывал в год от 1000 до 2000 тугриков.

Посетили мы и аил овцевода Пунцагийн Хорлоо, который пас 346 овец общественного стада. В аиле было три работника, и еще трое занимались домашними делами. П. Хорлоо уже 4 года возглавлял это овцеводческое звено и неизменно выполнял плановые задания — от 100 овец маточного поголовья получить и вырастить 91 ягненка, причем в 1970 г. приплод составил даже больше — 97 ягнят.

Интересно, как проводились перекочевки. В ноябре звено (*суурь*) Харлоо перебиралось на первую зимовку, в 30 км от его отгонной стоянки, в декабре — феврале — на 2-е зимнее стойбище, в 76 км от первого. В марте стадо перегоняли на весенние пастбища. А примерно с 1 мая начиналась отгонная пастьба, которая продолжалась до начала случек в середине октября. С весны до осени звено перекочевывало не менее чем на 200 км.

Производственный план для звена П. Хорлоо предусматривал также ежегодную обязательную сдачу шерсти по определенным нормам и добровольную сдачу мяса, причем заготовительная цена за 1 кг мяса составляла 1 тугрик 85 мунго, а при сдаче сверх нормы на добровольных началах платили на 50% больше.

В личной собственности членов СХО «Туяа» было 40 голов скота на человека, и они ежемесячно получали аванс — 200 тугриков, а общие годовые доходы на члена СХО составляли 1000–1200 тугриков. Кроме того, члены СХО имели

право покупать у объединения скот: овцу — за 65 тугриков, козу — за 40, корову или верблюда — за 450 тугриков.

Все эти сведения я почерпнул из материалов, предоставленных мне в сомонном управлении, и из бесед с председателем сомона Далан Жаргалант объединения «Туяа» Х. Намхаем и директором племенной фермы Шагдары Оюуном, а также главой овцеводческой суури П. Хорлоо.

Из сомона Далан Жаргалант я уехал 12 октября на поезде. Был ли это пассажирско-товарный или небольшой пассажирский поезд — не помню. Но помню, что он остановился прямо в центре поселка, недалеко от гостиницы, рассекая своими огнями окружающую крошечную темноту. Проводница открыла дверь и прокричала, что стоянка — 4 минуты.

Эрэнцогт помог мне забросить чемодан в тамбур и самому забраться туда — никакой платформы не было и в помине. Мы распрощались, и поезд тронулся в путь. Вагон был забит молодыми лейтенантами, едущими в отпуск. Они весело проводили время — всю ночь пьянствовали. Утром я был в Улан-Баторе.

Все разъезды по монгольскому худону закончились. Он здорово изменился за 5 лет, прошедшие с моего первого знакомства с монгольской периферией 1966 г. Прогресс чувствовался во всем: облике аймачных и сомонных центров, ставших настоящими оседлыми поселениями, к 50-летию революции весьма обновленными, похорошевшими, и в строительстве новых предприятий, и в укреплении СХО и госхозов, начинавших развивать многоотраслевое производство, и в увеличении числа профессионально подготовленных кадров специалистов.

В целом худон, как и вся страна, находился в стадии динамичного развития и производил отрадное впечатление, что я и пытался отразить в своих путевых заметках, и в опубликованных по горячим следам статьях (см. Приложение).

Улан-Батор. Конец осени 1971 г.

Итак, с 23 октября началась обычная улан-баторская жизнь — обязательная пробежка по утрам, работа в Статуправлении, беготня по магазинам, на почту, встречи с коллегами — С. К. Роциным и В. В. Грайворонским, Г. И. Слесарчук и Г. С. Яскиной.

26 октября с Володей Грайворонским поехал в Институт животноводства, где ученый секретарь толстяк Моёбуу прочел нам целую лекцию об основных направлениях исследований своего учреждения.

В институте 400 человек, из которых 100 — научные работники, есть своя экспериментальная база в Булган-сомоне Южно-Гобийского аймака, свое стадо в 5 тыс. голов скота. Проводится скрещивание монгольской местной породы крупного рогатого скота с казахской белой породой, хайнаков с алатауской породой, помесные коровы дают 900–1100 литров молока за лактационный период и весят 420–450 кг. Другое направление работы — улучшение случного дела и совершенствование технологии ухода за молодым.

Двадцать седьмое октября. Хорошо дышать на бегу, когда воздух морозный и солнце встает красное, словно опухшее от сна. Но плохо работается — за весь день написал всего четыре страницы. На следующий день после полудня был в посольстве, общался с С. К. Роциным, В. В. Ткачевым, Г. А. Ивахиным и с самим советником-посланником А. Н. Катериничем. Оказывается, что великолепные комплексы школ-десятилеток, которые я видел в Улясутае, Алтае и Баруун Урте, — это его идея.

А вечером — монгольская опера «Голубая кукушка». Очень мелодично, красочно, но нет ни дуэтов, ни трио, только солисты, хор и мало действия. Ведущий тенор Г. Хайдав поет лучше, чем раньше, но двигается плохо, статичен. Есть приятные женские голоса. Однако зал полупустой: кроме корейцев и нас — почти никого.

А 1 ноября состоялась по предварительной договоренности с А. Н. Катериничем наша встреча — Г. И. Слесарчук, В. В. Грайворонского и меня с чрезвычайным и полномочным послом СССР в МНР Семеном Николаевичем Щетининым.

В кабинете посла — книжная «Хельга» во всю стену, мягкие кресла вокруг чайного столика, рабочий стол. Хозяин — умудренный опытом, с виду несколько бирюковатый, но когда смеется — лицо приобретает лукаво-доброе выражение.

Меня он вспомнил: в феврале 1968 г. был на защите моей диссертации и потом одобрительно отзывался о моей книге.

Беседа шла 2,5 часа, посол был в хорошем настроении и даже откровенничал: пью виски, сахар не употребляю совсем. На беседе были советники по вопросам внутренних дел (А. Н. Катеринич) и внешней политики (М. И. Сидоров), работники посольства. Посол сделал ряд интересных сообщений. Он, во-первых, дал высшую оценку посольским материалам — политическим и экономическим обзорам, во-вторых, перейдя непосредственно к экономике МНР, признал большие сдвиги в ее развитии: за последний год увеличилось поголовье скота на 1 млн 750 тыс., сбор зерна составил 400 тыс. т, заготовлено 700 тыс. т сена, что дало возможность подкармливать скот в период *дзуда* и снегопадов (в 1970 г. этими стихийными бедствиями были охвачены 8 аймаков центральной части страны, но благодаря караванам верблюдов — каждый верблюд доставил 600 кг сена — спасли положение, падеж был минимальным); в-третьих, в стране наблюдался большой политический подъем, а также стало больше высококвалифицированных руководителей, они все понимают и, придя к власти, будут разговаривать с нами на совсем другом языке — языке экономики, и не простят нам больших огрехов в технике, документации, экономических расчетах. Затем посол говорил о низком уровне нашего проектирования и строительства и привел несколько примеров: в Чойбалсане построили электростанцию, но со двора не убрали строительные сарайчики, не позаботились о подъездных путях, железнодорожной ветке, в Арвайхээре авторемонтный завод забит импортными болтами, винтиками и прочими металлическими поделками — но они бесполезны, так

как не оцинкованы, а в Монголии цинка нет — есть серная кислота, но нет для нее вазочек; на войлочно-валяльную фабрику в Дархане вместо оборудования для обработки войлока привезли шлифовальные станки. Все это, по мнению посла, проявление головотяпства, незнания монгольских условий. Отметил посол случаи правонарушений и позорного поведения советских специалистов, что объясняется плохим подбором — низкая квалификация, низкий уровень образования, привычка работать с какими попало инструментами. Отмечено и неумение наших специалистов обучать. За первое полугодие 1971 г. 26 наших специалистов осуждены за воровство, наезды, хулиганство. Среди них 2 офицера — один пытался унести флаг Кубы как сувенир — его судили судом чести, есть и убийства. Посол убежден, что монголы умеют отлично работать, и они работают: управляют скоростными самолетами, водят электропоезда, добывают полезные ископаемые. Мы должны давать им все, что они просят, — в этом преимущество нашей политики. Посол проявил прекрасную осведомленность о блестящих перспективах «Эрдэнэа», его экономическом потенциале. Комбинат только строится, в текущем году на него выделено 170 млн рублей.

Говорил он и о реконструкции Бэрхинского рудника — она сулит в будущем по 70 тыс. т флюорита в год при низкой стоимости добычи, а также о планах разработки фосфоритов в Хувсугульском аймаке. И впервые коснулся богатейших залежей коксующегося угля «Таван-Тлгой» в Южной Гоби, заметив, что пока монгольская сторона не поднимает вопрос о разработке этого месторождения, поскольку оно расположено в 500 км от железной дороги в безводной местности.

Затронут был и вопрос о добыче вольфрама в Эрдэнэ Цагаан-сомоне Сухэ-Баторского аймака. Там ведут работу геологи, а из действующих рудников закрыты пять за нерентабельностью.

Затем посол затронул тему сложных отношений в столице между многими дипломатическими представительствами. Новый китайский посол — человек мудрый, не носил значка с портретом Мао. Он нанес визит в наше посольство, распо-

ложен вести переговоры (был Первым секретарем посольства КНР в СССР). А посол Англии пока пребывает в самоизоляции, не здоровается. О французском после можно сказать лишь, что он весьма представительный мужчина, а посол Румынии курсирует между посольствами СССР и КНР.

С. Н. Щетинин далее подчеркнул, что монголы готовы отказать от юрты. Это же не жилье: зимой холодно, всего 5–8 градусов, печка греет грудь, но не спину. В перспективе — предстоит переезд из юрты в сборные домики. Ю. Цеденбал ставил этот вопрос на последних экономических переговорах в 1970 г. и во время приезда председателя Совета министров СССР А. Н. Косыгина на празднование 50-летия Монгольской революции в 1971 г. В ответ Косыгин сказал: правильно, но почему так поздно?

Возвращаясь к экономическим темам, Щетинин дал понять, что по инициативе Монголии обсуждаются вопросы об оказании ей помощи в добыче меди, молибдена (Эрдэнэт), плавикового шпата, вольфрама и в перспективе — олова.

По мнению посла, экономические новшества (переход к хозрасчету, большей самостоятельности предприятий — Косыгинские идеи) в МНР вводятся весьма осторожно, а по сути, спущены на тормозах. Монголы отказались от направления в Иркутскую область делегации для ознакомления с ходом реформы: хозрасчет пытались ввести в Улан-Баторе на хлебозаводе, в некоторых цехах Промкомбината, на кондитерской фабрике, на автобазе, однако неясно, чем это закончилось. А на новые предприятия: ковровую фабрику, мясокомбинат в столице, а также домостроительный комбинат в Баянхонгоре, мукомольный комбинат в Мурэне «нас, — обиженно сказал посол, — не пускают».

И последнее, что он нам сообщил, — это то, что «Ленклуб» нерентабелен: «Мы собирались продать его монголам, но они отказались. Будут строить Дворец профсоюзов, Дворец культуры, а то у рабочего класса, примерно 30–40 тыс. человек, еще нет своего уголка, даже на Промкомбинате и других предприятиях...»

В целом Семен Николаевич Щетинин производил впечатление человека очень знающего, умного и болеющего за свое

дело. Завершив беседу с нами, он отправился на прием в посольство Кубы.

А мы продолжили собирать информацию из уст первого секретаря по промышленности, бывшего секретаря ВЛКСМ по Московской области М. П. Макареева и первого секретаря по сельскому хозяйству нашего коллеги Сергея Рощина.

М. П. Макареев рассказал о вводе в эксплуатацию новых месторождений цветных металлов и новых промышленных мощностей, об увеличении добычи золота, флюорита, олова, о сокращении импорта строительных материалов благодаря производству на месте кирпича, цемента, спичек, а также о подготовке национальных кадров специалистов.

Вместе с тем ни он, ни Рощин не дали ответа на вопрос, есть ли у посольства своя концепция экономического развития Монголии и что выгоднее развивать в первую очередь — горнорудную, перерабатывающую промышленность или сельское хозяйство. Чувствовалась какая-то робость мысли и отсутствие четкой схемы подъема сельского хозяйства. Более того, ощущалась явная тенденция поставить крест на этой сфере и не думать об обработке сельскохозяйственного сырья. Показательно, что овчинно-шубная фабрика в Дархане построена без одобрения посольства СССР с помощью Болгарии и ее продукция никогда не экспортировалась в Советский Союз.

Такая близорукая позиция скорее всего отражала боязнь: а вдруг монголы станут вывозить свою готовую продукцию на мировой рынок! На мой взгляд, это куриная слепота, такая же, как боязнь предоставить нашим колхозам право свободной торговли хлебом, а монгольским СХО — мясом и вообще боязнь допустить свободу действия экономических законов.

Это подтвердилось и на следующий день во время нашей беседы в ГКЭС с начальником комплексной группы, курирующей общие вопросы экономики, Евгением Бонифатьевичем Терновым и руководителем группы по сельскому хозяйству Е. П. Ивановым.

Между ними полно разногласий: один считает строительство комбикормовых заводов ошибочным (Тернов), другой — правильным; один — за направление средств в первую очередь

на повышение культурного уровня как якобы главного пути решения экономических проблем (Тернов), другой — за приоритет экономики, и прежде всего решения кормовой проблемы (Иванов), так как выгоднее возить сено даже за тысячи километров, чем позволять, чтобы ежегодно в среднем гибло до 12 тыс. животных. (Недаром с 1965 г. поголовье скота в стране сократилось на 200 тыс. голов.)

Оба специалиста пессимистически оценивают перспективы подъема монгольского животноводства, огорчаются по поводу новых направлений его развития или вообще отсутствия таковых. Вместе с тем они тоже не имеют единой и научно обоснованной точки зрения на дальнейшее продвижение вперед монгольской экономики.

В принципе они против предоставления монголам полной самостоятельности в переработке сельскохозяйственного сырья на месте: «Нам выгодно вывозить сырье в натуральном виде». Да и монголы-де не в состоянии перерабатывать его должным образом. Эти взгляды были, конечно, чисто личными и отражали не реальную политику, а лишь борьбу мнений среди специалистов. Но мне показалось, что оба оппонента не учитывали возможности политических и экономических перемен в Монголии.

В целом беседы в посольстве и ГКЭС оставили у меня чувство некой неудовлетворенности, так как четкого и аргументированного ответа на вопрос, как наши дипломатические специалисты представляют себе будущее монгольской экономики и страны в целом, я не получил.

29 октября мы с Владимиром Грайворонским присутствовали на конференции Института пастбищ и кормов в актовом зале Министерства сельского хозяйства. В вестибюле здания министерства была развернута выставка: схемы, диаграммы, наглядные пособия о работах, выполненных институтом за 3 последних года. Ученый секретарь института Д. Моёбуу прочел свой доклад «50 лет изучения пастбищ и кормов» так скоропалительно, что я практически ничего не понял, кроме того, что в новой пятилетке перед институтом поставлена генеральная задача создания научных основ ведения пастбищного хозяйства и укрепления кормовой базы. Институт уже провел

изучение 275 пастбищных растений в 760 точках 28 сомонов всех климатических зон.

А 1 октября мы присутствовали на юбилейной сессии дру-гого научного учреждения — Института животноводства — в этом же зале. Оба института ведут свое происхождение от Сель-скохозяйственного института, созданного в 1967 г. Тогда же от него отпочковался Институт пастбищ и кормов, а в 1968 г. оставшаяся часть была преобразована в Институт животновод-ства, в постоянном штате которого 216 научных сотрудников. Основные направления их работы — возможности увеличе-ния поголовья крупного рогатого скота и повышения его про-дуктивности путем селекции, скрещивания, новой техноло-гии выращивания молодняка и т.п. Институту принадлежат опытная станция в Южном Гоби, молочный завод в Хужирте. Весь штат 400 сотрудников.

В первой декаде ноября я урывками работал в Статуправ-лении, а именно часами сидел, переписывая бесконечные ко-лонки показателей развития народного хозяйства за годы III пятилетки, а кроме того, занимался и личными делами — хлопотал, готовясь отметить свой день рождения, — надо же было накормить и напоить 18 гостей. И это все в довольно хвором состоянии — подхватил где-то грипп, мне даже для ин-тереса бюллетень выписали.

А вторая половина ноября 1971 г. — января 1972 г. прошли в напряженной работе в библиотеке, Статуправлении, немного в партийном архиве, куда меня на неделю с большим трудом допустил заведующий Б. Лигуу, за написанием статьи «Запад-ные фальсификаторы и действительность», занявшей целый подвал в центральном органе ЦК МНРП газете «Унэн» 2 мар-та 1972 г., и подготовкой выступления в партшколе с расска-зом о своих впечатлениях от вояжей по стране.

Все это время я в одиночку, а также иногда вместе с моими коллегами — Г.И. Слесарчук, Г.С. Яскиной, В.В. Грайворон-ским, Г.С. Гороховой, Т.А. Якимовой — продолжал знакомить-ся с новыми промышленными предприятиями Улан-Батора. Я побывал на них и собрал данные о работе домостроитель-ного комбината, введенного в строй в 1968 г. и положившего

начало строительству блочных и панельных 10–12-этажных домов в городе, ковровой фабрики с проектной мощностью 175 тыс. кв. м в год, построенной с помощью ГДР и приступившей к производству 8 июля 1971 г., мясокомбината, сданного в эксплуатацию в 1968 г. также с помощью ГДР. Комбинат — крупное предприятие, которое, по плану, должно производить 7 т колбасных изделий 20 видов и 8,3 т консервных изделий за смену.

Посетил я также молочный и хлебный заводы, а общую картину развития легкой и пищевой промышленности мне обрисовали, подкрепив статистическими выкладками, в соответствующем министерстве.

Это беглое знакомство со столичной промышленностью показало, что страна в основном обеспечивает себя продуктами питания, одеждой и обувью, что курс МНРП на индустриализацию страны уже приносит первые результаты.

Разработкой курса на индустриализацию и вообще развитие народного хозяйства наряду с правительственными ведомствами активно занимался Институт экономики АН МНР, где я имел удовольствие пообщаться с ведущими специалистами, докторами наук Д. Загасбалданом, П. Нэргуем, Н. Жадамбой, Б. Гунгадашем и моим хорошим знакомым Х. Дашдондовом. Они рассказали о проблематике исследований, проводимых в институте, направленной на превращение МНР в индустриально-аграрное государство.

Широким диапазоном отличались и работы, проводимые в Институте языка и филологии, в Институте истории АН МНР.

Двадцать филологов и языковедов изучали в основном три области — монгольский фольклор, историю и современное состояние монгольской литературы, монгольский язык и его диалекты.

Созданы историческая и сравнительная грамматика монгольского языка (академик Б. Ринчэн), грамматика современного монгольского языка (Ш. Лувсанвандан), опубликованы «Толковый словарь монгольского языка», монголо-русский словарь, полный текст и перевод «Нууц Товчоо» («Сокровенного сказания») — работа Б. Соднома и Ш. Нацагдоржа.

Эти фрагментарные сведения я получил во время посещения института и беседы с известным писателем и ученым П. Хорлоо. И уже совершенно отрывочные сведения удалось собрать об исследованиях в Институте истории АН МНР из периодических контактов и общения с директором института Ш. Нацагдоржем, сотрудниками — Ш. Сандагом, Н. Ишжамцем, Д. Гонгором, С. Бадамхатаном и другими. Я из этих бесед узнал, что в институте проводятся исследования по всем периодам монгольской истории с акцентом на изучение этапов национально-освободительного движения и некапиталистического пути развития Монголии после 1921 г.

В целом академические институты вели напряженную работу, отвечающую потребностям общества в развитии гуманитарных знаний, а Институт экономики — и решением народнохозяйственных задач.

Это было ярко продемонстрировано на юбилейной сессии АН МНР 10 ноября 1971 г., на которой мы с интересом выслушали доклады всех ведущих ученых-гуманитариев. Общее впечатление: рост научных кадров, молодые ученые свободно и активно участвуют в дискуссиях, умело аргументируют, хорошо организован сам процесс заседаний, используются стенография, магнитофонные записи.

Особенно запомнились доклады Б. Гонгора о необходимости пересмотра существующих версий первой агитационной листовки революционеров 1921 г., Ш. Биры — оценка Сэцэн Хунтайджи как одного из столпов монгольской феодальной историографии, Ш. Сандага — о новых документах по истории заключения советско-монгольского договора 1921 г. и о попытках советского правительства установить отношения мирного сосуществования с монархией богдо-хана.

Не менее интересными были красочно иллюстрированный доклад Х. Нямбуу о результатах конкретных социологических исследований, имеющих в виду определение зависимости производительности труда от уровня образованности и культуры работников, доклады Х. Пэрлээ и Цэрэнханд — о новых обычаях членов СХО, Ч. Жугдэра — о ранних философских концепциях и их преемственности и др.

В прениях выступал Б. Норовсамбуу — уверенный, энергичный, теоретически хорошо подготовленный, С. Пурэвжав полемизировал с Ш. Бирой и Н. Сэр-Оджавом.

В целом сессия была деловой и по-настоящему научной.

Улан-Батор.

Декабрь 1971 — февраль 1972 гг.

В конце ноября я проводил на Родину В. В. Грайворонского, потом Г. С. Яскину, потом известных геологов — докторов наук Николая Сергеевича Зайцева, с которым много раз пересекался в своих разъездах по стране, и поляка Янека — оба очаровательные люди, умные, талантливые, интеллектуалы и очень любезные.

Двадцать седьмого ноября встречал на вокзале Галину Сергеевну Горохову — ученого секретаря нашего отдела: у нее — месячная командировка, поедет в Дархан. Она стала частым гостем в моем жилище.

Кажется, в середине декабря уехала Галина Ивановна, и я перебрался в ее уютную, с телефоном, однокомнатную квартиру на 3-м этаже в соседнем подъезде, но я сохранил ключи и от старой квартиры, которая долго оставалась пустой, Люся и Шагдар куда-то съехали.

Беру уроки монгольского у Г. Лувсанбалдана и академика Ш. Лувсанвандана. Последний проживал в большой трехкомнатной квартире в одном из типовых домов постройки 30-х годов — я еле нашел его квартиру. В ней куча детишек, которых он кормит и поит, хотя непонятно откуда они и кем ему приходится. Старший сын академика окончил физфак Ленинградского университета. Он заходил в комнату в разгар занятий. Удивительно внешне похож на отца. Я его видел в Ленинграде в обществе Кости — сына Ц. Дамдинсүрэна.

Первые же и все последующие наши занятия языком плавно переходили в философские беседы, из которых вытекало, что марксистская диалектика есть производное от буддийской религии.

Лама Самбуу

Еще в 1966 г. мой бахша — учитель-академик Ш. Лувсан-вандан-гуай — обещал познакомить меня с одним выдающимся человеком, неким ламой Самбуу, который многие годы прожил в Индии и Тибете, вернулся и предложил властям дать ему на воспитание несколько мальчиков, чтобы подготовить их к принятию монашеского сана. Живет этот человек в Улан-Баторе, практикует лечение методами тибетской медицины.

И вот 4 декабря 1971 г. мы отправились на окраину Улан-Батора в небольшой поселок, где за частоколом высоких заборов в аккуратных глиняных домах жили китайцы — переселенцы из районов нового строительства, — там у Ш. Лувсанвандана был летний домик, где летом жила его супруга с детьми.

Мы подошли к открытым воротам одного из хашанов (двора, обнесенного забором), в глубине которого стоял добротный каменный дом с крыльцом, рядом с которым молодой парень, как потом выяснилось, выпускник советского строительного училища, рубил дрова.

Из дома нам навстречу вышел низкорослый, худенький, но крепкий на вид человек. Это и был бывший лама Ганданского монастыря. В 1924 г. по официальному разрешению он уехал в Тибет, и там провел 16 лет, затем через Бутан переехал в Индию, где прожил 20 лет и стал известен как один из авторитетных религиозных деятелей — печатал брошюры по истории ламаистской церкви и даже один философский трактат (сейчас, хитрец, говорит, что все сжег).

Несколько лет преподавал монгольский и тибетский языки в университете Калькутты, где в 1956 г. на какой-то конференции познакомился с моим шефом — заведующим сектором Монголии в Институте востоковедения АН СССР Санже Данциговичем Дылыковым и другими нашими делегатами, заходил к ним в гостиницу. Он писал письма Дж. Неру о необходимости признания Монголии, хотя и критиковал его

за попустительство красным, Н. С. Хрущеву — о пяти принципах мирного сосуществования.

В конце 50-х годов с трудом выбрался из Индии в Японию, а оттуда в Россию, 7 дней провел в Москве.

Он вернулся в Монголию в 1960 г., но не прижился ни в Академии наук, считал, что его недооценивают, ни в Гандане, где претендовал на особые привилегии. Построил дом из четырех комнат с крыльцом и стал жить трудами кустаря-умельца (Самбуу — искусный столяр, его поделки в Индии в свое время стоили по 700–1000 рупий) и на свои накопления, а также практикует врачевание методами тибетской медицины. Он знает и способы приготовления красителей из растений и многие рецепты восточной медицины. В 1971 г. ему было 72 года. Производил впечатление человека, умудренного жизненным опытом, спокойного, умного и очень образованного. Отлично знал русский, а также тибетский, маньчжурский, китайский, санскрит и английский языки.

Нас встретил очень приветливо, пригласил в дом, угостил традиционным чаем, монгольским печеньем. Обслуживал тот самый парень, который колол дрова. Теперь это — наследник ламы, который собирался умирать, хотя выглядел отлично. В доме чисто, уютно, все комнаты в коврах, в задней — молитвенные чашечки, бурханы, средняя — вроде столовой. За чаем завели светскую беседу, хозяин говорил о многом с иронией, критически. Особенно ламе не нравился современный монгольский алфавит, с его заимствованными из кириллицы забытыми в русском буквами фитой (Ө) и ижицей (Ү), который-де совершенно не подходит к звуковому строю монгольского языка. «И вообще, разве есть новая монгольская письменность?» — с ехидцей спрашивал он. И привел пример: «Утга зохиол». Если правильно переводить, то это — не литература, а просто «*жопа, жопья литература*» и т. п.

Упомянул хозяин и особый древний обычай при заключении торговых сделок: покупатели и продавцы засовывали руки в дэли друг друга, чтобы никто не видел сумму сделки, и там складывали пальцы, каждый палец обозначал определенную сумму.

Попрощались мы очень дружелюбно, хозяин проводил нас до калитки и пригласил приходить к нему в гости. По происхождению он бурят и дальний родственник директора Института истории партии Балдоо. Как видно, Самбуу был не один такой лама-возвращенец, но общаться с другими мне не пришлось.

Китаец

Первого сентября по дороге в Статуправление у меня произошло любопытное знакомство: на автобусной остановке ко мне обратился по-русски китаец в рабочем, но чистом и опрятном комбинезоне: «Сколько время?». Я ответил на монгольском. Он говорит: «Не понимаю». «Врет, конечно, все понимает» — подумал я. — «Ты где работаешь?» — «Тайна», — улыбнулся он. «Разведка? Нет, не похоже», — пронеслось в голове. Сели в автобус, я взял билеты, и вместе с нами сел, по-моему, «искусствовед в штатском». Кажется, он следил за нами, но почему-то через две остановки вышел из автобуса.

Из беседы с китайцем в автобусе я узнал: зовут его Аянгаа (монгольское имя!), ему 27 лет, родом из Пекина. Там и сейчас жили его родители, младший брат с женой — хунвэйбины, он и сам одно время был в их рядах, но потом разошелся с ними и с согласия отца и матери в 1967 г. перешел нелегально границу. Один год жил в худоне, в Хувсугульском аймаке. Сейчас живет в фанзе, в китайском квартале в Амгалане — предместье Улан-Батора, перебивается «хара-ажил» (черной работой). Вот и сейчас он ехал на стройку с двумя ведрами: в одном — инструмент, в другом — известка, мел и еще какой-то материал. С китайским посольством не общается, его контролируют монгольские цагда — милиционеры.

Аянгаа изъявил большое желание бдизко познакомиться со мной, прийти в гости, просил записать мой адрес, в чем я ему отказал — больно тяжелые отношения были в тот период с маоистским Китаем, но устно рассказал, как меня найти.

Пусть приходит, у меня военных секретов нет, посмотрим, кто он — перебежчик или провокатор? На этом мы расстались, я вышел на своей остановке, а он поехал дальше.

На следующий день я рассказал об этой встрече Д. Гонгору и Ш. Нацагдоржу, и посольским Рошину, Звереву, которые не стали возражать против моих дальнейших контактов с китайцем. И они состоялись: буквально через день, 3 декабря, Аянгаа появился на пороге моей квартиры — чист, крепок, производил слишком бодрое и здоровое впечатление для перебежчика. Он внимательно, с любопытством осмотрел мое жилище, но разговор не состоялся — я ждал гостей и попросил его прийти завтра в 3 часа.

Сразу после его ухода объявился Ш. Сандаг с двумя бутылками коньяка и снедью — он получил гонорар — 5 тысяч тугриков за свою книгу о внешней политике Монголии в 1911–1931 гг., 360 тугриков за печатный лист. Был обижен — так платили за перевод, а это был авторский текст. Вот и решил залить обиду, да и компенсировать себе долгое воздержание от спиртного. Вообще, он был очень талантливый, но самолюбивый и легко ранимый человек, отчасти даже несчастный — глубоко переживал фактический, неформальный разрыв с женой, красавицей-монголкой, с которой познакомился когда-то во время отпуска по дороге в Сочи и которая осела в Москве, он скучает по дочери-восьмикласснице, живущей с мамой.

Скоро появился и Д. Дашзэвэг — мерить пальто, которое я купил для него в посольском ОРСе. Все отлично подходит, есть повод обмыть покупку, и мы — втроем загуляли. Коньяк с лимоном, пиво с воблой, колбаса, мандарины и вкуснейший печеночный паштет — это продукция нового мясокомбината, который стал выпускать также замечательные консервы: говяжью тушенку, завтрак туриста, язык в желе. Слава богу, научились перерабатывать свое мясо.

День превратился в мальчишник: сначала у меня, потом в ресторане гостиницы «Улан-Батор» и в конце — у Сандага.

А 4 декабря ровно в три часа пришел Аянгаа, в костюме, белой рубашке с галстуком. Сели за стол с остатками вчерашних

яств, но без спиртного. Китаец выглядел прекрасно, внушал симпатию: открытое молодое лицо, высокий лоб, умные глаза, хорошая приветливая улыбка, откровенный разговор. Оказывается, он — интеллигент, окончил филологический факультет университета в Хух-Хото, был автором ряда повестей, напечатанных в журналах Внутренней Монголии. Там, по его словам, не было никаких ограничений для развития монгольского языка, никаких обязательных смешанных браков. Но, тем не менее, положение монголов ухудшалось в силу наплыва во Внутреннюю Монголию ханьцев из других районов Китая, повышения налогов и коммунальных платежей.

Мао, по мнению Аянгаа, был хорошим человеком и великим деятелем, но постарел и свихнулся, он стал уничтожать своих бывших сподвижников — Ван Ли, Лю Шаоци, Линь Бяо, спровоцировал гибель последнего в самолете, сбитом над Хэнтийским аймаком. Об этом передавало американское радио в передачах на китайском языке, которое он слушал регулярно.

Рассказал, что он в Монголии сначала пытался вести анти-маоистскую пропаганду среди китайских рабочих-строителей, под псевдонимом печатал статьи против Мао в журнале «Цог» (что потом подтвердил Ш. Лувсанвандан). За это получил грозное предписание явиться в посольство КНР для объяснений, которое проигнорировал. Хотели выселить, но заступились монгольские власти.

Говоря о своих планах на будущее, сказал, что изучает русский язык и мечтает поехать учиться в СССР. А пока намерен твердо осесть в Монголии, жениться, если получится, на монголке и дожидаться перемен в Китае, куда хочет вернуться во всеоружии — со знанием русского и монгольского языков. Менять гражданство не будет, остается гражданином КНР.

В течение всей беседы Аянгаа вел себя очень интеллигентно, аккуратно и мало кушал, меня почти ни о чем не расспрашивал. Весь его облик был привлекательным. Нет, не был он ни шпионом, ни провокатором, а был истинным, добровольным перебежчиком. Мне было его и жалко, и, скажу прямо, боязно идти на сближение. И таких антимаоистских перебеж-

чиков, как уверяли меня монгольские друзья, в Улан-Баторе было немало, хотя вся китайская диаспора в столице насчитывала 8 тыс. человек.

Мы тепло распрощались, и более я его никогда не видел и не знаю, как сложилась его дальнейшая судьба.

Празднование Нового года по европейскому и монгольскому календарям

Из знаменательных событий, предшествовавших празднованию Нового года, следует отметить, конечно, открытие 26 ноября 1971 г. Музея революции, над организацией экспозиции которого, в частности, Д. Дашжамц в ноябре трудился днем и ночью.

Здание музея тяжеловесное, приземистое, и все три этажа заполнены экспозицией, подавляющую часть которой составляли фотоматериалы и фотокопии документов.

На первом этаже была повторно развернута выставка «50 лет революции». Материалы были размещены в хронологическом порядке: Монголия под властью маньчжуров, немного об автономии, влияние Октября, затем о зарождении революционных кружков, революции 1921 г. и за 1921–1972 гг. все съезды МНРП, от I до XVI включительно.

Есть несколько редких исторических документов дореволюционного времени и периода революции, диаграммы халхингольских сражений, электрокарты, киноустановка, проекционная аппаратура. В целом с технической точки зрения музей оснащен по-современному. В экспозиции — фотогалерея портретов Данзана, Амара, Дэмида, одежда Чойбалсана, оружие красных партизан. Есть стилизованные гравюры, зарубежные подарки по случаю юбилейных дат, стенды об отношениях МНР и МНРП со всеми соцстранами, кроме Румынии. И бесконечные фотографии.

В целом экспозиция производит неплохое впечатление. Об этом говорили участники открытия музея — председатели

аймаков и айкомов МНРП, прибывшие в столицу на сессию ВНХ и пленум ЦК МНРП.

Посещение Музея революции и празднование Нового года были последними аккордами моей стажировки в Монголии в 1971 — начале 1972 г. К этому следует добавить, что после участия в праздновании Цагаан-Сара — Нового года по лунному календарю 14–16 февраля 1972 г. в центре Баян-зурх-сомона — Центрального аймака в СХО монголо-вьетнамской дружбы «Дорогой Сухэ-Батора», что вблизи Налайхи, где-то в 50 км от Улан-Батора, я еще половину месяца лихорадочно готовился к отъезду. Предотъездовская суэта сочеталась с завершением работы в Статуправлении, и неожиданно по просьбе Ширендыб-гуая пришлось редактировать тексты перспективных планов исследований нескольких академических институтов: географии и мерзлотоведения, физики, математики, биологии, химии, геологии, истории, языка и литературы, экономики. Проекты производили впечатление своей грандиозностью и стремлением охватить все и больше, вплоть до использования энергии солнца. Были в эти полмесяца и интересные встречи, о которых я расскажу после описания празднования Нового года и Цагаан-Сара.

К сожалению, я утратил дневниковые записи за декабрь и январь 1972 г., поэтому помню только, что Новый год 31 декабря 1971 г. я встретил на новогодней елке в Доме правительства (Ордоне): билет туда мне достал не то Цэгмид, не то Банзрагч.

Елка была большая, типа кремлевской, и очень нарядная. Стояла она в одном из больших, нарядных залов Ордона. А вдоль стен зала были расставлены маленькие красивые скамеечки. Помню, что перед елкой выступали артисты, что в 12 часов всех присутствующих — а это были в основном аппаратчики Совмина и ЦК МНРП с семьями и приглашенные гости, в том числе дипломаты, поздравил с Новым годом секретарь ЦК МНРП Б. Лхамсурэн. Было много детей — в последующие дни на елке проводился детский праздник.

Помню, что около часа ночи заиграл оркестр и начались танцы вокруг елки, в которых активно участвовали Лхамсурэн

и министр иностранных дел, кажется М. Дугэрсурэн, и др. Помню, что в буфете, в соседней комнате, были одни сладости и никаких горячительных напитков, только боржоми, соки и лимонад.

Помню, что я познакомился с удивительно красивой парой — послом Югославии и его супругой, которые сразу же пригласили меня отметить Новый год в свои апартаменты в гостинице «Улан-Батор». Там, конечно, было разлитое море напитков: коньяк, джин, виски, редкие сухие и десертные вина и соответствующие закуски. Так что мы вознаградили себя за сухой закон в Ордоне.

А Цагаан Сар — Новый год по лунному календарю — я встречал уже совсем в другом месте и в другом обществе. 27 февраля в 18.30 я в сопровождении сотрудника Института философии С. Дашдонрова, на машине директора Института истории Ш. Нацагдоржа, которую, как сообщил Д. Гонгор, мне дали по особому высокому распоряжению, выехал в сторону Налайхи. Едем быстро, так как машина пришла с полуторачасовым опозданием — что-то в ней ремонтировали. Миновали контрольно-пропускной пункт при выезде из города, охраняемый монгольскими и советскими солдатами. И мы мчались вперед, пока как-то незаметно не въехали в хитросплетение заборов, хашанов, пока не подъехали к зданию правления СХО монголо-вьетнамской дружбы «Путь Сухэ-Батора».

Уже темно. В ярко освещенном чистом, аккуратном помещении шли приготовления к приему гостей: стояла огромная чаша с кумысом, вазы с конфетами.

В правлении застали секретаря партийной ячейки, в хорошем зимнем пальто с каракулевым воротником, в белой рубашке, молодого, бойкого агронома, выпускника сельхозинститута в Улан-Баторе. Он представил нам председателя СХО Б. Сумьяхуу — человека с лисьим выражением лица, который, прямо скажем, принял нас весьма сдержанно — и то сказать: завтра ждут дипломатов, писателей, а тут двое непрощенных, незваных...

Но разместили нас в лучшем номере на двоих сомонной гостиницы, машину поставили в гараж, милая женщина-

администратор тотчас принесла кумыс, чай. Через час за нами пришел заместитель председателя сомона СХО Даин-Очир, симпатичный мужчина с палочкой — он хроمال, и нас повели в хашан и юрту завхоза школы 8-летки на *битуулэн* — проводы старого Нового года.

Звездная ночь, как-то наклонно опрокинутая над головами, свежий, морозный воздух, огни палатки, рядом — фонари над поселком. И в глубине двора большая юрта со сказочным мерцанием огонька в ночи. Здорово! А внутри стол ломится от яств: в большом тазу гора монгольского круглого печенья, пересыпанная конфетами, *ааруулом*, сахаром, изюмом, *ууц* — жирная спинная часть вареной баранины, обложенная большими кусками специально приготовленного холодного сырокопченого мяса. Очень вкусно — через несколько дней такого уже не поешь!

В юрте чисто, парадно, празднично! На столе пиво, *архи*, *шимийн архи* и кастрюльки с отварным рисом с изюмом — нечто вроде русской куты, что подают на Пасху. Начинали угощение именно с нее. Затем — молочные продукты и уже потом — мясо. На *битуулэн* положено есть и пить до упаду. Хозяин юрты Бат-Очир — веселый, немного подвыпивший, его супруга — крупная женщина с умным и добрым лицом, в юрте — маленькая девочка и две старушки в праздничных дэли, сидящие на кровати. Одна из них — мать хозяина, ей 102 года. Она хорошо слышит, участвует в празднестве, выпила рюмку водки и даже в такт заведенной музыке двигала плечами — танцевала!

Ну что же — гуляем! *Бозы*, чай — все как положено. Потом идем вместе с Бат-Очиром в гости к соседу — торговому агенту. Его юрта стоит на каменном ступенчатом фундаменте, а внутри весь пол застлан очень красивым ковром, стены также в коврах; телевизор, длинный стол, на нем большая чаша с кумысом — свежим, ароматным, настоящим степным напитком. Обилие яств по-монгольски! Хорошо жили торговые агенты в МНР.

Хозяин с благородной осанкой и благородной сединой. Юрту заполнила молодежь — солдаты вели себя скромно,

сидя в правом дальнем углу, девушка — дочь или невестка хозяина — сразу начала хозяйничать: свежие *баньши*, *архи* опять льется рекой, пиво и прочее. Смотрели по телевизору национальную борьбу — передача из Улан-Батора, из Дворца спорта, отличное изображение.

К 11 часам возвращаемся в гостиницу к шахматам и хорошему сну.

15 февраля

Итак, сегодня Новый год, кажется Год желтого зайца. Погода как по заказу: солнечно, тепло, безветренно. Центр белый, чистый, в окружении гор, рядом Тола — летом будет рай! Праздник вышел очень насыщенным — в клубе собралось все аймачное и сомонное начальство. Вдоль стен были расставлены стулья, на них рассадили старших по возрасту и знатных членов СХО, а также избранных гостей сомонного центра. К 9 часам подъехали приглашенные — чрезвычайный и полномочный посол Демократической Республики Вьетнам До Куон Кнонг, сотрудники посольства, переводчик Ван Ли, два года назад окончивший МонГУ, моя хорошая знакомая из Общества монголо-вьетнамской дружбы М. Селенга и др.

Прошли в клуб и мы. Там тепло, нарядно, посередине зала — стол с угощениями. Началась торжественная часть: с поздравительными речами выступили дарга Центрального аймака, представитель МИДа, вьетнамский посол. Во время церемонии в зал вошла делегация писателей социалистических стран во главе с С. Удвал и Л. Тудэвом, в том числе и неизвестный мне наш писатель Федоров, по виду — этакий барин.

После речей вручают новогодние подарки представителю СХО и сомона от вьетнамской делегации, от аймачного исполкома, от писателей; потом — хозяева обходят всех сидящих с голубыми хадаками в руках, с поздравлениями.

Затем последовал концерт известных артистов из Улан-Батора и участников местной самодеятельности.

После концерта — небольшой перерыв; писателей увел куда-то секретарь партийной ячейки, а я успел забежать в гостиницу, но там полно вьетнамцев, — пообщался с переводчиком. Через некоторое время за мной пришли и увели на банкет в столовую объединения. Дашдонров был уже там. Моей соседкой оказалась 72-летняя женщина, местный фельдшер, с орденами и медалями на груди; начались тосты, выступали заслуженные деятели СХО, аймачные и сомонные начальники, посол — ему 52 года, а выглядел на 30, — очень громко и как-то неестественно смеялся. Что-то в честь героического народа Вьетнама произнес и я на монгольском языке — Селенга потом сказала, что было понятно, а посол полез целоваться взасос, пригласил в посольство, обменялись визитками. Угощали гостей на славу: разнообразие закусок, жареные утки, вьетнамский ликер вдобавок к набору спиртного. В заключение — отличный суп и бозы высшего качества.

После банкета гостей разбили на группы для поездки в бригады и *суури* СХО «Дорогой Сухэ-Батора». Меня и Дашдонрова повезли на газике начальник местной торгово-закупочной конторы Даш Очир Аюуш — опытный, умный человек, в одном лице — председатель местной профсоюзной ячейки, член правления СХО и директор школы-восьмилетки, вместе с выпускником Московского инженерно-строительного института Д. Дугаром. Он — в костюме, живой, подвижный и хороший шофер, сам вел машину.

Начали объезд с посещения его домика: кухня и одна комната, где стояли две огромные кровати. У Дугара 7 детей, жена — учительница. Старшая дочь — школьница, училась в 7-м классе. Очень милая и симпатичная девчужка, выразила желание переписываться с моей дочерью Ириной. Что касается супруги, то я никогда не сказал бы, что она мать 7 детей. Угощение — традиционное.

Зашли и в дом Даш Очира, а уже оттуда выехали к пункту назначения — ферме для разведения племенного скота. Там мы посетили, судя по подаренным нам пачкам папирос «Казбек», не менее 7 разных юрт, богатых и бедных, предупрежденных о нашем визите и не предупрежденных, но везде

гостеприимных, везде — с угощением на столах и готовностью встретить любых гостей.

Поездки продолжались до 18 часов, потом праздник вернулся на круги своя, в сомонный центр. Я думал, что юрта Аюуш — последняя, где мы были, но туда пришли учителя, значит, следовало посетить и их. Короче, к 10 вечера я, полный впечатлений и архи, но держась на ногах и в хорошем настроении и самочувствии, добрался до своей постели.

Последние дни в Улан-Баторе

Сегодня настроение уже послепраздничное, хотя он продолжается. Никто не работает, ходят друг к другу в гости.

Мы попали опять к Бат-Очиру на завтрак, но уже диетический, молочный, хотя на столе все по-прежнему. И две старушки как сидели, так и сидят.

Прощальные объятия, и набрав полную машину попутчиков — завклубом с женой (у них тоже 7 детей) и местного врача, друга Бат-Очира, — мы с Дашдонровым выехали через Налайху — город шахтеров, снабжающий столицу углем, — домой, в Улан-Батор, куда прибыли в 2 часа дня 26 февраля 1972 г.

И с 27 февраля начались последние 2 недели моей стажировки в Монголии, которые оказались весьма насыщенными.

Уже утром 27-го в нашем посольстве я познакомился с очень интересным человеком — Борисом Александровичем Савиновым — советником по культуре. Литератор, художник, он был профессиональным дипломатом, работал в наших посольствах в Турции, Бельгии и Югославии. Известно, что последняя была своего рода «enfant terrible» среди социалистических стран, ибо вела отличную от них экономическую политику, допустив свободу предпринимательства, самостоятельность предприятий, частную инициативу и вообще строила скорее госкапитализм, чем социализм.

Борис Александрович рассказал мне, что в Югославии во главе предприятий стоит рабочий совет, избираемый на 2 года, который по конкурсу нанимает директора и инже-

нерно-технических работников с испытательным сроком в один год. Причем директор должен получить рекомендацию местного райкома Союза коммунистов. Действует государственный закон о заводском самоуправлении, директор обладает правом вето на решения Рабочего совета, если они нарушают или противоречат положениям этого закона. Все рабочие считаются собственниками своего предприятия. Прибыль же предприятия делится так: 40% идет государству в федеральный бюджет, 40% — в республиканский или краевой бюджет (напомним, что Югославия в 1972 г. была федеративным государством, состоявшим из республик и краев) и 20% остается в распоряжении Рабочего совета: средства идут на зарплату, культурно-бытовое строительство, расширение производства и т. п.

Отраслевых министерств, кроме МИДа, госбезопасности, обороны, нет, но существует госплан.

Как считает Савинов, принцип демократии оправдан в экономике, однако в политике ведет к противоречиям между республиками, к местничеству и национализму. Однако в целом Югославия может служить примером для всех социалистических стран, и Югославия убеждена в своей идейной правоте.

К 28 февраля я выполнил задания Ширендыб-гуая, но в этот же день пришлось редактировать также запись беседы Б. Ширендыба и члена политбюро ЦК МНРП Д. Майдара с советской делегацией во главе с заместителем начальника отдела ЦК КПСС по научным и культурным связям Д. Купроковым. Из выступления Д. Майдара явствовало, что в текущей пятилетке вложения в науку вырастут в 3 раза, будет подготовлено на 30% больше аспирантов, есть решение ЦК МНРП о подготовке в ближайшие год-два 40 докторов наук. Положение о развитии науки включено в государственный пятилетний план, создан государственный комитет науки и техники во главе с Д. Майдаром, при каждом отраслевом министерстве будут образованы научно-исследовательские институты.

Три раза за эти недели у меня в гостях был известный социолог и философ У. Камбар — ведущий сотрудник не то Института истории МНРП, не то Института философии АН МНР.

Уроженец Баян-Ульгийского аймака, отец 10 детей (двое умерли, старший сын учился в финансовом техникуме) — 55-летний внешне незаметный человек в слегка потертом пиджаке, но с умными глазами, он слыл в научных кругах ортодоксом, но выступал за реформы. Последний раз, 29 февраля, он пришел ко мне с бутылкой «Цинандали» аж в 8 часов утра, и до 11 мы обсуждали структуру большой работы «Политэкономические проблемы некапиталистического пути развития и завершения строительства социализма в МНР». Этот труд он заканчивал и собирался представить на обсуждение в Академию общественных наук СССР. Он планировал приехать в Союз на 5 месяцев в 1973 г. и после учета замечаний — защитить работу как докторскую диссертацию в 1974 г.

Основные идеи, которые он проводил через всю работу, заключались в характеристике революции 1921 г. в Монголии как революции социалистического типа, открывавшей некапиталистический путь развития — процесс строительства социализма с самого начала преобразований. С этих позиций он критиковал наших ученых Л. М. Гатауллину, И. Я. Златкина и даже Ширендыба за, по его мнению, недооценку социальных изменений в Монголии в 20–30-е годы.

Не разделяя его трактовки событий, развернувшихся в Монголии после 1921 г., я, тем не менее, пожелал ему творческих успехов, и мы расстались друзьями.

В последнюю неделю пришлось написать справку о своих общих впечатлениях от пребывания в Монголии для советника-посланника А. Н. Катеринича. А 29 февраля я встретился в посольстве с советником по политическим вопросам Николаем Григорьевичем Горбенковым, моим давним знакомым по Москве (он работал в ЦК КПСС, мы общались по проблемам монголоведения). Он меня обласкал, подарил ручку, блокнот и в ходе беседы сообщил некоторые интересные сведения.

По его словам, самой острой и сложной проблемой в стране на тот момент была жилищная проблема, особенно для интеллигенции — 70% ее живут в юртах. За год вводится 25–30 тыс. кв. м нового жилья, и при таких темпах, по признанию самого Ю. Цеденбала, жилищная проблема не будет решена

до конца XX в. Замечу, что цифра 70% показалась мне сомнительной, видно, посольство пользовалось ненадежными источниками информации, так как все мои знакомые, а это был очень широкий круг интеллигенции, жили во вполне добротных квартирах со всеми удобствами, а после ввода в эксплуатацию в 1968 г. домостроительных комбинатов в Улан-Баторе, Баянхонгоре, Чойбалсане жилищное строительство пошло в гору. Но то, что он сказал мне о высокой плате за жилье — квартира в 26 кв. м стоила дорого, 200 тугриков ежемесячно, — и это, как он справедливо отметил, сдерживало стремление граждан к получению городского жилья, было бесспорно. Есть трудности с расселением советских специалистов — их 18 тыс., а с членами семей почти 30 тыс.

Из-за разрыва отношений с Китаем в столице законсервировано строительство 20 промышленных объектов и жилых домов. Этим вопросом сейчас занимаются и что-то должны предпринять.

Китайцы держат в своих руках важный рычаг давления на МНР — УБЖД. Дорога, по словам Николая Григорьевича, практически бездействует как транзитная магистраль: она рассчитана на прохождение 22 пар поездов в день, а проходит всего 1 пара в неделю. Китайцы прекратили поставлять тяжелый шелк, а в Союзе его не вырабатывают, так что стало не из чего шить дэли. Китай перестал покупать лошадей, а раньше МНР отправляла туда в год до 100 тыс. лошадей, причем это была целая система поставок: тракты, станции, пункты досмотра, контроля и прочее. Теперь эта система бездействует, а гнать лошадей на север в СССР и жаль, и экономически невыгодно.

Есть еще одна проблема. Это видимость того, что все хорошее и полезное, что появилось в стране в последнее время: новые жилые дома и гостиницу «Улан-Батор» построили в 50-е годы китайцы, мясокомбинат и ковровую фабрику — немцы, больницу — чехи, а мы, Советский Союз, вроде бы ни при чем. Между тем все новые объекты снабжены газом, водой, электричеством и функционируют благодаря подключению к построенным советскими строителями подземным и воздушным коммунальным сетям. «Получается, — с обидой заключил дипломат, — что мы делаем для них, т.е. для наших друзей-демократов, черновую

работу, которая не видна». Вот посольство и решило поломать эту картину, и, в частности, шире пропагандировать наш вклад в экономику МНР. Было решено построить в Улан-Баторе суперсовременное предприятие легкой промышленности. Я расценил это как то, что в нашей консервативной политике по отношению к Монголии, ориентации на развитие скотоводства и добычу минерального сырья, произошел сдвиг.

В целом Н. Г. Торбенков считал, что экономическое положение Монголии отчасти стабилизировалось, хотя ежегодные потери скота по-прежнему велики: в 1970 г. — падеж 1 млн голов, в 1971 г. — 1,4 млн голов, а зимой 1967/68 г. — и того больше, 4 млн, причем много потерь молодняка и маточного поголовья. В МНР осталось 22 млн 700 тыс. голов, а по плану должно было быть 23,1 млн. Урожай в 1971 г. хороший, но, к сожалению, весь его хранить негде.

«Политическое положение отличное, — сказал Николай Григорьевич. — Я прочел стенограмму переговоров Ю. Цеденбала с Н. Чаушеску во время недавнего визита последнего и могу сказать, что никто еще так прямо и откровенно не подвергал критике раскольническую политику румынского лидера».

Из беседы я понял, что посол и Н. Г. Торбенков, а они уже стали близкими друзьями, не хотят пускать в Москву академика Ц. Дамдинсурэна, который впал в немилость из-за якобы националистических «по духу» комментариев и приложений к подготовленному к изданию им совместно с А. Лувсандэндэвом русско-монгольскому словарю. Обескураженный этим, он был у меня в воскресенье, 27 февраля, грустный, с печальными глазами.

А вот академику Б. Ринчэну, по его просьбе, разрешают поехать в Ленинград, поработать в архиве. Несправедливо!

Я попрощался с Н. Г. Торбенковым по-дружески, поблагодарил за информацию. Повидал на прощание и знакомых — посольских Б. Низовцева, В. Ткачева, А. Н. Катеринича. Остальную часть дня бегал по магазинам за снедью — завтра устраиваю проводы. А вечером последний раз посетил С. К. Рощина в его хоромах.

Первого марта утром я совершил последнюю пробежку на сопку за Ганданом и последнюю зарядку. Вид с сопки на бли-

жайшие кварталы Улан-Батора красив неимоверно: когда я это увижу снова и увижу ли? Затем бегу на почтамт, где получил неожиданное письмо из Вьетнама. Купил «Унэн», — в газете весь подвал заняла моя статья, в которой изобличались западные фальсификаторы монгольской действительности, и слышал, как по радио передают отрывки из этой статьи. Потом возобновилась беготня по магазинам в сопровождении Дашдонрова, он помогал мне делать покупки. В результате из 400 тугриков, которые у меня были утром, к вечеру осталось 100. К тому же мои наручные часы сломались, и пришлось ехать к часовщику Мише за помощью. В итоге я вернулся в свою квартиру только в 18 часов. А там — дым коромыслом: Н. Долгорсурэн, Д. Уртнасан, Т. Горохова жарят, парят. На столе — монгольские блюда: бозы, *хурга* — мясной гуляш с крахмальной лапшой — *пунтуузтай хурга*, салаты, архи, боржоми, конфеты, печенье, аарауул. Пришли гости: Дашжамц, Дашцэвэг, Аюур, Банзрагч, Чинчулуун — он по-прежнему поражал всех своим громким заливистым смехом, милый мой друг, завсегдатай моего дома. Были и мои верные соседи по старой квартире: чета врачей Вернеров, Люся с сыном, и Миша прикатил на своей «Волге». Пир горой продолжался до 3 часов ночи. Часть гостей остались ночевать, а я ушел на короткую ночевку в свою старую квартиру — с ней тоже надо было попрощаться.

В 7 часов утра 2 марта, в последний день перед отъездом, я разбудил и проводил гостей, а в 8 часов пришел Цэгмид и принес шикарный подарок — альбом иллюстраций современного прикладного искусства монголов. Мы позавтракали, чувствовалось, что он не прочь выпить, но, увы, у меня ничего нет — вчера всё опустошили. Обещал проводить меня завтра на вокзале.

После его ухода я как-то привел квартиру в относительный порядок, затем встретился с Н. Банзрагчем — милый старик подарил мне 100 тугриков, еще 125 я занял у Ш. Нацагдоржа и Д. Гонгора, с которым и прибежал попрощаться в Институт истории (отдавать буду в Москве, они туда скоро собираются). Так что мне хватило напоследок купить давно желанное шерстяное одеяло — оно до сих пор согревает меня.

После магазина бегу в посольство, прощаюсь с Савиновым и с Катериничем — он вроде остался доволен моей запиской. Спешу домой, но на лестничной клетке столкнулся с Таисией Александровной — невесткой известного монгольского художника У. Ядамсурэна — обладателя ценнейшей художественной коллекции будд, бурханов, икон, старинных аппликаций, вышивок и многого другого, а также дородной и полностью омонголившейся русской жены.

Забросил покупки в квартиру, и Таисия повела меня домой к Ядамсурэну на чашку кофе. У нее двое детей — сын-школьник и очаровательная дочка, любящий муж-архитектор. И конечно, богачейший тесть.

В собрании Ядамсурэна было 6 скульптурных произведений Занибазара, т.е. Джебзун Дамбы хутухты — первого главы ламаистской церкви Монголии; в собрании было также много резьбы по дереву, золотых и платиновых украшений, жемчуга.

Сам Ядамсурэн — яркий националист, ревностный почитатель монгольской старины. Он с горечью говорил, что революция многое, к сожалению, уничтожила, до нее в стране были целые союзы мастеров прикладного искусства, что ежегодно в монастырях выпускалось до 300 резчиков по дереву, по коже, столяров и др.

Пили кофе с мороженым и пирожными: вся сервировка — на серебре. Тут произошла радостная встреча — в гости к мэтру пришел мой дорогой Н. Банзрагч. Он приехал на пленум Союза художников, который должен был открыться завтра, в день моего отъезда. Опять мы с ним увиделись неожиданно. Мы очень обрадовались нашей встрече, Банзрагч ушел со мной, забежал в магазин за бутылкой, и мы направились ко мне угощаться остатками вчерашнего пиршества. Трогательно распрощались, он обещал прислать фотографию.

Потом пришли Аюур и Рощин и стали помогать мне собираться. В 10 часов они уходят, а я вожусь со сборами до 1 часа ночи, потом принимаю душ и ложусь спать.

Третьего марта с раннего утра я на ногах, сбегал на почтамт послать телеграммы и в ресторан гостиницы «Улан-Батор» за запеченной бараньей ногой — монгольским де-

ликатесом для родных. После телеграмм у меня в кармане остается 12 тугриков, но, слава богу, приходит спекулянт, постоянный покупатель моих бутылок, — и у меня уже 27 тугриков.

К 9 часам стали приходить провожающие. Первым появился историк Тудэв, старик принес бутылку и свою книгу для И.Я. Златкина. Был очень мил и трогателен. Затем появился тот, кого я совсем не ждал, ведь мы с ним разошлись еще в 1966 г. — А. Лувсандэндэв. Вручил мне японский зонтик и передачу для К.Н. Яцковской. Пришли Б. Дашцэвэг, Н. Сэр-Оджав с женой А. Долгосурэн, А.С. Дашдонров, Аюур, Люся, Чулуун, Цэгмид — полна горница людей. В ход пошли початая бутылка «Архи» и все остатки снеди.

Полдвенадцатого выехали на вокзал. У меня получилось 9 мест, из них самое тяжелое — чемодан с книгами. На вокзале народу мало: поезд Пекин — Москва не популярен. На перроне традиционные снимки, тосты. Появился Сережа Роцин. Последние объятия, поцелуи — и все, Улан-Батор остается позади.

В вагоне было всего пять человек: мой сосед по купе, молодой парень из Института геологии, ехал в Новосибирск на стажировку; в соседнем купе — Цэрэн, сотрудник Института кормов и пастбищ, направлялся в Алма-Ату для защиты диссертации; в другом купе — беременная бурятка, уроженка Улан-Удэ, жена монгола, возвращалась на родину, и совсем молоденький, круглолицый юноша-монгол — студент Иркутского университета.

Я был настолько возбужден проводами, что сразу же зашел в купе к Цэрэну, где мы выпили на посошок, и пошли в ресторан, где пропили мои тугрики. Бедный мой старый приятель Э. Бихтуур, который по моей телеграмме вместе с женой и дочкой встретил меня в Зуунхаре подарками — мясом, яйцами, бутылкой — и увидел перед собой пьянчужку, оросившего его грудь горькими слезами по поводу расставания с Монголией. Правда, я все-таки успел порадоваться за него — он стал даргой — заведующим лабораторией.

После Баруун Хары я провалился в сон настолько глубоко, что, когда меня разбудили, в купе уже стоял монгольский таможенник, а позади остались и Улан-Батор, и вся Монголия, границу которой я пересек, не проснувшись.

Заключение

Мои впечатления от пребывания в Монголии в 1971–1972 гг. естественно, наслаиваются на воспоминания о 6-месячной стажировке в МНР в 1966 г., позволяют сравнивать и сопоставлять. Вместе с тем это — сугубо личные, субъективные впечатления, возможно, во многом ошибочные, и они ни в коей мере не претендуют на некое «открытие Америки».

Какой же представилась мне обстановка в МНР во второй половине 1971 г. — начале 1972 г. и какие изменения я нашел там с 1966 г.?

Прежде всего налицо был явный прогресс во всех областях жизни и, что очень важно, произошла стабилизация внутривнутриполитического положения.

Совершенно реально ощущались сдвиги в развитии промышленного производства, укреплении СХО и сельского хозяйства в целом, повышении материального уровня жизни всех слоев населения. Предпринимались первые, но вполне конкретные шаги для развития кормовой базы и постановки племенного дела, повсеместно шло производственное и жилищное строительство, в лучшую сторону изменился внешний облик городов и поселков, улучшено снабжение городских и сельских жителей (даже на уровне разъездных лавок торговых агентов) товарами широкого потребления и продовольствием.

В целом, невзирая на разного рода недостатки, можно сказать, что экономика МНР не топталась на месте, а шла вперед, и экономическая политика начинала приносить видимые результаты. Отсюда — устойчивость внутреннего положения и отсутствие, в отличие от 1966 г., ощущения напряженности. В 1971 — начале 1972 г. в стране можно было констатировать прочный авторитет партийного и государственного руководства, довольно высокую политическую и деловую активность всего государственного аппарата на местах и, как нам показалось, его возросшую компетентность во всех отношениях.

У большей части местных работников, с которыми приходилось встречаться, было высшее или среднее специальное образование, полученное, как правило, в СССР, они производили хорошее впечатление своей энергией, знанием конкретной обстановки, местных условий, широтой взглядов, инициативой и опытом работы. Квалифицированным выглядело, на мой взгляд, руководство Баянхонгорского, Кобдосского, Хубсугульского аймаков и в несколько меньшей степени (склонность к показухе и суете, меньше культуры) Восточно-Гобийского аймака. Кадры в Убсунурском, Баян-Ульгийском аймаках нам показались слабее.

Существовала, на мой взгляд, неравномерность и в какой-то степени непродуманность в распределении кадров: использование не по специальности, назначение опытных квалифицированных работников на малозначительные должности, их частые перемещения, традиционная практика периодической перетасовки руководящих работников. Например, руководство сомонов Цагаан-Уурь в Хубсугульском аймаке, Далан Жаргал в Восточно-Гобийском, Баян Дэлгэр там же и многих других за последние год-два менялось неоднократно; человек, бывший в течение многих лет председателем Баян-Ульгийского аймака, в 1972 г. работал рядовым уполномоченным Совета министров по сельскому хозяйству: пост секретаря айкома в Баян Ульгие занимал бывший дарга Восточного аймака Жигжид; а бывший дарга Южно-Гобийского аймака оказался на скромной должности председателя сомона Баян Дэлгэр в Восточном Гоби; кондитер по образованию работает директором рыбо-завода в сомоне Цагаан-Ууре в Хубсугульском аймаке и т. п.

Конечно, все эти случаи, возможно, были следствием упорядочения и естественного передвижения кадров; однако у меня не исчезало чувство, что в кадровой политике все еще существовала тенденция к недопущению преемственности и длительного оседания руководящих кадров на местах.

Вместе с тем, повторяю, в целом государственный и партийный механизм функционировали, как мне показалось, слаженно и с большей отдачей, а главное — в стиле работы стало больше деловитости, хотя говорить речи и заседать монголы по-прежнему очень любили.

Политика партии и правительства пользовалась очевидной поддержкой и воспринималась массами как правильная; сократились заметные очень в 1966 г. «ножницы», когда дела и мысли руководства явно расходились с жизнью и заботами простого народа. Нигде на всем протяжении многих тысяч километров проделанного мною пути я не встречал, если так можно выразиться, оппозиционеров, не слышал оппозиционных разговоров. Не было этого и в Улан-Баторе ни в частных беседах, ни в кулуарных встречах, ни даже во время застоля — явления весьма популярного в МНР.

Иначе было в 1966 г.: тогда еще давали о себе знать отголоски идей Цэндэ, расходившиеся кругами от Тумур-Очира, среди интеллигенции и части местных работников чувствовалось, что оппозиция где-то рядом, под спудом, тогда как простые люди, араты, казалось, жили всецело своими нуждами и заботами.

А в 1971 г. уже ощущалась не только консолидация партийного и государственного руководства как в центре, так и на местах, но и совершенно четкая сопричастность, больше того, заинтересованность и сравнительно активное участие рядовых горожан и сельских жителей во всем, что происходит вокруг. Бодрых и радостных людей в Монголии 1971 г., на мой взгляд, стало гораздо больше, чем пять лет тому назад, а общий тонус жизни был, бесспорно, мажорным, приподнятым, причем эти настроения, легко объяснимые во время празднования 50-летнего юбилея революции, преобладали вплоть до моего отъезда.

Конечно, есть, видимо, также не то что недовольные, а традиционно пассивные, равнодушные и, просто отстающие люди, особенно среди некогда зажиточных аратов, как, например, часть членов СХО «Жаргалант зам» Эрдэнэ Цагаан-сомона Сухэ-Баторского аймака, узэмчинов по национальности.

Например, овцевод Буянт, член 3-й бригады этого СХО до и некоторое время после того, как перешел в подданство МНР из Внутренней Монголии в 1948 г., владел 3 тыс. голов скота, а осталось у него в личной собственности около 50 голов. Он выпасал 1200 голов общественного стада и жил

в бедной захудалой юрте (вообще, при общем росте благосостояния народа различия в обустройстве и убранстве юрт еще ощутимы, особенно нарядные юрты были не у аратов, а у служащих, торговых агентов и др.). Буянт же явно сожалел о минувших временах и о своем решении последовать за родственниками в МНР.

Сожалел о былом и заведующий метеопунктом в сомоне Цагаан-Уурь Хубсугульского аймака. По его словам, в результате кооперации все стали жить одинаково средне, исчезли роскошные богатые айлы, народ измельчал.

Именно среди этой и им подобной части аратов прежде всего, как мне показалось, за прошедшие годы усилились религиозные верования, участились случаи обращения к ламам за врачеванием, да и сами бывшие и настоящие (подпольно, а то и открыто практикующие) ламы среди этой публики — не редкость. Во всяком случае, я их встречал и в долине Чулуутгола (Архангайский аймак), и в Прихубсугулье (сомон Цагаан-Уурь), и на подъездах к Улясутаю — здесь, в Шаргын-сомоне, в аиле бывшего солдата армии богдо-гэгэна в период автономии, престарелого Жамца пришлось вступить даже в целый диспут с многочисленной родней хозяйки юрты на тему «Есть ли бог и что говорят об этом последние научные достижения, в частности космические исследования». Религиозные верования, суеверия, знахарство получили распространение и в Улан-Баторе, о чем мне говорили в частных беседах многие знакомые и друзья, в частности историк С. Пурэвжав. Сведения последнего наиболее достоверны, так как он признанный специалист по ламаизму, много писал на эту тему и сейчас заканчивал большую рукопись: «История ламаистской церкви в Монголии». Да я и сам видел, с каким почтением и уважением отзывались жители одной из окраинных улиц Улан-Батора о своем соседе — ламе Самбу, проживавшем в собственном доме и существовавшем, по-видимому, на накопления и доходы от частной практики. Самбу — отличный софист, поднаторевший в искусстве спора, был обижен на всех и вся и жил в гордом уединении, что не мешало ему оказывать определенное воздействие на окружающих.

Все эти наблюдения наводят на мысль, что тактичное использование опыта и знаний таких, как Самбу, возвращенцев из Индии и Тибета, а таковых несколько, привлечение их к определенного рода полезной деятельности было бы более разумным и целесообразным шагом со стороны монгольских властей, в частности Академии наук МНР. Пока же с Самбу поддерживали связь и использовали в своих личных интересах лишь отдельные ученые — доктор Ринчэн, академик Ш. Лувсанвандан и др.

То, что происходит некоторая активизация религии, расширение круга лиц, находившихся под ее влиянием, кажется — факт установленный. Это объясняется, по-моему, не в последнюю очередь относительным отстаиванием или даже запущенностью политической и, конечно, антирелигиозной работы в массах по сравнению, скажем, с увлечением хозяйственной деятельностью. Виной тому также, в немалой степени низкая квалификация и беспомощность многих сельских врачей, из-за которых население вынуждено искать излечения нетрадиционными путями — обращаясь к ламам, к богу, к тибетской медицине, занимаясь самолечением у аршанов и т. д.

Бесспорно, политический климат в стране изменился в лучшую сторону. Более спокойной и деловой стала атмосфера в столичных и сельских учреждениях, нет ощущения постоянного постороннего наблюдения, можно свободно передвигаться по стране и получить доступ к различным материалам, важным для изучения, и т. п.

Можно сказать, что все затруднения по части возможности знакомства с какими-то статистическими и другими материалами на этот раз были не принципиальные, а организационные. Хотя в целом в МНР по-прежнему ревниво относятся к сохранению письменного достояния.

Короче говоря, в 1971–1972 гг. в МНР легче и свободнее жилось и работалось, чем это было в 1966 г. Мне представляется, что это объяснялось в основном стабилизацией экономического положения, ростом материального благосостояния народа.

Происходили явные структурные изменения, выпускалась продукция как на внутренний рынок, так и на экспорт —

действовали Улан-Баторский мясокомбинат (впервые в столице появились мясные консервы местного производства!), ковровая фабрика, Дарханская фабрика овчинных шуб.

Сказывались меры МНРП и правительства, направленные на упорядочение зарплат, повышение пенсий и пособий, снижение налогов. Выросла покупательная способность тугрика, а главное, на него появилось что купить: в магазинах много товаров, в том числе импортных, и в довольно широком ассортименте. Кажется, нет больше удручающих перебоев в снабжении населения молоком, мясом, овощами, даже в худоне появились специализированные магазины, молочные кухни, кафе, закулочные и т. д.

Вместе с тем экономика страны в целом еще оставалась, как мне говорили даже в госплане МНР, несбалансированной. Судя по всему, ни в самом госплане, ни в других руководящих организациях, ни в Институте экономики АН еще нет целостной концепции экономического развития МНР на длительную перспективу. Как мне показалось, возможно ошибочно, не было на этот счет комплексной концепции и в посольстве СССР, у работников ГКЭС и др.

Основная ставка делалась, кажется, на ускоренное, преимущество развитие особенно трудоемкой и капиталоемкой отрасли — горнорудной, что не меняет общей традиционной ориентации монгольской экономики на вывоз минерального и животноводческого сырья.

Легкая и обрабатывающая промышленность развивалась и будет, видимо, развиваться замедленными темпами, а животноводство вообще отодвинуто на задний план, так как считается, что даже при росте поголовья скота вдвое оно даст неадекватный затраченным усилиям экономический эффект и ненамного увеличит поступления от экспорта. Нисколько не отрицая важности освоения щедрых природных богатств Монголии, я считал, что в этой схеме акценты несколько смещены, что равного, если не большего, внимания заслуживало развитие именно тех отраслей легкой промышленности, которые быстро самокупаемы в условиях Монголии и наиболее эффективны с точки зрения скорейшего повышения товарности,

т.е. для интенсификации всего народного хозяйства. Между тем в оказании МНР соответствующей помощи преуспевали в последние годы ГДР, БНР, ЧССР и другие социалистические страны, что приносило им не только экономические, но и определенные политические и моральные дивиденды. Ведь мало кто в народе знал, что системы жизнеобеспечения того же мясокомбината в Улан-Баторе или ковровой фабрики (водопровод, канализация, электросеть) построены с помощью не ГДР, а Советского Союза. Люди, конечно, прежде всего видели не трубы или электрокабель, а сосиски, пельмени, ковры и, конечно, с похвалой отзывались о причастных к этому немецких или болгарских специалистах.

Я считаю, что не престижные, а прежде всего долгосрочные экономические и политические интересы СССР диктовали необходимость подъема с нашей помощью всей отрасли в целом, а не только строительство одного или двух каких-либо быющих на рекламу показательных предприятий (что, впрочем, для начала не так уж и плохо).

Отмечу, что проблема повышения эффективности общественного производства действительно выдвинулась на первый план самой жизнью, поскольку по-прежнему, как и в 1966 г., на промышленных предприятиях, которые мне удалось посетить, низкая производительность и низкая культура труда, а также невысокий коэффициент использования производственных мощностей (это иногда объяснялось технологическими и прочими просчетами проектирования). Еще много ручного и женского труда, велика текучесть рабочей силы, нет почти никаких следов экономической реформы и НОТ. Механизация, за исключением некоторых, недавно введенных в строй предприятий, как, например, Хатгальская нефтеналивная база, механический завод в Кобдо и других, существует только на начальной стадии, особенно в цехах перевалочных баз, аймачных пищевых комбинатах, на молочных заводах, в типографиях. Не изжита кустарщина и в строительстве на местах. Строят довольно много, однако, качество строительства и ремонта зданий, уровень их эксплуатации все еще низкие.

За редким исключением строительство на селе еще не типовое; каждый сомон строил, как нам показалось, по собственному разумению, иногда даже по проектам не профессионалов, а местных самоучек.

Например, совершенно фантастической, свехоригинальной выглядела архитектура и внутренняя планировка административных зданий в центре сомона Ринчин Лхумбэ Хувсугульского аймака, где строили по проектам местного самородка Лувсандоржа. В итоге эти сооружения больше похожи на какие-то псевдосказочные теремки, чем на нормальные постройки.

При острой нехватке жилья в некоторых сомонах, например в Эрдэнэ-Цагаан-сомоне Сухэ-Баторского аймака, плохо используется уже имеющийся жилой фонд, заброшены и пустуют добротные строения — бывшие казармы, военные городки и т. д.

Особую проблему представляют ощутимые почти повсеместно в худоне нехватка электроэнергии (то ли в силу недостаточной мощности дизелей, то ли их неэффективного использования), дефицит бензина, трудности его транспортировки на очень большие расстояния и т. д.

Последнее, видимо, во многом объясняется все еще плохим состоянием дорожной сети, переправ, мостов, что в случае стихийных бедствий — ливневых дождей, наводнений, снежных заносов — ставит под угрозу снабжение топливом и прочими необходимыми вещами больших районов. Например, дожди и наводнение летом 1971 г. на длительное время вывели из строя сухопутные подъезды ко многим сомонам и столице Хувсугульского аймака — г. Мурэну, связь с ними поддерживалась по воздуху военными вертолетами Ми-6.

В сельском хозяйстве, кажется, все еще нет единой, продуманной, научно обоснованной комплексной программы развития и рационального использования пастбищ (землеустройство, севооборот, внесение удобрений, посадка кормовых культур), а она, по мнению знатока проблемы покойного проф. А. А. Юнатова, должна быть основой подъема монгольского животноводства.

Изменение старой технологии и внедрение передовых методов ухода за скотом, механизация работ в животноводстве все еще немного отстают от потребностей. В создании кормовой базы и развитии племенного дела были сделаны пока только начальные шаги, многие так называемые «племенные» фермы выглядят пока что очень примитивно, в строительстве хашанов, загонов и колодцев, на мой взгляд, много дутых цифр, а главное, они используются еще недостаточно эффективно, и потому отдача от них пока весьма незначительна.

Существовало, на мой взгляд, некоторое распыление и без того скромных сил и средств СХО: вместо специализации — стремление к комплексности, т.е. одновременное развитие и животноводства, и земледелия, и строительной индустрии, и овощеводства, и плодово-ягодного хозяйства, и даже закладка — это в условиях Гоби! — искусственных озер и водоемов, организация зверопитомников (Халиун-сомон Гоби-Алтайского аймака); повсеместное увлечение монументальной скульптурой и т.п.

Аппарат управления сельским хозяйством казался весьма громоздким. В частности, совершенно лишним звеном представлялись нам Советы СХО и подчиненные им предприятия. Никто так и не мог четко объяснить мне, чем они конкретно занимаются, в чем их функции.

В области культуры при всем прогрессе, который весьма существен, общетеоретический, общекультурный и профессиональный уровень интеллигенции, в том числе и научной, в среднем по стране требует дальнейшего повышения. Здесь нужна очень продуманная, последовательная, поэтапная программа, исходящая из современного уровня подготовки кадров.

В этой связи, нам кажется, что решение ЦК МНРП о массовом «производстве» докторов наук по всем отраслям знаний в ближайшие год-два (около 40–50 человек) продиктовано больше престижными соображениями, чем заботой о пользе дела. Это решение отчасти даже противоречит линии партии на повышение требований к системе высшего образования, защите ученых степеней и т.д.

Наоборот, решение о повышении степени знания русского языка, например, очень своевременное, так как знаю из своего

личного опыта, что даже некоторые руководители научно-исследовательских институтов АН МНР русским языком владеют неважно, не говоря уже о рядовых сотрудниках, даже окончивших советские вузы и аспирантуру.

Это совершенно не означает, что в МНР ослабел интерес к изучению русского языка и что там мало людей, знающих его хорошо. Однако в целом по республике уровень знания русского языка явно недостаточен, что объясняется, в частности, острой нехваткой квалифицированных преподавателей в средней и высшей школе.

Вместе с тем у монгольской науки, насколько я смог убедиться и во время юбилейных сессий, и будничного знакомства с деятельностью академических институтов, — немало, бесспорно, крупных достижений, особенно в гуманитарных областях. Здесь выросли и ученые, действительно достойные докторских званий, например историк Ш. Бира, языковед О. Лувсандэндэв, экономист Д. Загасбалдан и др.

Вместе с тем представленные институтами АН МНР наметки перспективных планов развития науки по отраслям — с ними мне довелось познакомиться, — думается, немного страдают гигантоманией. В них не учитываются реальные возможности институтов даже в перспективе в 15–20 лет. Составители их исходили из стремления не отстать, не ударить лицом в грязь перед другими социалистическими странами, быть на уровне современных научных достижений вообще. Соответственно, планы эти выявляют стремление объять необъятное.

Что касается политических настроений работников умственного труда, то они в целом не отличаются от господствующих в стране.

Вообще, эти работники, как правило, не вели откровенных бесед на политические темы, а если и затрагивали их в частных беседах, то в очень осторожной форме.

За все время моего пребывания в стране в 1971–1972 гг. я ни разу не сталкивался с грубыми проявлениями, скажем, национализма, что в 1966 г. иногда наблюдалось. Между тем подспудно национализм, конечно, живет, особенно в среде творческих работников, и проявляется он по-разному: в чрез-

мерном восхвалении и любовании всем монгольским, особенно монгольской стариной и монгольским искусством (художник Ядамсурэн); в стремлении припрятать от чужого, т.е. иностранного, взора ценные экспонаты (зав. краеведческим музеем в Кобдо — Дулхажав); в неистребимом культе Чингисхана и времен монгольской империи; в почти повсеместном оплакивании разрушенных монастырей, в хорошем знании сведений о житии святых — бывших хутухт и хубилганов и т.д.

Однако все эти приметы внешне стали менее заметны, менее ярко выражены, чем раньше. Видимо, недавнее принципиальное осуждение составителей русско-монгольского словаря за националистические ошибки возымело действие. Один из его составителей, проф. Ц. Дамдинсурэн — крупнейший монгольский филолог современности — очень горько, на мой взгляд, переживал всю эту историю, хотя и не говорил об этом.

Существовал определенный антагонизм между монголами и казахами: при въезде в Баян Ульгий монголы-сопровождающие советовали мне перейти на русский язык и для успеха дела не говорить там по-монгольски.

Вообще, при общении с казахами меня не покидало чувство, возможно ошибочное, что последние несколько обижены на судьбу за то, что живут и работают в МНР, а не в пределах своей великой родины — Казахской ССР. Такая деталь: в Баян Ульгие есть школа-десятилетка, где обучение идет на казахском языке. Однако выездные комиссии по приему в вузы ведут собеседования и принимают вступительные экзамены у абитуриентов из этой школы на монгольском языке, что ставит этих ребят в положение несколько неравноправное с выпускниками другой школы-десятилетки, где обучение ведется на монгольском языке. Были жалобы к тому же, что не хватает преподавателей казахского языка, учебных пособий и т.д.

Нет особой близости также между монголами и цатанами.

Что касается монголо-китайских отношений, то здесь по-прежнему явно дает о себе знать традиционная неприязнь ко всему китайскому плюс повсеместное осуждение политики и практики маоизма. Нигде я не сталкивался с прокитайскими

чувствами или симпатиями, хотя китайская «бескорыстная» помощь, особенно в жилищном строительстве, не забыта.

Заметно менее ощущается, на мой взгляд, и активность китайского посольства и китайской пропаганды на МНР: в 1965 г., например, я часто слышал передачи из Пекина в юртах аратов и даже в Улан-Баторе, а сейчас этого нет. В 1966 г. я видел, как китайцы открыто и не стесняясь распространяли свою литературу, даже в министерствах, а сейчас, наоборот, только один раз привелось наблюдать, как два сотрудника посольства КНР ходили по книжным магазинам и скупали оптом и в розницу последние монгольские издания.

Отчужденность между монголами и китайцами, живущими в в Улан-Баторе, стала, мне кажется, еще большей. По правде сказать, китайцы в Улан-Баторе (а их несколько тысяч), особенно старики, и китайские кварталы вообще выглядят жалко. Приходилось слышать, что молодые китайцы заняты только на сезонных строительных работах, причем в основном как разнорабочие, что платят им мало и т. п. Якобы среди них появились даже перебежчики, нашедшие политическое убежище в МНР, что они пытались объединиться в некую антимарионетскую организацию, но не получили разрешения властей, что некоторые из них мечтают перебраться в Советский Союз.

Если эти сведения достоверны, то, очевидно, в китайской колонии в Улан-Баторе идет размежевание, дифференциация. Несомненно, что среди китайского населения в столице МНР сотрудниками китайского посольства велась систематическая и активная работа, которая требует постоянного внимания. Не исчезли и такие каналы влияния, как смешанные монголо-китайские семьи, прослойка метисов, кланы родственников, поддерживающих между собой тесные отношения.

Что касается отношений с Западом, то создается впечатление, что здесь продолжается, если так можно выразиться, процесс взаимного и весьма осторожного зондажа возможностей и перспектив развития контактов во всех сферах экономики, культуры, науки и т. д. Конечно, дипломатические связи МНР намного расширились, страну посещают самые разные деятели и, как правило, уезжают на родину очарованные американские

туристы, охотники и прочие (я читал их восторженные отзывы во многих сомонных гостиницах и др.). Мне трудно судить, как в действительности обстоят дела по части развития торговли, продвижения различных экономических проектов, однако кажется, что особых изменений с 1966 г. в этом отношении не произошло, если не считать мероприятий по части метеорологии, здравоохранения и кожевенной промышленности, успешно проводимых по линии ООН.

Большую роль в развитии международных научных контактов, и особенно в монголоведении, сыграл отлично организованный Международный конгресс монголоведов, прошедший в Улан-Баторе в 1970 г. Образованный конгрессом постоянный комитет под председательством Б. Ширендыба (секретарь С. Лувсанвандан), насколько нам известно, пока занят исключительно изданием трудов конгресса и в целом малоактивен. Если и дальше его активность останется на таком же уровне, то вряд ли он сможет выполнить свое предназначение — стать Организационным центром монголоведения, заменить Постоянную международную алтаистическую конференцию (ПИАК) со штаб-квартирой в Индианском университете (г. Блумингтон, США).

Кстати, в 1971 г. монгольские ученые впервые, кажется, приняли участие в очередном ежегодном съезде этой организации, состоявшемся в Будапеште, а в 1972 г. собирались приехать на съезд и в Вену.

Расширился приток монголоведческой литературы из Западной Европы, США и Японии. Наблюдение за этой литературой, ее накопление, аннотирование и частично перевод на монгольский язык стали основными функциями специального Отдела информации, недавно созданного в Институте истории АН МНР во главе с бывшим заведующим иностранным отделом президиума АН МНР — Эрдэбиликком.

Изучение зарубежных стран Востока сосредоточено в Отделе востоковедения (руководитель д. иист. н. Ш. Бира, 11 сотрудников), существующем на правах научного подразделения при президиуме АН МНР. Думается, что отдел будет расширен и преобразован в специальный институт, который

и станет главным центром международных научных связей МНР.

Определился круг западных ученых-монголоведов и востоковедов, которые пришлось, так сказать, ко двору и стали чуть ли не штатными гостями АН МНР. Это прежде всего американский профессор Оуэн Латтимор — влиятельная фигура на Западе, почти ежегодно посещавший МНР (был он и в 1971 г.), француженки Ф. Обен, Р. Амайон, англичане — Г. Хэмфри, Р. Притчард (они приезжали от Монгольского государственного университета) и др. Трудно говорить о степени их влияния в научных кругах МНР (оно кажется несущественным), но факт регулярных посещений и длительного пребывания в МНР говорил о том, что научные контакты с Западом растут.

Что касается советско-монгольских отношений, то здесь прежде всего бросился в глаза, конечно, огромный рост объема взаимного сотрудничества и нашей помощи, значительное увеличение числа советских специалистов, гражданских и военных, рассредоточенных почти по всей стране. Это было видно буквально везде, где мне удалось побывать.

Создалось впечатление, что отношение к нашим специалистам более или менее ровное и дружественное, что они работали в целом в тесном контакте с соответствующими монгольскими организациями, встречая там понимание и поддержку. Вместе с тем возросший объем отношений, естественно, вел к возросшим сложностям.

Нет никакого сомнения, что подавляющее большинство наших специалистов в МНР — люди квалифицированные, добросовестные и честные, что они делали большое и полезное дело. Однако их почти полная неосведомленность об истории страны, ее обычаях, национальном характере монголов, неумение разобраться во внутренних ситуациях, а главное, все еще абсолютно недостаточная подготовленность к специфическим условиям жизни и работы в МНР, к трудностям быта, особенно в худоне, вели зачастую, чему я был непосредственным очевидцем, к растерянности и даже к отчаянию либо порождали высокомерие, заносчивость, отчужденность, а в лучшем случае — апатию и равнодушие.

Работа в Монголии, особенно в худоне, в полевых условиях предполагала готовность к любым неожиданностям. Необходим был осторожный подход к решению даже мелких организационных вопросов, скажем, просьбы о получении транспортных средств, нужна была выдержка и политический такт, а присущая монголам обостренная чувствительность, их мнительность и уязвимость при удивительной способности подмечать все вплоть до мелочей — требовали уважения к их национальным традициям, жилищу, пище, утвари. Любая иная линия поведения способна была вызвать и вызывала отчуждение, раздражение и недовольство.

К сожалению, среди части советских специалистов, работающих или выезжающих в худон, встречались люди, увы, даже среди участников экспедиции и работников аппарата посольства, готовые сутками обходиться сухим пайком, лишь бы не прикасаться к монгольской кухне, не говоря уже о том, чтобы — боже упаси! — остановиться на ночлег или зайти просто отдохнуть в юрту. И это из-за гипертрофированной и часто необоснованной боязни антисанитарии.

Не менее, если не более, была распространена любовь к зеленому змию, причем как среди гражданских, так и среди военных, и, что особенно печально, среди офицерства.

Мне говорили, что в Арвайхээре (Увэрхангайский аймак), например, пьяные солдаты нашей воинской части разрыли пять монгольских могил и ограбили лавку военторга; на аэродроме в этом же городе я и все остальные пассажиры были свидетелями того, как гигант подполковник-летчик буквально чуть не задушил щупленького монгольского юношу своими пьяными излияниями в дружеских чувствах; в поезде, по дороге из Сайншанды в Улан-Батор, всему вагону не давала заснуть компания молоденьких лейтенантов-фармацевтов, всю ночь глушившая казенный спирт и щедро угощавшая им монголов.

Наше военное присутствие в Монголии показалось мне чрезмерно заметным. Например, Сайншанд произвел на меня впечатление гарнизонного городка, в жизни которого доминировали наши воинские части. Очень много военных было на улицах Улан-Батора.

Психологический эффект от всё растущей советской помощи МНР, действительно бескорыстной и действительно широкой, не мог не снижаться ввиду того, что у советских специалистов были привилегии по части снабжения и обеспечения жильем.

Например, раньше закрытые магазины для специалистов были только в Улан-Баторе, Дархане и Чойбалсане, а теперь они появились чуть ли не в каждом аймачном центре, причем в Мурэне, например, чуть ли не дверь в дверь с монгольским магазином, а в Улясутае — так почти в самом центре города. Поскольку общее положение с продовольствием и промтоварами по всей республике улучшилось, реакция на бывший кричащий контраст в ассортименте ОРСов и монгольской сети магазинов стала менее острой. Однако эта проблема далеко не была снята с повестки дня и по-прежнему порождала спекуляцию, попрошайничество, зависть, раздражение и прочие нехорошие, мягко выражаясь, явления. У меня нет сомнений, что система снабжения наших специалистов через ОРСы по-прежнему и — учитывая ее возросшие масштабы, а следовательно и радиус отрицательного воздействия — даже больше, чем раньше, не отвечала задачам укрепления советско-монгольской дружбы и не способствовала воспитанию монгольских друзей в духе интернационализма.

По-прежнему у меня нет готовых рецептов для ее решения, но, по крайней мере, на мой взгляд, надо хотя бы прятать эти ОРСы куда-нибудь подальше и решать проблему немедленно. Справедливости ради следует сказать, что работники ОРСов стали более корректно относиться к монгольским покупателям, попадавшим туда правдами и неправдами, что не снимало, однако, необходимости продолжать среди этих работников соответствующую разъяснительную и воспитательную работу.

Такая работа, на мой взгляд, стала несколько более активной и систематической по всей советской колонии вообще, но она недостаточна. Необходима более тщательная страноведческая подготовка наших специалистов, ознакомление их с достижениями монгольского народа, его национальными особенностями, со страной в целом.

Большую помощь в этом деле могли оказать монголоведы разного профиля, как находящиеся в стране, так и специально командированные из Москвы, Улан-Удэ и других научных центров, а также монгольские ученые и специалисты.

Вообще, активизация советских ученых, и прежде всего благодаря расширению и углублению разных форм сотрудничества с коллегами из МНР, требовалась безотлагательно, потому что, по моему наблюдению, за прошедшие пять лет в МНР в целом стала ослабевать заинтересованность в развитии такого сотрудничества.

Это объяснялось тем, что те предложения о развитии связей, которые монгольская сторона в лице Б. Ширендыба, Ш. Нацагдоржа и других официальных лиц в частном порядке делала в 1966 г., остались в общем пока не реализованными — лишь в Монгольский университет была направлена группа советских студентов, да работала советско-монгольская историко-культурная экспедиция (хотя и не без трудностей). Не реализованы пока предложения посылать в МНР аспирантов для подготовки и защиты диссертаций на монголоведческие темы, сотрудников-монголоведов — для работы в соответствующих институтах АН МНР в течение 2–3 лет. Остались неосуществленными предложения о коллективной разработке тем, совместной публикации источников, даже создания комплексного центра подготовки и издания имеющихся в архивах СССР и МНР источников на монгольском, тибетском и русском языках.

Энтузиазм монголов в отношении развития сотрудничества с советскими монголоведами сейчас несколько поостыл, в частности за все 9 месяцев моего пребывания в МНР на этот раз нам не было сделано никаких предложений по этой части.

Нельзя, конечно, утверждать, что монголы уходят от сотрудничества. Их перспективные планы развития академических институтов, создание специального Института археологии прямо ориентированы на помощь со стороны Академии наук СССР. Но не только. Там рассчитывают также на помощь Академий наук Венгрии, ГДР и ЧССР. Все эти планы действительно открывают новые широкие возможности для выдвиже-

ния с нашей стороны комплексных встречных предложений по всемерному расширению традиционных связей в области монголоведческих исследований, для укрепления авторитета и позиций советской школы монголистики и ее влияния в МНР, и грех было бы ими не воспользоваться. В этих условиях особое значение приобретает и такая сравнительно новая форма сотрудничества с АН МНР, как направление сотрудников головного центра монголоведения в СССР — Института востоковедения АН, на длительный срок — на стажировку 6, 9, 13 месяцев — в страну, в Монгольскую академию наук.

Несмотря на то что такие командировки практикуются всего с 60-х годов, они доказали свою плодотворность и действенность.

Я уезжал из страны с твердым убеждением, что жизнестойкое монгольское общество крепко стоит на ногах, народ доволен жизнью и у него ясное будущее.

ПРИЛОЖЕНИЕ

М. Гольман

Поездка в Сухэ-Батор

Дорога ... На этот раз наш газик мчится на север, наматывая на колеса ленту шоссе со скоростью 80 км в час, мимо зеленого бархата долины Мандал Хундий, куда в далекие времена съезжались со всей страны араты на Долон Хошуу надом, мимо живописной лесной опушки, где в 1957 г. проездом останавливался со своими спутниками высокий гость Монголии Климент Ефремович Ворошилов.

Вот промелькнули чистенькие домики поселка Замд, известного своим благоустройством и отличной планировкой, вот уже позади оживленный поворот на центральную усадьбу Борнурского госхоза, и вдруг стоп — остановка. Выходим размяться. Вокруг тишина, широченный простор в полукружье мозаичных гор с шапкой взбитых пенистых облаков. Пахнет полынью. Вдали, на склоне холмов, белым пятнышком приютился аил из нескольких юрт. По цветистому полевому ковру бойко бежит к нему крошечная издали «шкода». Видно, спешат на отдых горожане-отпускники. Да, неплохо бы пожить здесь некоторое время, подышать душистым воздухом, попить свежего целебного айрага. Но дорога зовет, и мы снова трогаемся в путь.

Примерно со 112-го км от Улан-Батора шоссе уже не только важная транспортная магистраль, но и граница: слева по курсу на Сухэ-Батор тянутся пашни Жаргалантуйского госхоза, справа — поля Борнурского госхоза. Огромные массивы земель принадлежат этим многоотраслевым хозяйствам, снабжающим столицу зерном и овощами.

А когда-то, до революции, здесь и дальше проходили зоны земельной колонизации, полосы отчуждения. То здесь,

---

то там бросаются в глаза остатки глиняных заборов, окружавших фанзы переселенцев, следы оросительных канавок — наглядное свидетельство колонизаторской политики маньчжуров. Их прицел был дальним и коварным: не только освоить бассейны рек Боро, Хара, Ёро, Орхона и Селенги и тем самым укрепить экономическую базу своего владычества, но и отделить барьером свободолюбивых и непокорных монголов от бурлящей России, ее революционного влияния.

Очистительный гром революции сорвал эти замыслы, не дал совершиться трагедии, а народная власть не только сохранила в этих местах так называемую «государственную пашню» времен автономии, но и смело стала развивать земледелие как вторую по значению отрасль сельского хозяйства страны. И теперь на месте жалких делянок и нищих десятин — веселое море пшеницы, вместо тощих арыков — многокилометровые оросительные каналы, проложенные трудом монгольских строителей и их друзей из социалистических стран.

Поворот на проселок, на Зуун-Хару, и сразу же, слева, следы другого хищника, угрожавшего когда-то независимости Монголии. Вот видны полуразрушенный карьер и штольни, до сих пор еще кровоточит порода на выступе скалы, обглоданной жадными старателями, немного поодаль — почерневшее, поросшее мхом зданьице примитивной обогатительной фабрики с грудой кварца, сваленного в кучу у его покосившихся стен. Бывшие владения бывшего «Монголора» — детища международного капитала, воплотившего в себе грабительские устремления империалистов Европы и Америки.

Рассказывают, что некоторые старики еще помнят одного из главных заправил этой, как ее тогда называли, «Объединенной акционерной компании по горнодобыче в Тушету и Цеценхановском аймаках Монголии» — суетливого и властного барона Пауля де Гроота.

Свыше тысячи рабочих — монголов и русских — своим трудом умножали богатства именитых пайщиков: принца Ухтомского, великого князя Михаила, бельгийца Гроота и других кровососов. В их компании одно время подвизался американский авантюрист Франц Ларсен, самозванный «герцог

Монголии». Все это ушло в прошлое. Уже многие годы у приисков новый хозяин — народ. Это он построил шахты, обогатительную фабрику, сверкающие белизной дома для рабочих, которые мы видим из окна машины.

Все ближе надвигается на нас Сэрхэн-Цэг — скалистая вершина, похожая на голову спящего льва. Она довлеет над долиной, где растет и ширится крупный город, начавший новую жизнь с прокладкой «Дороги дружбы», стальной колеи Наушки — Улан-Батор.

Мы въезжаем в город Зуун-Хара с юга и попадаем в его предместье — усадьбу Зуунхаринского госхоза. Далее продвигаемся к индустриальному центру, где тянется к небу множество труб и башен и сверкают на солнце здания из стекла и бетона. Первенец индустрии Зуун-Хары — строящийся спирто-крахмало-паточный завод производит сильное впечатление своими производственными корпусами. По плану завод должен быть сдан в конце нынешнего года.

Северный, примыкающий к вокзалу, район — это городок науки. Здесь расположен Институт растениеводства АН МНР. В добротных уютных домах с резными ставнями и замысловатыми наличниками живут сотрудники института. Их дети учатся в просторном, светлом, одном из лучших в стране, здании школы-десятилетки.

А в стороне, за полотном железной дороги, на четырехстах гектарах раскинулись экспериментальные участки института. Чего только здесь нет: зерновые, овощные и плодово-ягодные культуры. Здесь проходят сортоиспытания и проводится большая селекционная работа.

Семь секторов и две лаборатории института разрабатывают 52 научные темы. Только в этом году результаты работ по 14 темам внедрены в производство. Молодой коллектив научных и технических сотрудников института в составе 90 человек возглавляет директор Бадарч, окончивший аспирантуру Тимирязевской академии в Москве. Сектором селекции зерновых культур руководит лауреат Государственной премии Зундуй-Жанцан. Он один из авторов нового сорта пшеницы «Орхон». В ведении института опытные станции

в Кобдосском, Булганском и Восточном аймаках, знаменитая Шамарская станция.

Назавтра наш путь лежал через Дархан к Шамару и оттуда на Сухэ-Батор. Выехали рано и через некоторое время, миновав Барун-Хару, наша машина мчалась по широченной долине Даган-Дэл в сторону Дархана. Какой-нибудь час с небольшим и впереди показались корпуса заводов и жилые кварталы нового города.

О Дархане писали много и хорошо, и мы не будем повторяться, тем более что побыли там недолго. Наша главная цель — Шамар, и мы торопились добраться туда поскорее. Скажем только, что нас, как и всех, кому довелось побывать хотя бы проездом в Дархане, город поразил масштабамистроек, современным обликом мощных предприятий и каким-то своим, только ему присущим, рабочим ритмом. Но главное, интернациональным характером: монгольская, русская, польская, чешская речь на улицах города сливалась в квартет дружбы народов социалистических стран.

И вот мы уже катим по долине Ёро-гола, оставляя в стороне покрытую лесом живописную гору Дулан-Хайрхан — родину и излюбленное место отдыха видного общественного и политического деятеля МНР, соратника Сухэ-Батора, старого партизана Бумцэнда.

И вдруг такая близкая сердцу картина: машина въезжает в лес, дорога идет тенистой аллеей меж вековых сосен. Кажется, ты попал в родное Подмосковье, сейчас расступятся деревья и откроется зеркальная гладь Истринского водохранилища.

Мы в историческом месте, в лесу Тужийн Нарс. 45 лет назад партизаны в жестоком бою добились здесь остатки бежавших из Маймачена гаминов.

Отсюда уже рукой подать до Шамара. 22 домика знаменитой плодово-ягодной станции стоят на окраине населенного пункта, скрытые в зелени кустов и деревьев.

60 сортов яблонь и ягод прижилось и плодоносят в этом чудо-саду на двадцати гектарах. 40 т плодов и ягод ежегодно сдает станция государству. Ее производственный цех выпускает продукцию — варенье, соки, наливки — на 150 тыс. тугриков

в год. Станция приносит немалый доход. Но главное, коллектив ведет большую научную работу по селекции и сортоиспытанию плодово-ягодных культур, повышению их урожайности и морозоустойчивости. Руководит станцией ее создатель Шагдар — прославленный садовод Монголии, мичуринец-селекционер, в прошлом школьный учитель, а ныне лауреат Государственной премии, член-корреспондент Академии наук МНР.

Мы были восхищены трудовой доблестью шамарцев, в суровых климатических условиях заложивших основы перспективного развития плодоводства в стране.

После осмотра хозяйства станции мы направляемся в Сухэ-Батор. Город лежит в долине, где сливаются Орхон с Селенгой. Согласно преданию, когда Орхон с Селенгой слились — поженились, на свадьбе присутствовали родители: отец Орхона — гора Субурган и мать Селенги — гора Алтай. Они и сейчас высятся над долиной, оберегая семейное счастье детей.

В отрогах этих гор зарождалась Монгольская Народная армия, формировались партизанские отряды. Отсюда они пошли штурмом на Маймачен, мимо местечка Цагаан Эрзэг — нынешнего административного и промышленного центра Селенгинского аймака, носящего гордое имя Сухэ-Батора. 40 верст отделяло их от цели. И цель была достигнута...

Сейчас панорама города неотделима от башен мельнично-мукомольного комбината, которые вырастают прямо из степи и на фоне черных гор кажутся еще более внушительными. Город плотно застроен. В его черте ряд крупных предприятий: спичечная фабрика, деревообрабатывающий завод, главная пристань Селенгинского пароходства. На центральной площади — барельеф вождя монгольской революции Сухэ-Батора. С холма, возвышающегося над площадью, открывается чудесный вид на пойму Орхона и Селенги, на весь город. Вдоволь налюбовавшись, возвращаемся в Шамар, где нас ждут гостеприимные и радушные хозяева.

Путешествие закончено. Завтра назад, в Улан-Батор. Да, много интересного и поучительного узнали и увидели мы во время этой короткой поездки.

«Современная Монголия». 1966. № 12.

SUMMARY

In the modern Mongolia's history the 1970s were an important period. The author of the book hereby presented to the readers was destined to work at that time in Mongolia and to witness the changes that the country underwent. He shares his impressions as if inviting the readers to witness the realia of that time and to view them unbiasedly, without prejudices so common for the analysts of the recent decades. The inquiring eye of a Mongolist collecting data for his research in all areas of the country recorded the changes that took place in the people's social and private life along with the realization of the decisions of the ruling Mongol People's Revolutionary Party's first fifteenth (1966) and then sixteenth (1971) congress; the latter summarizing the fulfilment of the plans to lay, with the help from the USSR and other socialist countries, the material and technological foundation of socialism. The author watched from inside how the social and economic system of the country functioned as the diktat of the party spread to all spheres of material and cultural existence of the people, going as far as setting the standards of the people's everyday life.

During his sojourns in Mongolia, the author met people from all social groups — the arats (cattle herders) and academics, hotel worker and writers, drivers and diplomats, and those meetings have been recorded honestly, with no embellishment, and, in most cases, sympathetically. The writer's attention was likewise focused upon the Soviet specialists in Mongolia and their contribution to the Mongols' cause. The author's deliberations upon the important problems of the country are interspersed with common life sketches, taking the readers into the atmosphere and cares of the bygone epoch.

The author narrates how Mongolia carried on a wide industrial and housing construction when almost the whole country turned into construction site. There was an observable common

enthusiasm, the movement 'for Socialist Labour' developed. The party's proclaimed target «to turn Mongolia from agro-industrial into industrial-agrarian country' was wholeheartedly supported by the people. These views were dominant in the society, and the republic steadfastly moved along the path of modernization and urbanization.

Thus the situation in the country was perceived by an outsider, by no means indifferent but wholly sympathetic, in 1966–1972.

Научно-литературное издание

Марк Исаакович ГОЛЬМАН

МОНГОЛИЯ ГЛАЗАМИ МОНГОЛОВЕДА

(60–70-е годы XX века)

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения РАН*

Редактор А. З. Алмазова
Корректор М. Я. Колесник
Верстка П. С. Романов

Подписано 11.03.2019
Формат 60х90/16. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 18,0. Уч.-изд. л. 13,2
Тираж 500 экз. Зак. № 376

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения
Российской академии наук
107031 Москва, ул. Рождественка, 12
Научно-издательский отдел
Зав. отделом И. В. Федулов
E-mail: izd@ivran.ru

Отпечатано в ПАО «Т8 Издательские Технологии»
г. Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корп. 5

Автор у скульптурных изображений Богдо-гэгэна VIII и его супруги.

Академик Б. Ринчен (1874–1921)

Арат на пастбище. Архангайский аймак, 1966 г.

Баян-Хонгорский аймак. Монастырь «Цветок мира, благоденствия и красоты», 1966 г.

Буддийский монастырь Амарбаясгалант, 1966 г.

Выставочный зал. Улан-Батор, 1966 г.

Главный монастырь Улан-Батора Гандантэгчинлин, 1966 г.

Герой национально-освободительной борьбы А. Аюуши. Кобдо, 1971 г.

Герой Халхин-Гола Хаянхирва, 1966 г.

Двугорбый верблюд. Баян-Хонгорский аймак, 1966 г.

Дом отдыха. Минеральный источник. Шаргалжуут аршан.
Баян-Хонгорский аймак, 1966 г.

Дорога в Шамар, 1966 г.

Традиционный наряд монгольских женщин до революции

Здание гостиницы в Чойбалсане, 1966 г.

Детский сад. Чойбалсан, 1966 г.

Улан-Батор. Государственный академический театр оперы и балета, 1966 г.

Дзун мод. Центральный аймак, перекочевка аратов, июнь 1971 г.

По дороге в Улан-Батор. Дзун Мод, Центральный аймак,
перекочевка аратов, июнь 1971 г.

Здание музыкально-драматического театра. Баян-Ульгийский аймак, 1971 г.

«Король» и «королева» пустыни, 1971 г.

Монастырь в Улан-Баторе

Музей изобразительных искусств. Улан-Батор, 1966 г.

Памятник монгольским и советским воинам
на Халхин-Голе, 1966 г.

Памятник поэту Д. Нацагдоржу – основателю современной монгольской литературы. Улан-Батор, 1971 г.

Визит А.Н. Косыгина. Улан-Батор, 1971 г.

Птицефабрика в Баян-Хонгорском аймаке, 1966 г.

Семья арата, 1971 г.

Хэнтэйский аймак, местность Гурван нуур,
памятник Чингисхану, сентябрь 1966 г.

Соревнование монгольских борцов. Улан-Батор, 1971 г.

Стелы VII–IX вв. Баян-Хонгорский аймак, 1966 г.

Улан-Батор, Дом правительства и мавзолей Д. Сухэ-Баторан
и Х. Чойбалсана, 1966 г.

Улан-Батор, монастырь, 1966 г.

Улица в Улан-Баторе, 1966 г.

Халхин-гол. Памятник танкистам М.П. Яковлева